



БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

2

2023

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: sociology@bsu.by

**Заместители
главного
редактора** **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by

ФУРМАНОВ И. А. – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: fourmigor@gmail.com

**Ответственный
секретарь** **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Агилера М.* Малагский университет, Малага, Испания.
Андрющенко В. П. Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
Бабосов Е. М. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Безнюк Д. К. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Водопьянов П. А. Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
Вольферт П. Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Данилов А. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Журавлев А. Л. Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Зеленков А. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Иванич П. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Карамушка Л. Н. Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
Кирвель Ч. С. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Козловский В. В. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Королева И. Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
Купченко В. Е. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
Лазаревич А. А. Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Лаптёнок А. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Мазилов В. А. Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
Порус В. Н. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
Ротман Д. Г. Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Румянцева Т. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Сайганова В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Слепович Е. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стелинговска Б. Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
Терещенко О. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Шатравский С. И. Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Якубовска В. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Янчук В. А. Независимый исследователь, Минск, Беларусь.
Яскевич Я. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief RUBANAU A. V., doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editors-in-chief LIAHCHYLIN A. A., PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

FOURMANOV I. A., doctor of science (psychology), full professor; head of the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

E-mail: fourmigor@gmail.com

Executive secretary DABRARODNI D. G., PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social and Humanities Education of the Belarus State Economic University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.* University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov Y. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel C. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Hrodna, Belarus.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Laptenok A. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rotman D. H. Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Sayganova V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Tereschenko O. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Vodopyanov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Yanchuk V. A. Independent researcher, Minsk, Belarus.
Yaskevich Y. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

УДК 1(091)

СТОИЧЕСКАЯ МУДРОСТЬ СЕНЕКИ

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрена реконструкция системы взглядов древнеримского философа Сенеки о стоической этике и мудрости жизни в сборнике «Нравственные письма к Луцилию». Показано, как Сенека объяснял основы мироздания, включая понятия разума (Бога), необходимости, судьбы (фортуны), души, счастья и наслаждения. Выделены представления данного философа о смысле жизни, целях и тактике человеческих действий, оценка жизненной ситуации и личностная самооценка, их влияние на поведение и душевное самочувствие человека. Раскрыто, что предметом повышенного внимания Сенеки являются вопросы этики, в эпицентре которых находятся понятия блага и добродетели, долга и совести, нравственные основы межчеловеческих отношений и общественной жизни, а также проблемы и методы воспитания и самовоспитания.

Ключевые слова: этика; стоицизм; мудрость; душа; смысл жизни; благо; добродетель; долг; счастье; воспитание.

THE STOIC WISDOM OF SENECA

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The subject of this article is the reconstruction of the system of views of the Ancient Roman philosopher Seneca on stoic ethics and the wisdom of life in the «Moral Letters to Lucilius». Seneca's explanation of the foundations of the universe is shown, including the concepts of reason (God), necessity, fate (fortune), soul, happiness, and pleasure. His ideas about the meaning of life, the goals and tactics of human actions, the assessment of the life situation and personal self-esteem, their in-

Образец цитирования:

Рубанов АВ. Стоическая мудрость Сенеки. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;2:4–14.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-4-14>

For citation:

Rubanau AV. The stoic wisdom of Seneca. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023; 2:4–14. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-4-14>

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com

fluence on the behaviour and mental well-being of a person are highlighted. It is shown that the subject of Seneca's increased attention is the issues of ethics, in the epicenter of which are the concepts of goodness and virtue, duty and conscience, the moral foundations of interpersonal relations and social life, problems and methods of education and self-education.

Keywords: ethics; stoicism; wisdom; soul; meaning of life; blessing; virtue; duty; happiness; upbringing.

«Нравственные письма к Луцилию» – итоговое и наиболее известное произведение выдающегося римского философа-стоика. Оно включает 124 письма Сенеки, возможно, воображаемому адресату. В них он хотел «охватить всю нравственную философию и объяснить все относящиеся к ней вопросы» (Sen. Ep. CVI, 2). Ученый С. Ошеров, который переводил письма с латинского языка, писал о том, что они «остаются как бы фрагментарными», но «в конечном счете, из мозаики писем слагается система стоической этики в истолковании Сенеки – цельная и стройная, вопреки кажущейся разорванности изложения»¹. В данной книге Сенека изложил основы стоически мудрого отношения к жизни и поведения людей.

Размышления философа исходят из его основополагающих представлений о мире. Объясняя первопричины мироздания, Сенека писал о том, что «...наши стоики... утверждают: все в природе возникает из двух начал – причины и материи. Материя коснеет в неподвижности, она ко всему готова, но останется праздною, если никто не приведет ее в движение. Причина... ворочает материю как хочет и, придавая ей форму, лепит всяческие предметы» (Sen. Ep. LXV, 2). Данной причиной, по мнению мыслителя, является «деятельный разум, то есть Бог» (Sen. Ep. LXV, 12).

По воле Бога в мире господствует определенный порядок вещей (необходимость), в который включена и судьба человека (фортуна). Отношение Сенеки к фортуне многозначно. Ключевой его тезис состоит в том, что «душа сильнее фортуны... она делает... жизнь блаженной или несчастной» (Sen. Ep. XCVIII, 2), и «над нравами человека фортуна не властна» (Sen. Ep. XXXVI, 6). Развивая эту мысль, философ писал: «Все причастное фортуне и плодоносно, и приятно, если владеющий им владеет и собой, не попав под власть своего достоинства» (Sen. Ep. XCVIII, 2). Всякий истинный человек добра может возвыситься над фортуной по той причине, что причастен божеству, который «дает нам благородные и правдивые советы» (Sen. Ep. XLI, 2). По поводу случая и фортуны в письме есть следующие предупреждения: «Избегайте всего, что... подбросил вам случай! Вы думаете, это дары фортуны? Нет, это ее козни» (Sen. Ep. VIII, 3); «Не наше то, что нам дано фортуной» (Sen. Ep. VIII, 10).

Сенека рассматривал взаимосвязь проблемы отношения человека к фортуне и проблемы свободы.

Он задавал риторический вопрос о том, что такое свобода, и отвечал на него так: «Не быть рабом ни у обстоятельств, ни у неизбежности, ни у случая; низвести фортуна на одну ступень с собою; а она, едва я пойму, что могу больше нее, окажется бессильна надо мною» (Sen. Ep. LI, 9).

Предметом особого внимания древнеримского философа стали источники человеческой активности. Первый из них – желания. Их возникновение Сенека связывал с фортуной: «Ты не назовешь мне никого, кто, желая чего-нибудь, знал бы, откуда это желание взялось, ведь он пришел к нему не по размышлению, а натолкнулся на него сходу. Фортуна сама находит нас не реже, чем мы ее» (Sen. Ep. XXXVII, 5). Раскрывая динамику желаний, он вводил понятие «цепь желаний», подразумевающее момент, когда «одно родит другое» (Sen. Ep. XIX, 6). Выделяются два вида желаний: естественные и порожденные ложным мнением. Их различие состоит в том, что «естественные желания имеют предел, порожденные ложным мнением – не знают, на чем остановиться» (Sen. Ep. XVI, 9). Раскрывая на примере животных содержание естественных желаний, Сенека писал о том, что природа «больше всего учит самосохранению и всему, что для него нужно» (Sen. Ep. CXXI, 23). Он подчеркивал, что «первые орудия, данные им природой для выживания, – приспособление и любовь к себе» (Sen. Ep. CXXI, 24). Как выражался философ, если «захочешь узнать, естественно ли твое желание или слепо, взгляни, может ли оно где-нибудь остановиться» (Sen. Ep. XVI, 9). Кроме того, Сенека давал практический совет о том, как контролировать свои желания: «Установи же для себя предел, за который ты не хотел бы перейти, даже если мог» (Sen. Ep. XVI, 11).

Дальше логика рассуждений древнеримского мыслителя направлена на выяснение смысла жизни человека. Он начал их с постановки основополагающего смыслового вопроса и своего рода целеполагания: «Неужели мы уже знаем, как жить, как умирать? Вот к чему следует направить все мысли» (Sen. Ep. XLV, 5). В процессе размышления философ затрагивал проблему души, ее особой роли в формировании жизненных намерений и поступков человека: «Поступок не будет правильным без правильного намерения, которым поступок и порождается. И опять-таки намерение не будет правильным без правильного строя души, которым

¹Ошеров С. Сенека: философ, прозаик, поэт // Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии / сост. М. Гаспаров. М.: Худож. лит., 1986. С. 17.

и порождается намерение. А строй души не будет наилучшим, если она не постигнет законов всей жизни» (Sen. Ep. XCV, 57).

Сенека наделял душу разносторонней характеристикой. Объясняя ее материальный субстрат, философ говорил, что она «состоит из тончайшего вещества... чье вещество тоньше огненного» (Sen. Ep. LVII, 8). А на вопрос о том, «может ли она остаться бессмертной», отвечал: «Даже не сомневайся» (Sen. Ep. LVII, 9). Мыслитель писал: «Душа, бесспорно, одушевлена» (Sen. Ep. CXIII, 2); «...в ней – совершенный разум» (Sen. Ep. XLI, 8).

Но душа, по его своеобразной классификации, может быть как прямой, так и дурной: «Душа прямая и чуждая порчи исправляет зловредность фортуны и знанием смягчает с трудом переносимые тяготы; все приятное она встречает скромно и с благодарностью, все неприятное – мужественно и со стойкостью» (Sen. Ep. XCVIII, 3); «Душа дурная все оборачивает к худшему, даже то, что приходит под видом наилучшего» (Sen. Ep. XCVIII, 3). Особо он выделял то, что она «видит свои недостатки, которых прежде не знала, это свидетельствует, что она обратилась к лучшему» (Sen. Ep. VI, 1).

Смысл жизни, найденный благодаря душе, обязательно должен конкретизироваться в целях. В реальности часто происходит наоборот: «Кто живет без цели впереди, тот всегда блуждает» (Sen. Ep. XCV, 46); «Лишь немногие располагают собой и своим добром по собственному усмотрению, прочие же подобны обломкам в реке: не они плывут, а их несет... Поэтому следует установить, чего мы хотим, и добиваться желаемого с упорством» (Sen. Ep. XXIII, 8). Мотивация безынициативности и бездеятельности раскрывается следующим образом: «“Не хотим” – вот причина; “не можем” – только предлог» (Sen. Ep. CXVI, 8).

В контексте такой постановки вопроса о смысле жизни и его значении для блага человека находятся известные рассуждения Сенеки о времени: «...часть времени у нас отбирают силой, часть похищают, часть утекает впустую. Но позорнее всех потеря по нашей собственной небрежности. Вглядись-ка пристальней: ведь наибольшую часть жизни тратим мы на дурные дела, немалую – на безделье, и всю жизнь – не на те дела, что нужно» (Sen. Ep. I, 1, 2) «...не упускай ни часу. Удержишь в руках сегодняшний день – меньше будешь зависеть от завтрашнего. Не то, пока будешь откладывать, вся жизнь и промчится» (Sen. Ep. I, 1, 2).

Особое внимание Сенека обращал на четкость и последовательность в постановке и достижении жизненных целей: «Плохо живут те, кто всегда начинают жизнь сначала» (Sen. Ep. XXIII, 9); «...кто перескакивает от одного намерения к другому и даже не перескакивает, а мечется под действием любой случайности» (Sen. Ep. XXIII, 7); «...и не только меняет намерения, но и возвращается вспять, к тому, от

чего ушел и что сам осудил» (Sen. Ep. XX, 4). И в завершение этой цепочки мысли, как бы подводя ее итог, мыслитель написал свой известный афоризм: «Кто везде – тот нигде» (Sen. Ep. II, 2).

Смысл и главный признак жизни – деятельность (Sen. Ep. CXXII, 3). В свои письма он добавил следующие сентенции: «Мало не отказываться от труда: нужно искать его» (Sen. Ep. XXXI, 6); «Мужчине пот не страшен!» (Sen. Ep. XXXI, 7); «Сократим же хоть ненамного ночь в пользу дня!» (Sen. Ep. CXXII, 3). Сенека, развивая свою мысль, говорил о том, что в деятельности человеку очень важно осмелиться и начать, преодолев сомнения, которые нередко сопутствуют началу активных действий. К тому же бывает так, что мы «трепещем перед неизвестным как перед неотвратимым, забывая меру настолько, что малейшее сомнение превращается в ужас» (Sen. Ep. XIII, 14), при этом «все неожиданное гнетет нас сильнее» (Sen. Ep. XCI, 3). Он также писал слова поддержки тем, кто сомневается и колеблется в подобной ситуации: «Разве, когда возьмешься, все не оказывается легче? Мы не потому не осмеливаемся, что трудно, – трудно оттого, что мы не осмеливаемся» (Sen. Ep. CIV, 26).

Успех человеческой деятельности, по мнению Сенеки, зависит от соблюдения ряда условий, в связи с чем философ дал практические жизненные советы: «Пусть человек будет разумным, пусть все делает по зрелом размышлении, пусть не берется ни за что непосильное» (Sen. Ep. XCVIII, 3); «Что страшно, то старайся отклонить; что рассудок может предвидеть, то старайся предвидеть; что грозит тебе ударом, старайся заметить и предотвратить, прежде чем оно случится» (Sen. Ep. XCVIII, 7); «Есть одно благо, и в нем же – источник и залог блаженной жизни: полагаться на себя» (Sen. Ep. XXXI, 3); «...тот может все, чего хочет, кто не считает, будто может больше, чем должен» (Sen. Ep. XC, 4); «...не спешить прежде времени и не мешкать, когда время настанет» (Sen. Ep. XXII, 6); «...разумный всегда примешивает к надеждам долю отчаяния, к отчаянию – долю надежды» (Sen. Ep. CIV, 12); «Поздно быть бережливым, когда осталось на доньшке» (Sen. Ep. I, 5); «...надейся на справедливое решение, но готовься к несправедливому» (Sen. Ep. XXIV, 12); «Нередко учат обману тем, что обмана боятся, и подозрениями дают право быть вероломным» (Sen. Ep. III, 3); «...порок – и верить всем, и никому не верить, только, я сказал бы, первый порок благороднее, второй – безопаснее» (Sen. Ep. III, 4); «...доводи же до конца то, на что замахнулся, пусти в дело все, что есть у тебя за душой» (Sen. Ep. XXXI, 1).

Цель человеческой деятельности многие мыслители видят в достижении счастья, ассоциируя его с состоянием радости и наслаждения. Ключевым в рассуждениях Сенеки о счастье является следующий тезис: «Сделай сам себя счастливым! Это тебе

по силам, если поймешь одно: благо лишь то, в чем присутствует добродетель, а то, что причастно злу, постыдно» (Sen. Ep. XXXI, 5). Это означает, что ощущение счастья он напрямую связывал с благом и добродетелью.

В поисках того, что есть благо и как достигнуть добродетели, мыслитель приходил к следующему ответу: «...душа непреклонная, благородная, высокая. Можно ли назвать ее иначе как богом, нашедшим приют в теле человека? Такая душа может оказаться и у римского всадника, и о вольноотпущенника, и у раба» (Sen. Ep. XXXI, 11).

Пытаясь найти счастье каким-либо иным путем, нужно принимать в расчет его неоднозначные свойства, которые Сенека описывал следующим образом: «Счастье – вещь беспокойная... Каждого оно заставляет за чем-нибудь гнаться: одних – за властью, других – за роскошью, первых делая спесивыми, вторых – изнеженными, но губя и тех, и этих» (Sen. Ep. XXXVI, 1); «Счастье, вопреки общему мнению, не жадно, а слишком ничтожно, чтобы кого-нибудь насытить. Тебе кажется высоким то, от чего ты далеко, а взойди наверх – и оно окажется низким» (Sen. Ep. CXVIII, 6); «Никогда не считай счастливым того, кто зависит от счастья! Если он радуется пришедшему извне, то выбирает хрупкую опору: пришедшая радость уйдет» (Sen. Ep. XCVIII, 1); «В чем же заблуждаются все люди, когда желают счастливой жизни? В том, что принимают средства к ней за нее самое и чем больше к ней стремятся, тем дальше от нее оказываются» (Sen. Ep. XLIV, 7).

В этой ситуации мыслитель давал людям простые и доступные для следования житейские советы о том, как достичь счастья и сопутствующей ему радости в обыденной повседневной жизни и как это счастье, образно говоря, не спугнуть: «Одного желай... чтобы ты мог довольствоваться самим собой и порожденными тобою благами. Какое еще счастье можем мы найти так близко? Ограничься немногим, чего нельзя отнять!» (Sen. Ep. XX, 8); «Глупо, конечно, чувствовать себя несчастным из-за того, что когда-нибудь станешь несчастным. Но я поведу тебя к безмятежности другим путем. Если ты хочешь избавиться от всякой тревоги, представь себе, что пугающее тебя случится непременно, и какова бы ни была беда, найди ей меру и взвесь свой страх. Тогда ты наверняка поймешь, что несчастье, которого ты боишься, или не так велико, или не так длительно» (Sen. Ep. XXIV, 1, 2); «...научись радоваться... я хочу, чтобы радость не разлучалась с тобой, хочу, чтобы она рождалась у тебя дома. И это исполнится, если только она будет в тебе самом. Всякое иное веселье... мимолетно. Или, по-твоему, радуется тот, кто смеется? Нет, это душа должна открыться и уверенно вознестись надо всем» (Sen. Ep. XXIII, 3); «...радуйся лишь тому, что твое. Но что есть это "твое"?» (Sen. Ep. XXIII, 6); «...его дают чистая совесть, чест-

ные намерения, правильные поступки, презрение к случайному, ровный ход спокойной жизни, катящейся по одной колее» (Sen. Ep. XXIII, 7); «Одна лишь добродетель дает нам радость долговечную и надежную» (Sen. Ep. XXVII, 3).

Составной частью сюжета о счастье и счастливой жизни у Сенеки являются высказывания о наслаждениях: «Кто из врагов бесчестит человека так, как иных – собственные наслаждения? Таким можно простить их невоздержность и безумную похоть только по одной причине: они сами страдают от того, что творят» (Sen. Ep. XXXIX, 5); «...наслаждение стоит на краю откоса и скатится к страданию, если не соблюсти меры» (Sen. Ep. XXIII, 6); «Необходимое измеряется пользой, излишнему где найдешь границу? Так и погружаются в наслаждения, без которых, когда они вошли в привычку, уже нельзя жить. Поэтому нет несчастнее зашедших так далеко, что прежде излишнее становится для них необходимым. Наслаждения уже не тешат их, а повелевают ими, они же – и это худшее зло! – любят свое зло» (Sen. Ep. XXXIX, 6); «Тем всякий век непременно покажется коротким, кто мерит его пустыми и потому бесконечными наслаждениями» (Sen. Ep. LXXVIII, 27); «...через наслаждение еще легче подкрадываются к нам пороки» (Sen. Ep. VII, 2); «Мы должны бежать подальше от всего, чем возбуждаются пороки. Душу нужно закалять, уводя ее прочь от соблазна наслаждений» (Sen. Ep. LI, 5).

В ходе рассуждений о счастье и путях, которые к нему ведут, Сенека поднимал проблему умеренности в жизни, начиная с констатации ее жизненной ценности: «Разумный человек умерен» (Sen. Ep. LXXXV, 2); «Велик тот человек, кто глиняной утварью пользуется как серебряной, но не менее велик и тот, кто серебряной пользуется как глиняной» (Sen. Ep. V, 6).

Практическую жизненную пользу умеренности он аргументировал следующим образом: «Великая душа пренебрегает великим и предпочитает умеренное чрезмерному, ибо первое полезно и животворно, второе вредно, потому что излишне» (Sen. Ep. XXXIX, 4); «Так восходят до звезд! Так, следуя за умеренностью; так, следуя за воздержностью; так, следуя за храбростью!» (Sen. Ep. LXXIII, 16); «Где нет меры, там и срок короток» (Sen. Ep. LXXIV, 19).

В письмах также описываются разные пути к достижению умеренности в жизни: «Необходимо привыкнуть к малому. <...>...Всякий может не хотеть того, что не имеет, и с радостью обойтись тем, что под рукой» (Sen. Ep. CXXIII, 3); «Ведь только не имея некоторых вещей, мы узнаем, что многие из них нам и не нужны. Мы пользовались ими не по необходимости, а потому что они у нас были» (Sen. Ep. CXXIII, 6); «Прежде всего ты сам для себя должен разобраться, что необходимо и что излишне. Необходимое ты легко найдешь повсюду; лишнее нужно всегда

искать, тратя всю душу (Sen. Ep. CX, 11); «Мера... может быть, труднее воздержания: ведь от чего-то легче отказаться совсем, чем сохранять умеренность» (Sen. Ep. CVIII, 16); «Воздержанность тяжела на первых порах. Потом желания гаснут по мере того, как устает и слабеет то, посредством чего мы желаем» (Sen. Ep. LXXVIII, 11).

В контексте размышлений об умеренном образе жизни актуальна проблема богатства и бедности, их преимуществ, недостатков и того, как они влияют на образ человеческой личности и ее поведение.

Прежде всего Сенека предупреждал о негативных сторонах владения богатством и его соответствующего влияния на сознание и поведение человека, а также давал советы, направленные на душевное исцеление индивида: «Это очень много – не развратиться, живя под одной кровлей с богатством. Велик тот, кто и в богатстве беден» (Sen. Ep. XX, 1); «Они (богатства. – А. Р.) делают душу кичливой, порождают спесь, навлекают зависть, до того иступляют ум, что молва о наших деньгах, пусть и опасная, приятна нам» (Sen. Ep. LXXXVII, 31); «Кто чем владеет, таков и он сам... владельцы больших богатств... идут только в придачу и в добавку к этим богатствам» (Sen. Ep. LXXXVII, 17, 18); «Если же кто хочет что-нибудь к нему добавить, тот, думая о его умножении, забывает им пользоваться: получает счета, толчется на торжище, листает календарь – и становится из хозяина управляющим» (Sen. Ep. XIV, 18); «Кто имеет много, тот желает еще больше» (Sen. Ep. CXIX, 6); «Скупец ко всем недобр, но злей всего – к себе» (Sen. Ep. CVIII, 9); «Тот более всех наслаждается богатством, кто меньше всех в богатствах нуждается» (Sen. Ep. XIV, 17); «Кратчайший путь к богатству – через презрение к богатству» (Sen. Ep. LXII, 3); «Много говорено о презрении к деньгам, произносились в поучение людям длинные речи о том, что богатство – не в наследственном достоянии, а в душе, что богат тот, кто приспособился к своей бедности, кто, имея мало, считает себя зажиточным. Но куда сильнее поражают душу изречения вроде этих: “Кто хочет меньше, меньше и нуждается. Имеет все, кто хочет, сколько надобно”» (Sen. Ep. CVIII, 11); «Только тот достоин бога, кто презрел богатства. Я не запрещаю тебе владеть ими, но хочу сделать так, чтобы ты владел ими без страха, а этого ты не достигнешь иначе, как убедившись, что можно счастливо жить и без них, и привыкнув смотреть на них как на нечто преходящее» (Sen. Ep. XVIII, 13).

Философ вспоминал превосходное, по его словам, изречение Эпикура: «Если ты хочешь сделать Пифокла богатым, нужно не прибавлять ему денег, а убавлять его желания» (Sen. Ep. XXI, 7).

С рассуждений о богатстве Сенека плавно переходил к теме бедности и связанными с ней некоторыми позитивными моментами: «То, чего требует природа, доступно и достижимо, потеет мы лишь

ради избытка» (Sen. Ep. IV, 10); «А то, чего с нас довольно, у нас под рукой. Кому и в бедности хорошо, тот богат» (Sen. Ep. IV, 11); «Беден не тот, у кого мало что есть, а тот, кто хочет иметь больше... Ты спросишь, каков предел богатства? Низший – иметь необходимое, высший – иметь столько, сколько с тебя довольно» (Sen. Ep. II, 6); «...бедность... несет с собою то, без чего нет никакой приятности: чувство безопасности» (Sen. Ep. XX, 12); «Так не должно ли любить бедность за то одно, что она ясно показывает, кто нас любит?» (Sen. Ep. XX, 7).

Поведение и душевное самочувствие человека, по мнению Сенеки, во многом зависит от того, как личность оценивает свою жизненную ситуацию и положение, в котором она находится. В его высказываниях в очередной раз четко проявляется ориентация на сохранение душевного спокойствия, управление желаниями и страстями, а также на жизнь по принципам «будь счастливым, если хочешь им быть» и «цени то, что имеешь».

Решающая роль самооценки в формировании позитивного отношения людей к достигнутым результатам и их благого душевного состояния наглядно демонстрируется в следующей знаменитой сентенции философа: «Несчастен, кто счастливым не сочтет себя. Имеет ли значение, как тебе живется, если ты полагаешь, что плохо?» (Sen. Ep. IX, 21).

В своих письмах он одним из первых указал на психологический феномен социального сравнения и его роль в человеческом поведении. «До чего легко каждый из нас, преуспев, забывает, с чего начал!» (Sen. Ep. CXIX, 8). Сенека советовал в ситуации, когда человек увидел, сколько людей опередили его, подумать «о том, сколько их отстало» и о том, что он «обогнал очень многих», и добавлял: «Но что тебе до других? Ты обогнал себя самого!» (Sen. Ep. XV, 10).

Другой выделенный им психологический феномен, снижающий удовлетворенность достигнутым, – это чрезмерная ориентация на будущее, с которым связаны опасения или, наоборот, надежды человека на то, что будет лучше, чем в настоящее время. В первом случае «...до всех несчастий несчастен тот, кто заботится, чтобы все, чем он наслаждается, до конца осталось при нем. Ни на час он не будет спокоен и в ожидании будущего потеряет нынешнее, чем мог бы наслаждаться» (Sen. Ep. XCVIII, 6). Во втором случае «...жизнь любого занята завтрашним днем. – Ты спросишь, что тут плохого. – Очень много! Ведь эти люди не живут, а собираются жить и все и вся откладывают» (Sen. Ep. XLV, 12, 13). Сенека предлагал такой выход из этой ситуации: «Каждый день будем считать лучшим и завладеем им!» (Sen. Ep. CVIII, 27); «Только мудрому по душе то, что есть, глупость же постоянно страдает, гнушаясь тем, что имеет» (Sen. Ep. IX, 22).

Еще один совет Сенеки состоит в том, что для повышения удовлетворенности жизнью следует из-

бавляться от негативных эмоциональных состояний, возникновение которых часто провоцирует сам человек: «Воображение... доставляет нам больше страданий, чем действительность» (Sen. Ep. XIII, 4); «Сделай же свою жизнь приятной, оставив всякую тревогу о ней. Никакое благо не принесет радости обладателю, если он в душе не готов его утратить, и всего безболезненней утратить то, о чем невозможно жалеть, утратив» (Sen. Ep. IV, 6).

Важнейшим принципом жизненной мудрости философ считал изменение отношения к событиям своей жизни, которыми человек не удовлетворен. Он также учил не спешить с преждевременной оценкой предстоящих событий и тем более заранее не предвещать их негативные последствия для себя. По этому поводу в письмах встречаются такие изречения: «Все зависит от мнения... Каждый несчастен настолько, насколько считает себя несчастным» (Sen. Ep. LXXVIII, 13); «...горек не сам урон, а мнение о нем» (Sen. Ep. XLII, 10); «Кто страдает раньше, чем нужно, тот страдает больше, чем нужно» (Sen. Ep. XCVIII, 8); «Я учу тебя только не быть несчастным прежде времени, когда то, чего ты с тревогой ждешь сейчас же, может и вовсе не наступить и уж наверняка не наступило. Много мучит нас больше, чем нужно, многое – прежде, чем нужно, многое – вопреки тому, что мучиться им вовсе не нужно. Мы либо сами увеличиваем свои страдания, либо выдумываем их, либо предвосхищаем» (Sen. Ep. XIII, 4, 5); «Даже если нам предстоит страдание, что пользы бежать ему навстречу?» (Sen. Ep. XIII, 10); «Ведь и злая судьба непостоянна. Может быть, беда случится, а может, и не случится; пока же ее нет, и ты рассчитывай на лучшее» (Sen. Ep. XIII, 11); «Если бояться всего, что может случиться, то незачем нам и жить, и горестям нашим не будет предела» (Sen. Ep. XIII, 12).

Учитывать следует и то, что тяжелые негативные переживания могут быть связаны не только с волнующим ожиданием того, что неприятное может произойти, но и с мучительными воспоминаниями о прошлом. Как говорил Сенека, человека «...мучит и будущее, и прошедшее. Из наших благ многие нам вредят: так память возвращает нас к пережитым мукам страха, а предвидение предвосхищает муки будущие» (Sen. Ep. V, 9).

В письмах мыслитель рекомендовал перестать переоценивать то, что совершил сам человек, и страдать вследствие этой переоценки. Ведь «всем кажется лучшим то, от чего отказались» (Sen. Ep. CXV, 17).

Отрицательно сказывается на результатах действия и настроении как завышенная, так и заниженная личностная самооценка. С одной стороны, людям больше всего мешает то, что они слишком скоро начинают «нравиться самим себе» (Sen. Ep. LIX, 11). С другой стороны, как писал Сенека, «все наше тупоумие заметно хотя бы из того, что мы считаем купленным лишь приобретенное за деньги, а на что тратим самих себя, то зовем даровым. Всякий ценит самого себя дешевле всего» (Sen. Ep. XLII, 7).

В целом проблемы эмоциональной жизни человека являются предметом пристального внимания философа-мыслителя. Особо он говорил о страстях и необходимости держать их под контролем: «Всякая страсть вначале немощна, а потом сама себя разжигает и набирается силы, разрастаясь: легче не пустить ее, чем выгнать» (Sen. Ep. CXVI, 3); «...мы не должны допускать, чтобы над нами взяла верх страсть бурная и необузданная, сама себя ставящая не во что и отдающаяся во власть другого» (Sen. Ep. CXVI, 5); «...лучше тому, кем одна страсть владеет целиком, чем такому, кто одержим всеми понемногу. И потому, не так важно, насколько страсть сильна: она, какова бы ни была, подчиняться не умеет и вразумлению не поддается» (Sen. Ep. LXXXV, 7, 8).

Одна из наиболее сильных и действенных эмоций – страх. Сенека писал о трех причинах страха: «Мы боимся бедности, боимся болезней, боимся насилия тех, кто могущественней нас» (Sen. Ep. XIV, 3). К ним он добавлял еще один повод для страха: «Чем больше успехи, тем больше и страх» (Sen. Ep. XIX, 8). В доказательство этого философ привел слова Мецената: «“Вершины сама их высота поражает громом”. В какой книге это сказано? – В той, что называется “Прометей”. Этим он хотел сказать, что удары грома поражают вершины» (Sen. Ep. XIX, 8, 9). Мыслитель делал акцент на губительности панического страха: «Нет ничего гибельней и непоправимей панического страха: всякий иной страх безрассуден, а этот – безумен» (Sen. Ep. XIII, 9).

Как избегать ситуаций, порождающих страх? Сенека предлагал достаточно подробные инструкции: «Я скажу, за чем тебе надобно следить, чтобы жить безопасней. Посмотри сам, что подстрекает человека губить другого, – и ты увидишь надежду, зависть, ненависть, страх, презрение. Из всего названного самое легкое – это презрение: многие даже прятались в нем ради самозащиты. Кого презирают, того, конечно, топчут, но мимоходом. Никто не станет вредить презираемому усердно и с упорством. Даже в бою лежащего минуют, сражаются с тем, кто на ногах. Для надежды ты не подашь бесчестным повода, если у тебя не будет ничего, способного распалить чужую бесчестную алчность, ничего примечательного. Ведь желают заполучить как раз примечательное и редкое, пусть оно и мало. Зависти ты избежишь, если не будешь попадаться на глаза, не будешь похваляться своими благами, научишься радоваться про себя. Ненависть порождается либо обидами... либо родится беспричинно, – но от нее тебя убережет здравый смысл. Для многих ненависть бывала опасна: ведь иные вызывали ее, хотя и не имели врагов. Бояться тебя не будут, если твоя удачливость будет умеренной, а нрав кротким. Пусть же люди знают, что тебя задеть не опасно и помириться с тобою можно наверняка и без труда... Прибавь еще одно: кого боятся, тот и сам боится, кто ужасен другим, тому неведома безопасность. Остается еще презрение; мера его – в твоей власти, если ты сам принял

его на себя, если такова твоя воля, а не неизбежность. Избавиться от этой неприятности тебе помогут или свободные искусства, или дружба с людьми, имеющими власть и влияние у власть имущих. Впрочем, к ним нужно приближаться, но не сближаться тесно, чтобы лекарство не обошлось нам дороже болезни. А самым полезным будет не суетиться и поменьше разговаривать с другими, побольше с собою... Еще немалый залог безопасности – не поступать несправедливо» (Sen. Ep. CV, 1–7).

Другая эмоция, о которой размышлял Сенека, – это гнев. Его отношение к гневу выражено в двух предложениях: «Негодуй, если несправедливое установление метит только в тебя, но если одна необходимость опутывает стоящих и высоко, и низко, примиришь со все разрешающим роком!» (Sen. Ep. XCI, 15); «...не стоит негодовать ни на что, если ты сам не преувеличил повода своим негодованием» (Sen. Ep. CXXIII, 1).

Третья эмоция, которая стала предметом его внимания, – горе, скорбь. По этому поводу он говорил следующее: «Ничто не становится ненавистно так быстро, как горе» (Sen. Ep. LXIII, 13); «...все неожиданное гнетет нас сильнее» (Sen. Ep. XCI, 3); «Если скорби не прекратит разум, ей положит конец время; однако для разумного человека утомление скорбью – позорнейшее лекарство от скорби. Так что уж лучше сам оставь скорбь раньше, чем она тебя оставит, и поскорей перестань делать то, чего при всем желании не сможешь делать долго» (Sen. Ep. LXIII, 12).

В письмах отражены несколько замечаний о такой весьма прозаической, но всем знакомой вещи, как боль, и даны советы по поводу того, как ее лучше переносить: «Против боли лучшим лекарством будет упорство духа, который все может облегчить себе стойкостью и терпением. Боль по природе хороша и тем, что длительная не может быть сильной, а сильная – длительной» (Sen. Ep. XCIV, 7); «Полезно также, направив мысли к другим предметам, отвлекать их от боли» (Sen. Ep. LXXVIII, 18).

Как бы подводя итог своих рассуждений об эмоциях человека, Сенека дал практический совет: «Что бы с тобой ни случилось, не выходи из себя» (Sen. Ep. LXXIV, 20).

Говоря об отдельных отрицательных чертах человеческой личности и оценивая их, философ выделил равнодушие, которое «притворяется уступчивостью» (Sen. Ep. CXX, 8), наглость, которая, притворяясь смелостью, есть «не что иное, как ложный призрак величия» (Sen. Ep. LXXXVII, 32), и жадность, которая «принесла с собою бедность и, захотевши многого, потеряла все» (Sen. Ep. XC, 38).

Важнейший регулятор человеческой деятельности – воля, волевое начало. У древнеримского философа воля упоминается и рассматривается как сила духа: «Не падай духом в несчастье» (Sen. Ep. LXXVIII, 29); «Две вещи больше всего укрепляют дух: вера в истину и вера в себя» (Sen. Ep. XCIV, 46); «Обещай мне одно: когда тебя со всех сторон начнут убеждать, будто ты несчастен, думай не о том,

что ты слышишь, а о том, что чувствуешь, терпеливо размысли о своих делах (ведь ты знаешь их лучше всех)» (Sen. Ep. XIII, 6).

Предметом повышенного внимания Сенеки стали классические вопросы этики. Реконструируя нить его рассуждений, можно заметить, что в их эпицентре находятся понятия блага и добродетели. Размышления о благе он начинал со слов Сократа о том, «что высшая мудрость – различать благо и зло» (Sen. Ep. LXXI, 7). Упомянул Сенека и Эпикура: «Ведь и у Эпикура есть два блага, из которых и слагается высшее блаженство: отсутствие боли – в теле, волнения – в душе» (Sen. Ep. LXVI, 45). В письмах рассматриваются и другие определения блага, а также делается вывод о том, что лучшее из них «...дают те, что говорят: “Благо – это то, что вызывает в душе стремление к себе, согласное с природой”» (Sen. Ep. CXVIII, 9). Продолжая раскрывать содержание этого понятия, мыслитель говорил об «изначальном благе». По его словам, «...это душа, которая устремляет взгляд к истине, знает, к чему стремиться, чего бежать, ценит все вещи по их природе, а не по общему мнению о них, проникает во всю вселенную и направляет свое созерцание на все, что в ней творится, которая равно бдительна в мыслях и в поступках, полна величия и деятельна, которую не победить ни бедам, ни удачам, ибо она не поддается ни ласке, ни вражде фортуны и стоит выше всего, что может нам перепасть или выпасть; душа, украшенная достоинством и спокойною силой, здравая и трезвая, непоколебимая и неустрашимая, не сламливаемая никакою силой, ни от какой случайности не возносящаяся и не понижающаяся. Душа эта есть добродетель» (Sen. Ep. LXVI, 6). Иными словами, «это душа свободная и возвышенная, все подчиняющая себе и сама ничему не подчиненная» (Sen. Ep. CXXIV, 12).

Одна из особенностей блага, по его мнению, состоит и в том, что оно неразрывно связано с честностью: «У них есть нечто единое и неразделимое: нет блага, в котором не было бы доли честности, и что честно, то всегда благо. А в чем же различие? Честность есть совершенное благо, завершающее собою блаженство жизни, благо, через причастность к которому и все прочее становится благом. Вот что я имею в виду: военная служба, например, или начальство над легионом, или право вершить суд – все это и не благо, и не зло. Но когда обязанности эти исполняются честно, они становятся благами» (Sen. Ep. CXVIII, 10, 11).

В итоге философ подчеркивал жизненное значение блага следующими словами: «Что может сделать нашу жизнь блаженной, то и есть благо» (Sen. Ep. XLIV, 6).

Благо и его достижение Сенека напрямую соединял со знанием и совершенным разумом: «Что же есть благо? Знание. Что есть зло? Незнание» (Sen. Ep. XXXI, 6). Благо «есть лишь в том человеке, чей разум уже достиг совершенства» (Sen. Ep. CXXIV, 11).

Человек, чья душа благодаря совершенному разуму достигла блага, склонен к добродетельным поступкам. Здесь он ссылался на следующие слова Сократа: «Добродетель и истина – одно» (Sen. Ep. LXXI, 16). В продолжение этой мысли Сенека добавлял: «Добродетель разделяется на две части: на созерцание истины и поступки. Созерцать учит образование, действовать – поучение. Правильные поступки и упражняют, и обнаруживают добродетель» (Sen. Ep. XCIV, 45).

Сенека выделил основные добродетели и дал им такую характеристику: «Храбрость есть презрение ко всему страшному; она пренебрегает внушающим ужас и склоняющим под иго нашу свободу, бросает ему вызов, переламывает его. Верность есть святейшее благо человеческого сердца, ее никакая необходимость не принудит к обману, никакая награда не совратит. Она говорит: “Жги, бей, убивай – я не предам! Чем сильнейшая боль будет выпытывать тайны, тем глубже я их скрою” ...Воздержность умеряет наслаждения; одни она с ненавистью изгоняет, другие соразмеряет и сокращает до здорового предела, никогда не приближаясь к ним ради них самих. Она знает, что лучшая мера для всего желанного – взять не сколько хочется, а сколько необходимо. Человеколюбие запрещает быть надменным с товарищами, быть скупым, оно и в словах, и в делах, и в чувствах являет всем мягкость и ласковость, ничью беду не считает чужою, свое благо любит больше всего тогда, когда оно служит на благо другому» (Sen. Ep. LXXXVIII, 29, 30). Кроме того, в письмах он говорил о простоте и скромности, о довольстве малым и бережливости, о милосердии, оберегающем чужую кровь не меньше своей и знающем, что человек не должен пользоваться силами другого человека расточительно.

К числу отличительных свойств добродетели, по мнению Сенеки, относятся постоянство нравов, гармония жизненного пути и польза добра для самого дающего его: «У добрых нравов, помимо прочего, то преимущество, что они довольны собой и не меняются. Непостоянно злонравие: оно меняется часто, но к лучшему никогда» (Sen. Ep. XLVII, 21); «Но, чтобы добродетель была совершенной, нужно еще вот что: пусть будет твоя жизнь равна себе, пусть ничто в ней не противоречит одно другому» (Sen. Ep. XXXI, 8); «Благодеяния... равно полезны и благодетелю, и благодетельствуемому» (Sen. Ep. XXXVI, 5); «...добрый полезен добродетели. – Чем?.. – Он доставит ему радость, укрепит в нем уверенность; при виде спокойствия другого каждому станет еще отраднее. Помимо этого, один передаст другому знание некоторых вещей: ведь мудрец знает не все, а если бы и знал, другой может придумать кратчайшие пути и показать, по каким из них возможно легко довести весь труд до конца» (Sen. Ep. CIX, 4, 5).

Регулирующую роль долга в поведении человека Сенека иллюстрировал в двух примерах: «Человеку

добра нужно жить, сколько велит долг, а не сколько приятно... Если польза близких требует, душа может даже приказывать себе положить конец не только желанию смерти, но и самой смерти, когда она началась, – только бы угодить близким» (Sen. Ep. CIV, 4); «Вернуться к жизни ради других – признак наибольшего величия души, и величайшие мужи часто так поступали» (Sen. Ep. CIV, 4).

О совести и ее значении для человека философ говорил так: «Злые дела бичует совесть, что величайшая пытка для злодея – вечно терзающее и мучающее его беспокойство, не позволяющее поверить поручителям его безопасности... даже скрывшийся не верит в возможность скрываться, что его уличает и обличает перед самим собою совесть» (Sen. Ep. XCVII, 15, 16); «Кто ждет наказания, тот наказан, а кто заслужил его, тот ждет непременно. Когда совесть нечиста, можно остаться безнаказанным, а уверенным нельзя. Даже не пойманный думает, что его вот-вот поймут, он ворочается во сне, и едва заговорят о каком-нибудь злодействе, вспоминает о своем: оно кажется ему плохо скрытым, плохо запрятанным. Преступник может удачно схрониться, но полагаться на свою удачу не может» (Sen. Ep. CV, 7, 8).

В тесной взаимосвязи с вопросами нравственности Сенека рассматривал проблемы воспитания и самовоспитания, а также исправления душевных недостатков: «Учиться добродетели – это значит отучаться от пороков. И тем смелее мы должны брать за исправление самих себя... Добродетели нельзя разучиться» (Sen. Ep. L, 7, 8).

Рассматривая воспитательный процесс, Сенека давал характеристику «больной души»: «Первый признак больной души – колебания и непрерывное метание от показной добродетели к искренно любимым порокам» (Sen. Ep. CXX, 20). Он также писал о «болезнях, что поражают душу» (Sen. Ep. CXX, 20): есть «...души, которые наслаждаются своей болезнью и сами ищут поводов для скорби, печалются из-за того, что давно прошло и забыто. Что минуло, что настанет, этого сейчас нет, и мы ни того, ни другого не чувствуем. А больно только тогда, когда чувствуешь» (Sen. Ep. LXXIV, 34), но «каждый, чем больше ими страдает, тем меньше это чувствует» (Sen. Ep. LIII, 7).

Первый шаг в самовоспитании – объективный, самокритичный взгляд на себя самого: «Признать свои пороки – признак выздоровления» (Sen. Ep. LIII, 8); «...желание стать добродетельными – полпути к добродетели» (Sen. Ep. LIII, 8).

Рассуждая о собственно воспитательном процессе, он выделял несколько главных моментов. Сенека писал о том, что нужно стремиться к самосовершенствованию, а для этого постоянно заниматься самообразованием. О себе мыслитель говорил: «Я не перестаю читать, а это, по-моему, необходимо – во-первых, чтобы не довольствоваться самим собой, во-вторых, чтобы, зная исследованное другими,

судить о найденном и думать о том, что еще нужно найти» (Sen. Ep. LXXXIV, 1). Нужно помнить, что «долог путь наставлений, краток и убедителен путь примеров» (Sen. Ep. VI, 5), и поэтому в воспитательных целях «следует выбрать кого-нибудь из людей добра и всегда иметь его перед глазами, – чтобы жить так, словно он смотрит на нас, и так поступать, словно он видит нас» (Sen. Ep. XI, 8). Этому, по словам древнеримского философа, учит Эпикур, который говорил, что нам нужен «...кто-нибудь, по чьему образцу складывался бы наш нрав. Ведь криво проведенную черту исправишь только по линейке» (Sen. Ep. XI, 9, 10). Если человек использует метод убеждения, то «слов нужно немного, но зато убедительных» (Sen. Ep. XXXVIII, 1). Продолжая мысль, он добавлял: «Не надейся, что тебе удастся наскоро отведать плоды дарования величайших людей: тут нужно все рассмотреть, все изучить» (Sen. Ep. XXXIII, 5). На примере преодоления безделья Сенека показывал воспитательный эффект конкретных практических действий и то, как можно стремиться к ним: «Дело искореняет пороки, порожденные бездельем» (Sen. Ep. LVI, 9); «Мало не отказываться от труда: нужно искать его!» (Sen. Ep. XXXI, 6). Он также писал, что, если человек хочет «освободиться от пороков», ему следует сторониться «порочных примеров» (Sen. Ep. CIV, 21). Мыслитель поднимал тему сплетен, не употребляя само это слово: «Кажется, что худший род людей – переносчики чужих слов, а на самом деле это переносчики пороков. Их разговор приносит величайший вред: даже если он не действует сразу, то оставляет в душе семена, и за нами, даже когда мы с этими людьми расстанемся, неотступно следует зло, которое взойдет потом» (Sen. Ep. CXXXIII, 8). Поэтому нужно сознательно выбирать круг общения, проводить «время только с теми, кто сделает тебя лучше», допускать «...к себе только тех, кого ты сам можешь сделать лучше. И то и другое совершается взаимно, люди учатся, обучая» (Sen. Ep. VII, 8).

Как бы подводя итог этой нити своих размышлений, он говорил: «Учись, покуда чего не знаешь, а если пословица, так и “век живи, век учись”. И ни к чему другому не приложимо это правило лучше: век живи – век учись тому, как следует жить» (Sen. Ep. LXXVI, 3).

Отдельно можно выделить его отношение к алкоголю: «Пьянство и разжигает, и обнажает всякий порок, уничтожая стыд, не допускающий нас до дурных дел» (Sen. Ep. 19); «...мудрый не должен пить допьяна» (Sen. Ep. LXXXIII, 27).

В контексте своих этических взглядов и личной жизненной позиции Сенека рассуждал об отношениях людей между собой и прежде всего о том, как следует нравственно оправдано относиться к другому человеку. Его исходный тезис предельно четко зафиксирован тремя сентенциями: «Кто живет ни для кого, тот не живет и ради себя» (Sen. Ep. LV, 5);

«Живи с людьми так, будто на тебя смотрит бог» (Sen. Ep. X, 5); «Гекатон говорит: “Я укажу приворотное средство без всяких снадобий, без трав, без заклинаний знахарки. Если хочешь, чтоб тебя любили, – люби”. Не только старая, испытанная дружба приносит нам великое наслаждение, но и начало новой, только лишь приобретаемой» (Sen. Ep. IX, 6).

Этот тезис конкретизируется в важнейшем правиле человеческого общежития: «...обходишься со стоящими ниже так, как ты хотел бы, чтобы с тобою обходились стоящие выше» (Sen. Ep. XLVII, 11).

Одновременно Сенека предупреждал о том, что «человек человеку грозит ежедневно» (Sen. Ep. CIII, 1). В этой ситуации он советовал вести себя весьма многозначительно, т. е. думать «...о грозящей от человека опасности так, чтобы не забывать и о долге человека. На одного гляди, чтоб он тебе не повредил, на другого – чтобы ему не повредить. Радуйся чужим удачам, огорчайся неудачам, помни, что ты должен дать другим и чего остерегаться» (Sen. Ep. CIII, 3). Он также давал второй совет: «...сторониться людей, на тебя не похожих и одержимых другими желаниями» (Sen. Ep. XXXII, 2).

Сенека утверждал, что высшая форма отношений между людьми – дружба: «Отроду заложено в нас влечение... к дружбе» (Sen. Ep. IX, 17). Уже по этой причине надо «жадно наслаждаться обществом друзей» (Sen. Ep. LXIII, 8). Но к выбору друзей следует относиться очень внимательно: «Долго думай, стоит ли становиться другом тому или этому» (Sen. Ep. III, 2).

Сенека также формулировал важнейшие этические правила дружеских отношений: «...решившись (на дружбу. – А. Р.), принимай друга всей душой и говори с ним так же смело, как с собою самим» (Sen. Ep. III, 2); «...делись лишь с другом всеми заботами, всеми мыслями. Будешь считать его верным – верным и сделаешь» (Sen. Ep. III, 3); «Дружба делает наши дела общими, у каждого поодиночке нет ни беды ни удачи: вся жизнь друзей – заодно» (Sen. Ep. XLVIII, 2); «Я назову тебе многих, кто лишен не друзей, но самой дружбы. Такого не может быть с теми, чьи души объединяет общая воля и жажда честного. Как же иначе? Ведь они знают, что тогда у них все общее, особенно невзгоды» (Sen. Ep. VI, 3).

Решая поставленную перед собой задачу по охвату всей нравственной философии и объяснения всех относящихся к ней вопросов, Сенека неминуемо касался первостепенных вопросов организации жизни общества.

Первоосновы общественной жизни он видел в том, что «...мы родились, чтобы жить вместе. И сообщество наше подобно своду, который потону и держится, что камни не дают друг другу упасть» (Sen. Ep. XCV, 53). И в развитие этой мысли Сенека добавлял: «Стремление жить сообща естественно объединяет человека с человеком» (Sen. Ep. IX, 17). Объясняя фундаментальные принципы, на которых держится общественная жизнь, он прежде всего

ссылался на высказывание известного римского государственного деятеля и полководца Марка Агриппу, который «говорил, что многим обязан такому изречению: “Согласием поднимается и малое государство, раздором рушится и самое великое”» (Sen. Ep. XCIV, 46).

Другие фундаментальные принципы организации жизни общества Сенека раскрывал тогда, когда писал о равенстве, справедливости, законах, свободе и мире: «Равенство есть начало справедливости» (Sen. Ep. XXX, 11); «...равенство прав не в том, что все ими воспользуются, а в том, что они всем предоставлены» (Sen. Ep. CVII, 6); «...что такое законы, как не наставления вперемежку с угрозами? – Прежде всего, они потому и не убеждают, что грозят, наставления же не заставляют, а уговаривают. Потом законы страхом удерживают от злодейства, наставления поощряют к выполнению обязанностей. Прибавь к этому, что и законы полезны для добрых нравов, по крайней мере, если они не только повелевают, но и учат» (Sen. Ep. XCIV, 37); «... в государствах с дурными законами и нравы дурные» (Sen. Ep. XCIV, 38); «...неделимые блага – свобода, мир – целиком принадлежат и всем вместе, и каждому в отдельности» (Sen. Ep. LXXIII, 8).

Отдельно можно выделить его неприязненное отношение к толпе, с которой тем не менее он учил обходиться разумно, пытаясь повлиять на ее поведение своим положительным примером: «Будем делать все, чтобы жить лучше, чем толпа, а не наперекор толпе, иначе мы отпугнем от себя и обратим в бегство тех, кого хотим исправить. Из страха, что придется подражать нам во всем, они не пожелают подражать нам ни в чем – только этого мы и добьемся» (Sen. Ep. V, 3); «Никогда я не хотел нравиться народу – ведь народ не любит того, что я знаю, а я не знаю того, что любит народ» (Sen. Ep. XXIX, 10); «Толпе нужно уподобиться: не признав своим, она тебя и не полюбит» (Sen. Ep. XXIX, 11).

Путь к правильной жизни Сенека напрямую связывал с мудростью: «Ищи мудрость прежде всего остального» (Sen. Ep. XVII, 8); «Ты спросишь меня, каков самый долгий срок жизни? Жить, пока не достигнешь мудрости, – не самой дальней, но самой великой цели» (Sen. Ep. XCIII, 8).

Далее он пояснял, что такое мудрость, зачем она нужна людям, в чем состоит главное предназначение мудрого человека и каким образом он оказывает благотворное влияние на других: «Мудрость... наставница душ, она мыслит о пользе, лелеет мир, зовет род людской к согласию» (Sen. Ep. XC, 26); «Ты спрашиваешь, что исследовал, что сделал ясным для всех мудрец? Во-первых, природу... Во-вторых, закон жизни» (Sen. Ep. XC, 35); «Мудрость – замести-

тельница богатства: она дает тебе все, что делает ненужным для тебя» (Sen. Ep. XVII, 10); «Мудрец... его искусство – укрощать беды. И страдание, и нищета, и поношение, и темница, и изгнание, повсюду внушающие ужас, едва попадают к нему, становятся кроткими» (Sen. Ep. LXXXV, 41); «Посидоний² считает необходимым не только “наставительство” (воспользуемся его словом и мы), но и ободрение, утешение, убеждение» (Sen. Ep. XCV, 65).

Сенека также упоминал о некоторых особенностях поведения мудреца и его эмоционального состояния: «Первая обязанность мудрого и первый признак мудрости – не допускать расхождения между словом и делом и быть всегда самим собою» (Sen. Ep. XX, 2); «Мудрец не станет нарушать общепринятых обычаев и привлекать внимание народа невиданным образом жизни» (Sen. Ep. XIV, 14); «Пусть изнутри мы будем иными во всем – снаружи мы не должны отличаться от людей» (Sen. Ep. V, 2); «Мудрому никто, кроме него самого, не нужен. Но хоть с него и довольно самого себя, ему все же хочется иметь и друга, и соседа, и товарища» (Sen. Ep. IX, 3); «Найти другого мудреца само по себе желательно для мудрого: ведь по природе благо дорожит благом, и человек добра привязывается душою к другому такому же, словно к самому себе» (Sen. Ep. CIX, 13); «Радость – удел одних лишь мудрецов: ведь она есть некая приподнятость души, верящей в собственные и подлинные блага» (Sen. Ep. LIX, 1); «Мудрец полон радости, весел и непоколебимо безмятежен; он живет наравне с богами» (Sen. Ep. LIX, 14); «Мудрец без радости не бывает. А рождается такая радость лишь из сознания добродетелей. Радоваться может только мужественный, только справедливый, только умеренный» (Sen. Ep. LIX, 16, 17).

Своего рода завершающим сюжетом в цепочке рассуждений Сенеки являются его размышления о философии, ее месте в постижении мудрости и становлении мудрого поведения человека.

Начинает он с того, «...чем отличается мудрость от философии. Мудрость есть совершенное благо человеческого духа, философия же – любовь и стремление к мудрости. Философия указывает туда, куда пришла мудрость. Почему философия называется так, ясно: само имя ее говорит об этом»³ (Sen. Ep. LXXXIX, 4). В предельно лаконичной форме он выражал эту мысль так: «Философия – в пути, мудрость – в его конце» (Sen. Ep. LXXXIX, 6).

Сенека разъяснял и обосновывал структуру и основные функции философии: «Философия трехчастна, мы начнем с разделения нравственной ее части. Было установлено, что и она делится на три: первое в ней – наблюдение, назначающее каждому свое и оценивающее, что чего стоит... Второй раздел ее

²Древнегреческий философ, один из основоположников стоицизма.

³Разъясняя свою мысль, Сенека писал, что слово «философия», придуманное Пифагором (по преданию), происходит от греч. φίλο – люблю и σοφία – мудрость.

учит о побуждениях, третий – о поступках. Первая твоя обязанность – судить, что чего стоит; вторая – соразмерять и обуздывать в зависимости от этого твои побуждения; третья – заботиться, чтобы побуждения и поступки друг другу соответствовали, а сам ты ни в тех, ни в других не впадал в противоречие с самим собою» (Sen. Ep. LXXXIX, 14); «Философия двояка: это и знания, и душевные свойства» (Sen. Ep. XCIV, 48). О функциях философии он писал: «Ее труд один: отыскивать истину обо всех делах божеских и человеческих. С нею неразлучны справедливость, благочестье, совестливость и прочие ее спутники – связанные и согласные между собою добродетели» (Sen. Ep. XC, 3); «Первое, что обещает дать философия, – это умение жить среди людей, благожелательность и общительность» (Sen. Ep. V, 4); «Философия есть забота о достижении добродетели... философия и добродетель нераздельны» (Sen. Ep. LXXXIX, 8); «Никакая другая наука добра и зла не исследует» (Sen. Ep. LXXXVIII, 28).

Философ добавлял: «А каковы изречения, или высказанные оракулом или подобные им: “Береги время! Познай себя!”» (Sen. Ep. XCIV, 27). Продолжая эту мысль, Сенека добавлял: «Кто станет отрицать, что некоторые наставления поражают даже самых неискушенных? Например... Ничего сверх меры! Для тех, кто жаден, всякая корысть мала. Что ты другим, того же от других ты жди. Слыша это, мы чувствуем некий удар, и нельзя уже ни сомневаться, ни спрашивать “почему?”. Вот до чего захватывает, даже и без всякого обоснования, истина» (Sen. Ep. XCIV, 43).

В письмах он также писал о соотношении философии, свободы и фортуны. «Кто-нибудь скажет: “Что мне пользы в философии, если есть рок?”» (Sen. Ep. XVI, 4). На вопрос о том, как стать свободным, Сенека отвечал: «Этот путь откроет перед тобою философия» (Sen. Ep. XXXVII, 3). Обосновывал он свой ответ следующими словами: «Она даст нам силу добровольно подчиняться божеству, стойко сопротивляться фортуне, она научит следовать велениям божества и сносить превратности случая» (Sen. Ep. XVI, 5).

Поставив перед собой задачу охватить всю нравственную философию и объяснить относящиеся к ней вопросы, Сенека в итоге представил всестороннее изложение основ мудрого восприятия мира и поведения в понимании стоической этики. Им раскрыто понимание стоиками разума (Бога), необходимости, судьбы (фортуны), души, а также счастья, наслаждения и путей их достижения. Он продемонстрировал стоические представления о смысле жизни, целях и тактике человеческих действий, их роли в поведении людей, об их душевном самочувствии и оценке своей жизненной ситуации. Особый акцент сделан на вопросах этики, в эпицентре которых находятся понятия блага и добродетели, долга и совести, нравственные основы межличностных отношений и общественной жизни, проблемы и методы воспитания и самовоспитания. Обсуждение основ грамотного поведения людей сопровождается практическими правилами жизненной мудрости.

*Статья поступила в редколлегию 30.01.2023.
Received by editorial board 30.01.2023.*

СОЦИАЛЬНО-КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ: МЕЖДУ МАРКСИЗМОМ И ПСИХОАНАЛИЗОМ

И. Н. СИДОРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализирована социально-критическая теория франкфуртской школы. Аргументировано, что марксизм и психоанализ являются основными компонентами этой теории, разработанной в трудах Т. Л. В. Адорно, М. Хоркхаймера и Г. Маркузе. Выявлен эпистемологический ориентир социально-критической теории франкфуртской школы, представленный спектром исследований в области марксистской антропологии, совмещенной с психоаналитической теорией и концепцией идеологии, которая через описание общей социальной тенденции к эскапизму, вызванному инструментально-практическими установками познания, легитимирует эскалацию социальной репрессивности и формирует авторитарный тип личности. Раскрыт методологический потенциал проектов синтеза марксизма и психоанализа, осуществленных сторонниками франкфуртской школы, как в объяснении эволюции социальной деструкции и формировании авторитарного типа личности, так и в разработке программ общественных изменений.

Ключевые слова: социально-критическая теория; франкфуртская школа; марксизм; неомарксизм; психоанализ; культуриндустрия; авторитарный тип личности; одномерный человек; деструкция; массовое общество.

CRITICAL SOCIAL THEORY OF THE FRANKFURT SCHOOL: BETWEEN MARXISM AND PSYCHOANALYSIS

I. N. SIDORENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyses the socio-critical theories of the Frankfurt school. The author of this article concludes that Marxism and psychoanalysis represent the main components of the criticism of T. L. W. Adorno, M. Horkheimer, and H. Marcuse. The author of this article revealed the main epistemological reference point of the Frankfurt school's critical social theory. It is represented by the spectrum of research in the field of Marxist anthropology, combined with psychoanalytic theory and the concept of ideology, which, describing the general social tendency to escapism caused by instrumental and practical attitudes of knowledge, legitimises the escalation of social repression and forms the authoritarian nature of personality. The article reveals the methodological potential of the projects of synthesis of Marxism and psychoanalysis, carried out by representatives of the Frankfurt school, both in explaining the evolution of social destruction and the formation of the authoritarian type of personality, and in developing programs of social change.

Keywords: critical social theory; Frankfurt school; Marxism; neo-Marxism; psychoanalysis; cultural industry; authoritarian personality type; one-dimensional man; destruction; mass society.

Образец цитирования:

Сидоренко И.Н. Социально-критическая теория франкфуртской школы: между марксизмом и психоанализом. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;2:15–22. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-15-22>

For citation:

Sidorenko IN. Critical social theory of the Frankfurt school: between Marxism and psychoanalysis. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023; 2:15–22. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-15-22>

Автор:

Ирина Николаевна Сидоренко – доктор философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Irina N. Sidorenko, doctor of science (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences. iri_na2000@rambler.ru <https://orcid.org/0000-0001-7792-0102>

Введение

В первой трети XXI в. значимость приобретает исследование социальной иррациональности, обуславливающей конфликтогенный характер функционирования общества. Опыт мировых войн, кризис конвенционального мира конца XX в., а также глобализация, реализующаяся в двух разнонаправленных процессах (конвергенция и дивергенция) и обернувшаяся интеграцией населения в проект повсеместной милитаризации, отобразили процесс низведения субъекта до функционального звена тотальной системы. Невзирая на существенную либерализацию мировых политических режимов, человек все больше осознает собственную зависимость от комплекса универсальных нормативных структур. Избавление от ценностной парадигмы современного капиталистического общества представляется проблематичным. Это подтверждается идеологическими ориентирами капиталистического общества: надежды социалистической революции, доказавшие свою несбыточность, уступили место идеям социал-демократии, онтологически обусловленной капитализмом. В результате положение современного

человека оказалось целиком подчинено регламентациям, ведущим к отчуждению людей друг от друга и дегуманизации общества.

Антропологический кризис, обозначенный еще в конце XIX в. и достигший пика в конце XX – начале XXI в., связан с проблемой разорванного человека, протестующего против тотального объективизма и тоскующего по утерянной целостности и гармонии мира. Антропологический кризис проявил как экзистенциальные, биопсихологические, так и социокультурные проблемы существования индивида. Идеи смерти Бога и субъекта не только отражают специфику современной ситуации, но и указывают на угрозу существованию природы и человечества. Индивид, утративший бытийную целостность, опасен тем, что он готов пожертвовать всем в угоду своим сиюминутным прихотям или иллюзорным идеям.

Социально-критическая теория франкфуртской школы, ориентированная на критическое рассмотрение общества индустриального типа, представляется актуальной и для современного мира, сталкивающегося с чередой разнообразных кризисов.

Материалы и методы исследования

Объект исследования – концепции представителей франкфуртской школы (Т. Л. В. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе), в которых идеи классического марксизма и психоанализа выступили в качестве основных компонентов критики социокультурной и политической ситуации в западном обществе XX в. Теоретическую основу статьи составили антропологические и социально-политические идеи К. Маркса, психоаналитическая теория, разработанная З. Фрейдом, концепции негативной диалектики и авторитарного типа личности, а также труды по критике проекта Просвещения и культуриндустрии Т. Л. В. Адорно, М. Хоркхаймера и Г. Маркузе. В качестве научных методов исследования применялись метод историко-

философской реконструкции, с помощью которого была выстроена линия преемственности в развитии критических идей от классического марксизма к неомарксизму, выявлены смысловые точки пересечения марксизма, неомарксизма и психоанализа, метод компаративного анализа, благодаря которому были сопоставлены два варианта критики проекта Просвещения и культуриндустрии неомарксистами старшего (Т. Л. В. Адорно, М. Хоркхаймер) и младшего (Г. Маркузе, Э. З. Фромм) поколений франкфуртской школы, а также системный метод, позволивший обобщить проблемное поле социально-критической теории франкфуртской школы, лежащей между марксизмом и психоанализом.

Результаты и их обсуждение

В социально-критической теории франкфуртской школы, представляющей собой продукт синтеза идей марксизма и психоанализа, объектом исследования выступает буржуазное классовое общество, которое в результате дискредитации революционной инициативы превратилось в тоталитарную систему, воспроизводящуюся посредством массовых индустриальных алгоритмов. Вместе с тем важной областью критического анализа общества является изучение феномена авторитарности человеческого разума, приводящего к легитимации насильственной прерогативы в методах практического освоения действительности и становлению соответствующей идеологии. Несомненно, что исследования в этом направлении, предвосхитившие процесс глобали-

зации, способны ответить на вопросы о том, какова онтологическая основа масштабных социальных изменений, а также о том, какая роль в них отводится общественному субъекту.

Социально-философская концепция франкфуртской школы зародилась в 1930-х гг. на базе Института социальных исследований Франкфуртского университета имени Иоганна Вольфганга Гёте, руководителем которого являлся основоположник идей негативной диалектики и критической теории М. Хоркхаймер. К представителям франкфуртской школы неомарксизма относятся Т. Л. В. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Э. З. Фромм, Ю. Хабермас и др. Переломным моментом, в значительной степени перепределившим формирование социаль-

но-политических идей франкфуртской школы, стал социальный кризис, возникший в Германии после окончания Первой мировой войны и безуспешной попытки проведения Ноябрьской революции, в ходе которой обнаружилась противоречивость принципов классического марксизма. Демократический режим Веймарской республики не имел достаточных оснований для снятия проблем, ставших предпосылкой для прихода к власти представителей национал-социалистического блока и разжигания Второй мировой войны. На фоне деструктивных тенденций этого периода стала очевидной необходимость переосмысления теории Маркса. Значимым и обладающим объяснительным потенциалом оказался вариант синтеза марксизма и психоанализа как основных компонентов критической теории в философской концепции Маркузе. Во-первых, для его концепции характерен отказ от рассмотрения пролетариата в качестве основной движущей силы революции ввиду эволюции социальных технологий, повлиявших на увеличение пассивности революционного потенциала и проблематичности формирования классового сознания. Во-вторых, Г. Маркузе опирался на постулаты классического психоанализа, с помощью которых охарактеризовал социокультурную и политическую ситуацию середины XX в., а также выявил причины и факторы, определившие формирование авторитарного типа личности. Так, например, показательным стало понимание предубеждений как первопричины авторитаризма.

В контексте развития собственной версии неомарксизма важными для Г. Маркузе оказались идея З. Фрейда о том, что жизнь представляет собой взаимодействие и противодействие эроса и танатоса [1, с. 12], и тезис об амбивалентной природе культуры. Так, З. Фрейд акцентировал двойственную природу эроса и подчеркивал его связь с инстинктом смерти. На основании этого он развивал мысль о том, что эрос и танатос практически никогда не реализуются по отдельности. Более того, они являются сторонами целого, слитыми воедино и поэтому практически неразличимыми [2, с. 208]. Эрос – объединяющее начало, танатос – разъединяющее начало, и вместе они обладают властью над человеком и обществом. С точки зрения культуры З. Фрейд рассматривал человека как парадоксальное существо: он не способен долго терпеть присутствие другого индивида, при этом последний всегда находится в мире повседневности, т. е. удовлетворить собственные потребности можно только либо в соперничестве, либо в сотрудничестве с другим индивидом. Общество позволяет человеку реализовывать одни потребности и ограничивает его в удовлетворении иных или налагает запрет на этот процесс. В результате через механизм сублимации подавленные инстинкты превращаются в стремления, имеющие культурную ценность. Так возникает культура. Борьба между эросом и танатосом представляет собой сущность жизни,

соответственно, культурное развитие определяется как борьба за выживание человечества [2, с. 212–213]. В то же время З. Фрейд подчеркивал, что культура основана на принуждении человека к соблюдению непреодолимых ценностно-нормативных установок и отказе от влечений, поэтому она вызывает сопротивление со стороны индивида [3, с. 22]. Однако, кроме благ (легитимных способов удовлетворения потребностей), культура обладает психологическими средствами насилия, в число которых входят запрет, принуждение и наказание. Необходимость этих средств проистекает из того, что «люди обладают распространенными свойствами, отвечающими за то, что институты культуры могут поддерживаться лишь известной мерой насилия, а именно: люди, во-первых, не имеют спонтанной любви к труду, и, во-вторых, доводы разума бессильны против их страстей» [3, с. 21]. По этой причине З. Фрейд стремился обосновать, что чувство вины выступает как главная проблема развития культуры, и «показать, что платой за культурный прогресс является убыток счастья вследствие роста чувства вины» [3, с. 125].

Развитие культуры переключается с развитием индивида. Раскрывая связь между инстинктом жизни и инстинктом смерти, З. Фрейд выявил и их взаимозависимость, показав, что эрос провоцирует разрушение: «Принцип удовольствия изначально направляет деятельность психического аппарата... но все же такая программа вступает в конфликт со всем окружающим миром – как с макрокосмом, так и микрокосмом. Данный принцип вообще невозможно осуществить до конца, ему противодействует само устройство мироздания. Можно даже сказать, что намерение сделать человека “счастливым” не входило в план “творения”» [4, с. 251]. К источникам страдания З. Фрейд относил всесильность природы, телесную уязвимость и репрессивность социальных институтов. Однако, по мнению ученого, считать орудием деструкции и агрессии только частную собственность неправильно, так как при условии устранения этого института человек не станет менее агрессивным. Инстинкт агрессии является врожденным, поэтому необходимо сдерживать его, ограничивать влечение индивида к смерти посредством развития социокультурных механизмов, искать основания для объединения людей. В качестве такого ограничительного механизма выступает совесть, способная перенаправить энергию танатоса вовнутрь, на самого человека, но это грозит опасностью саморазрушения как следствия конфликта *Я* и *сверх-я*. Таким образом, совесть и чувство вины раскрывают амбивалентность связи эроса и танатоса. Культура ставит границы агрессивности и одновременно с этим повышает риск саморазрушения человека.

Идеи психоанализа оказали ощутимое влияние на труды младших представителей франкфуртской школы. Так, приоритетное направление критики

проекта Просвещения состоит в рассмотрении субъекта Просвещения в границах его самосознания. Основопологающим детерминантом поведенческой активности субъекта является стремление к обретению знаний, гарантирующих его безопасное существование. Статус просвещенного субъекта обладает значимостью до тех пор, пока он способен удовлетворять эти запросы. В противном случае субъект становится мифологическим [5, с. 63–74]. В концепции Фрейда, в которой рассматривалась новая субъектность, представители франкфуртской школы увидели методологический потенциал для объяснения причин обращения проекта Просвещения в миф. Начальная посылка и цель порабощения природы состоят в стремлении собственного Я подавить желания, скрытые в *оно*, которое заведомо тяготеет к природе, так как является ее частью. Соответственно, в процессе подчинения природы индивид лишается возможности удовлетворять свои желания, теряя связь с реальностью, в результате чего происходит окончательное отчуждение человека от природы. Проект Просвещения, требующий сильного Я, подразумевает соразмерное стремление к сильному объекту. Однако реализовать сильное Я без учета желаний *оно* невозможно. Влечение к нему приводит к поиску удовлетворения в объекте познания, науке. Так, в познании происходит сплав инструментального и гедонистического свойств. Объектом обретения удовольствия оказывается совокупность знаний, накопленных человечеством. Именно мир знания, представленный технологическими открытиями, научными фактами, стал образцом удовольствия, к которому следует стремиться человеку [6].

Вследствие этого первоначально индустриальные характеристики, выраженные в коэффициенте производительности и эффективности труда, стали использоваться для обозначения объектов чувственности. Сверхрациональность, иногда оборачивающаяся безумием, и капиталистическая опредмеченность, выражающая доктринальное основание деятельности индивида, акцентируют неспособность субъекта к удовлетворению собственных потребностей и требуют от него эквивалентной жертвы. Исторический образ подобной жертвенности обнаруживается в прототипе героя, который, стремясь избежать жертвы, в конце концов жертвует собой. Указывая на этот факт, представители франкфуртской школы утвердили идею исторического самоотречения человека. Любой член общества вынужден отдавать значительно больше благ, чем способен обрести. В результате образуется концепт ложного общества, в котором всякий индивид, исполняя ритуал общественной необходимости, оказывается обманутым и становится жертвой. В этом контексте промышленная индустрия знаменует утверждение инструментальной величины выражения человеческого опыта. Таким образом, Т. Л. В. Адорно

и М. Хоркхаймер поставили под вопрос возможность исторического прогресса и акцентировали внимание на проблеме проекта Просвещения как перевертыша определенной установки сознания (когда нацеленность на полное познание оборачивается сверхрационализацией и безумием). В качестве регулятивной идеи выступил тезис Ф. Ницше о разрушительной природе познающего разума, его насилии над жизнью. Вслед за Ф. Ницше Т. Л. В. Адорно и М. Хоркхаймер придали проекту Просвещения негативный смысл: раскрыли деструктивность прогресса и отрицательно оценили приоритет разума в решении проблем общества. Они рассматривали проект Просвещения как диалектический процесс (от созидания природы, господства над ней до преобладания человека над другими индивидами). Диалектика проекта Просвещения заключалась в том, что возвышенные и разумные начинания человечества закончились кровавым XX веком. Исходя из этого, представители франкфуртской школы отмечали, что проект Просвещения снова превратился в миф, но на этот раз он лишен первоначальной естественности, в результате чего прогресс обернулся насилием и стал деструктивным. Мифологизация проекта Просвещения произошла вследствие осуществившегося отождествления истины и средства ее достижения, что позволило установить иную традицию и показать несостоятельность религии. Таким образом, диктат Я сформировал доминантный характер отношения человека к миру, что привело к легитимации управленческого воздействия на окружающую среду. В результате проект Просвещения обернулся против изначально провозглашенных идеалов мира, свободы и безопасности личности.

Т. Л. В. Адорно и М. Хоркхаймер пытались найти ответ на вопрос о том, почему разумное общество пришло к безумию. В поиске ответа на него представители франкфуртской школы выдвинули и аргументировали тезис о тенденции к господству и самоуничтожению, присущей рациональности. По мнению А. В. Гайды, «власть и познание синонимичны» [7, с. 81], т. е. склонность к манипулированию сознанием и поведением индивида и их подавлению является следствием греха познания. На основании этого проект Просвещения с его ориентацией на рациональное отношение к природе, человеку и миру продуцирует насилие в форме самодеструкции. Суть процесса самодеструкции человека и мира была раскрыта представителями франкфуртской школы посредством анализа негативной диалектики [8], или превращения проекта Просвещения в миф.

Значимым оказалось раскрытие сущности политического аспекта деструктивной рациональности. Для решения этой задачи представители франкфуртской школы обратились к идее Г. В. Ф. Гегеля о негативности [8, с. 392–399], идущей от вожделеюще-

го самосознания, что позволило им раскрыть связь власти и насилия. Политика инициирует самодеструкцию проекта Просвещения [9, с. 321], способствует «безмятежному согласию между всевластием и бессилием, которое само является не опосредованным противоречием, абсолютной противоположностью примирения» [5, с. 252]. В качестве одного из способов политической манипуляции Т. Л. В. Адорно и М. Хоркхаймер определили конструирование образа врага, который выполняет несколько функций: «...консолидирует общество, способствует быстрой мобилизации его членов, “работает” над созданием образа всезнающего правителя, создает условия для манипулирования» [9, с. 321]. Оценивая политические последствия проекта Просвещения, В. С. Мартынов правомерно определил его как процесс трансформации власти, суть которой заключается в том, что порядок, квинтэссенция рациональности, стал основанием легитимности господства [10, с. 103]. Идеология фашизма, которая опирается на принцип сверхрационализации и диктат порядка, стала логическим следствием переворота проекта Просвещения. Таким образом, с точки зрения понимания насилия как деструкции в политическом аспекте политика интерпретируется как инструмент подавления [9, с. 321–322] и нивелирования людей до уровня равнодушной массы, «блокирования способности к теоретическому воображению», т. е. в качестве политического безумия [5, с. 10], искореняющего критичность и независимость мышления.

Г. Маркузе, опираясь на критическую трактовку рациональности Т. Л. В. Адорно и М. Хоркхаймера, а также на основные идеи психоанализа З. Фрейда, предложил иную систему рациональности [11]. Сквозь призму анализа личности капиталистического общества ученый сделал вывод о том, что одномерность, помимо принуждения человека к определенным экономическим и политическим действиям, спровоцировала деформацию его физиологической природы. Предписания, ранее представлявшие индивиду навязанными извне, перестали казаться ему чуждыми. Наоборот, исполняя однотипные поведенческие ритуалы, доведенные до автоматизма, человек начал осознавать себя неполноценным. Единственная возможность продлить благоприятное существование неразрывно связана с нахождением в обществе, ответственном за регламентацию привычных задач, обязанностей и социальных практик, которые превратились в ритуал. Именно эти черты Г. Маркузе считал фундаментальными для определения одномерности человека, его мышления и культуры. Выход из общества оказывается возможным только для асоциальных элементов: изгоев, безработных и расово угнетаемых людей. Их нахождение вне господствующей системы кодифицирует свободу от установленных правил и обязанностей.

Анализ феномена унификации общественных потребностей, выражающегося в следовании единой технологической матрице, стал одной из основных задач Г. Маркузе. Механизмы индустриального общества, основанные на примате рациональности, способствуют гомогенизации человеческих потребностей, однако вместе с тем деятельность человека обусловлена столкновением подсознательных инстинктов, в первую очередь эроса и танатоса. Первый инстинкт отвечает за получение человеком удовольствия и удовлетворение им своих потребностей, тогда как второй инстинкт – за влечение индивида к деструкции. Взаимодействие эроса и танатоса является диалектическим и обуславливает гегемонию принципа реальности, которая происходит в результате отказа человека от статуса природного существа. Так, деятельность индивида имеет гедонистическую предпосылку: он добровольно примиряется с необходимостью обращения в инструмент производства. Будучи исторически неизбежной, эта метаморфоза принуждает человека к сублимации инстинктов. В классовом обществе не только господин ограничивает рабочего, но и рабочий активно ограничивает себя, причем самоограничение становится для него естественным. Это приводит к закреплению властных отношений *господство – подчинение* и их легитимации. В результате соблюдения конъюнктурных общественных ограничений естественные потребности человека заменяются на те, которые соответствуют репрессивной культуре. Так, способности индивида (память, мышление, воображение) превращаются в средство репрессивного подавления его подсознания. В условиях индустриального общества принцип реальности подменяется принципом продуктивности. Производственные и научные институты становятся инструментами дополнительного угнетения человека. Как следствие, возникает противоречие между эросом и материальной культурой: трудовой процесс исключает возможность реализации личностных стремлений, а любовь обретает черты отчужденности. Из-за длительного подавления естественности возрастает уровень агрессии против эроса, что, в свою очередь, приводит к зарождению интроспективного мазохизма и внешнего садизма. Таким образом, классовое общество, невзирая на его рационалистическую подоплеку, оказывается иррациональным.

В трудах по критике одномерного общества Г. Маркузе указывал на то, что именно технический прогресс, конструирующий властные и общественные институты и упраздняющий таким образом потребность в альтернативе, является причиной ограничения мыслительных способностей человека. Философ утверждал, что культура, в различных формах пропагандирующая специфический образ жизни, который основан на подчинении технологиям и готовности действовать в соответствии

с ними, играет роль транслятора прогресса. В концепции Маркузе одним из приоритетных способов воздействия на человека, помимо культуры, выступает язык, который олицетворяет глобальные процессы унификации, а также служит инструментом воздействия на сознание человека со стороны власти. Для этого вырабатываются определенные языковые конструкты, определяющие уровень информированности общества, при этом сокращение языковых форм свидетельствует об обеднении мышления и в то же время способствует ему [11].

Г. Маркузе связывал нарастание деструктивности насилия с тотальным подавлением политикой других сфер общества: науки, культуры, социально-экономической подсистемы. В результате этого «...инаковость, как угроза стабильности, уничтожается. Более того, сама техника подпадает под власть стремящейся все рационализировать политики. Поэтому методы политики становятся методами индустриального производства и развития общества. Власть над производством открывает возможность для элиты использовать деструктивные силы в своих целях. Тотальность политики находит для своего выражения удобную форму реализации, а именно тоталитарный тип господства. Тоталитарность и установка на постоянную мобилизацию – вот основные характеристики “одномерного общества”» [12, с. 133].

Рассматривая технику в качестве инстанции, редуцирующей трансцендентный характер революции как антитезы социальной одномерности, Г. Маркузе выявил скрытую роль культуры, табуирующей любые интенции субъекта, которые противоречат логике производства. Вследствие этого человек лишается способности к эстетическому измерению бытия, поскольку перспектива реализации персональных желаний *оно* уступает место реализации желаний *сверх-я*, фундированному в предписываемых нормативах социализации. В этом обнаруживается фундаментальное отличие идей Г. Маркузе от теории, предложенной К. Марксом. Если К. Маркс полагал, что единственным источником исторического развития являются противоречия между производительными силами и производственными отношениями, то Г. Маркузе видел главный источник социального динамизма в конфликтной природе взаимодействия социального и индивидуального начал. Основа конфликта коренится в диспропорции между капиталистическим производством и сферой индивидуальной свободы, реализация которой знаменует отход от универсального бихевиористического паттерна и становление добавочной

репрессивности, воплощенной в институциональных структурах власти.

В отличие от сторонников классического психоанализа, в котором соотношение между принципом реальности и принципом удовольствия определяется как внеисторическое, Г. Маркузе, артикулируя понятие «прибавочная репрессивность», указывал на то, что примат рациональной производительности, достигший предельного выражения в индустриальной цивилизации, порождает пропорциональную редуциацию принципа реальности со стороны исторических аспектов общества – типа производства, ориентации потребления и господствующей идеологии. Таким образом, первичная репрессия, опосредованная конфликтом между принципом реальности и принципом удовольствия, получает добавочное развитие в форме конкретной исторической практики.

В результате, по мнению Г. Маркузе, естественные потребности человека уступают место репрессивным фантазмам, инспирированным доминантой потребления, что, в свою очередь, легитимирует формирование нового типа личности – одномерного человека, которому свойственно не критическое восприятие действительности [11]. Важнейшими характеристиками одномерности выступают автоматизация витальных потребностей субъекта, его самоотрицание, а также симуляция существования в условиях капиталистического общества, ведущая к становлению принципиально нового субъекта власти и потребительской модели существования. Исходя из этого, Г. Маркузе апеллировал к представителям периферийных социальных групп, расценивая их как носителей действительного революционного духа, способных изменить общественные потребности для гармонизации человека с природой. Спецификой теории Маркузе является характеристика революционной способности общества превосходить себя, преодолевать собственные пределы. Несмотря на то что понятие «революция» подразумевает общественный прогресс, т. е. имманентность, мыслитель утверждал, что основания революции находятся вне социума и за границами прогрессивного развития, поскольку при одномерности мышления любые противоречия упраздняются. В условиях солидарности всех периферийных социальных групп возникает противоречие между существующей тотальностью социальной системы и изменчивостью общества на основе трансформации его потребностей в сторону гармонизации с природой, что провоцирует упразднение системы, искажает ее ценности.

Заключение

По мнению Г. Маркузе, парадокс одномерного общества заключается в том, что стремление индивида к разрушению удовлетворяется в процессе производства, т. е. созидания. С одной стороны, мас-

совое производство позволило быстро и эффективно удовлетворять потребности личности, а с другой стороны, помимо необходимой степени репрессии, проявилась прибавочная репрессия как средство до-

полнительного социального контроля над человеком со стороны общества, вызванного специфической социальной организацией труда и досуга в интересах укрепления власти правящей элиты.

На основе интерпретации марксистской программы сквозь призму психоанализа Г. Маркузе выразил пессимистическую оценку потенциальной способности пролетариата осуществить радикальные общественные преобразования ввиду кризиса классовой системы, обусловленного феноменом массовизации субъекта на фоне капиталистической интеграции. В качестве способа снятия проблематики культуриндустрии представители младшего поколения франкфуртской школы придерживались пессимистической позиции, акцентируя внимание в первую очередь на качествах отдельно взятого субъекта, задача которого заключается в том, чтобы посредством творчества выстроить и отстоять пространство своей свободы. В отличие от них Г. Маркузе осуществил собственный проект синтеза марксизма и психоанализа и предложил иную программу общественных изменений. Он указал способы достижения общественной солидарности на основе активизации потенциала представи-

телей маргинальных социальных групп, что способно привести к отказу от благ цивилизации, исключению техники из спектра потребностей человека и гармонизации индивида с природой. Если Т. Л. В. Адорно и М. Хоркхаймер апеллировали к критическому мышлению, в котором они усматривали единственный механизм возвращения индивидуальности, подразумевающий использование эстетических форм как способов проявления спонтанной эмоциональности субъекта, то Г. Маркузе предложил в качестве возможной повестки социального реформирования активизацию критического мышления в контексте интеграции масштабных социальных групп.

Таким образом, основной эпистемологический ориентир социально-критической теории франкфуртской школы представлен спектром исследований в области марксистской антропологии, совмещенной с психоаналитической теорией и концепцией идеологии, которая через описание общей социальной тенденции к эскапизму, вызванному инструментально-практическими установками познания, легитимирует эскалацию социальной репрессивности и формирует авторитарный тип личности.

Библиографические ссылки

1. Маркузе Г. *Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества*. Юдин АА, переводчик. Москва: АСТ; 2003. 526 с.
2. Фрейд З. *По ту сторону принципа наслаждения. Я и Оно. Неудовлетворенность культурой*. Санкт-Петербург: Алетейя; 1998. 251 с.
3. Фрейд З. *Психоанализ. Религия. Культура*. Москва: Ренессанс; 1992. 289 с.
4. Фрейд З. *Болезнь культуры*. Анваер АН, переводчик. Москва: АСТ; 2014. Болезнь культуры; с. 234–345.
5. Хоркхаймер М, Адорно ТЛВ. *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты*. Кузнецов М, переводчик. Москва: Медиум; 1997. 312 с.
6. Михайлов ИА. *Макс Хоркхаймер. Становление франкфуртской школы социальных исследований. Часть 2: 1940–1973 годы* [Интернет]. Москва: Институт философии Российской академии наук; 2010 [протитировано 20 сентября 2022 г.]. Доступно по: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5521/5528>.
7. Гайда АВ. *«Неомарксистская» философия истории: критический анализ*. Красноярск: Красноярский государственный университет; 1986. 200 с.
8. Адорно ТЛВ. *Негативная диалектика*. Петренко ЕЛ, переводчик. Москва: АСТ; 2014. 511 с.
9. Сидоренко ИН. Франкфуртская школа о социальном насилии как деструкции. В: Гайсёнок ВА, Берков ВФ, Голеченко ГЯ, Кошелёв ВС, Позняков ВВ, Водопьянов ПА, редакторы. *Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки. Выпуск 16*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2017. с. 316–323.
10. Мартыянов ВС. *Метаязык политической науки*. Екатеринбург: Уральское отделение Российской академии наук; 2003. 238 с.
11. Маркузе Г. *Одномерный человек*. Юдин АА, переводчик. Москва: АСТ; 2003. 331 с.
12. Сидоренко ИН. Концепция социального насилия Г. Маркузе. *Труды БГТУ. Серия 6, История, философия*. 2017; 1:130–134.

References

1. Marcuse H. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek: issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva* [Eros and civilisation. One-dimensional man: a study of the ideology of the developed industrial society]. Yudin AA, translator. Moscow: AST; 2003. 526 p. Russian.
2. Freud S. *Po tu storonu printsipa naslzhdeniya. Ya i Ono. Neudovletvorennost' kul'turoi* [On the other side of the pleasure principle. I and It. Cultural dissatisfaction]. Saint Petersburg: Aleteiya; 1998. 251 p. Russian.
3. Freud S. *Psikhoanaliz. Religiya. Kul'tura* [Psychoanalysis. Religion. Culture]. Moscow: Renssansk; 1992. 289 p. Russian.
4. Freud S. *Bolezn' kul'tury* [The disease of culture]. Anvaer AN, translator. Moscow: AST; 2014. [The disease of culture]; p. 234–345. Russian.
5. Horkheimer M, Adorno TLV. *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectics of the Enlightenment. Philosophical fragments]. Kuznetsov M, translator. Moscow: Medium; 1997. 312 p. Russian.

6. Mikhailov IA. *Max Horkheimer. Formation of the Frankfurt school of social research. Part 2: 1940–1973* [Internet]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2010 [cited 2022 September 20]. Available from: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5521/5528>. Russian.
7. Gaida AV. «Neomarksistskaya» filosofiya istorii: kriticheskii analiz [«Neo-Marxist» philosophy of history: critical analysis]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi universitet; 1986. 200 p. Russian.
8. Adorno TLV. *Negativnaya dialektika* [Negative dialectics]. Petrenko EL, translator. Moscow: AST; 2014. 511 p. Russian.
9. Sidorenko IN. Frankfurt school of social violence as a destruction. In: Gaisenok VA, Berkov VF, Golechenko GYa, Koshelev VS, Poznyakov VV, Vodop'yanov PA, editors. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Filosofsko-gumanitarnye nauki. Vypusk 16* [Scientific works of the Republican Institute for Higher Education. Philosophical and humanitarian sciences. Release 16]. Minsk: Republican Institute for Higher Education; 2017. p. 316–323. Russian.
10. Mart'yanov VS. *Metazyk politicheskoi nauki* [Metalanguage of political science]. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2003. 238 p. Russian.
11. Marcuse H. *Odnomernyi chelovek* [One-dimensional man]. Yudin AA, translator. Moscow: AST; 2003. 331 p. Russian.
12. Sidorenko IN. The concept of social violence by H. Marcuse. *Proceedings of BSTU. Issue 6, History, Philosophy*. 2017; 1:130–134. Russian.

Статья поступила в редколлегию 03.02.2023.
Received by editorial board 03.02.2023.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСТВА М. М. БАХТИНА: К ПРОБЛЕМЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

А. Н. НИКОНОВ¹⁾

¹⁾Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет,
пр. Фрунзе, 27, 210023, г. Витебск, Беларусь

Рассмотрена проблема изучения научного наследия М. М. Бахтина. Выявлены важные направления трудов бахтиноведов и ученых, анализирующих биографию, научно-педагогическую деятельность и философско-культурологические взгляды русского мыслителя. Исследованы основные аспекты жизни, деятельности и творчества М. М. Бахтина, которые отражены в трудах представителей каждого направления. Показано разнообразие подходов в изучении и интерпретации идей философа на пути к поискам оснований, позволяющих постигнуть все глубины его творчества. Определены главные проблемы, возникающие при исследовании биографии и творческого наследия мыслителя.

Ключевые слова: М. М. Бахтин; бахтиноведение; реконструкция биографии; истоки творчества; научная терминология; круг М. М. Бахтина; бахтинские контексты; спорные тексты.

Благодарность. Автор выражает благодарность заведующему кафедрой социально-гуманитарных наук Витебского государственного ордена Дружбы народов медицинского университета кандидату философских наук, доценту С. П. Кулику за помощь в подготовке статьи.

THE MAIN DIRECTIONS OF STUDYING BIOGRAPHY AND CREATIVITY OF M. M. BAKHTIN: ON THE PROBLEM OF SCIENTIFIC HERITAGE

A. N. NIKONOV^a

^aVitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University,
27 Frunze Avenue, Viciebsk 210023, Belarus

This article is devoted to the problem of studying the scientific heritage of M. M. Bakhtin. It identifies the main research directions of Bakhtin scholars and all those scientists who are engaged in the analysis of the biography, scientific and pedagogical activity and philosophical and cultural views of the Russian thinker. The main aspects of the life, activity and creativity of M. M. Bakhtin, which are studied in their works by representatives of each direction, are analysed. All the variety of approaches in the study and interpretation of the philosopher's ideas on the way to the search for those foundations that will allow comprehending all the depths of his creativity is shown. The main problems that researchers face today in the way of studying the biography and creative heritage of the thinker are identified.

Keywords: M. M. Bakhtin; Bakhtin studies; biography reconstruction; sources of creativity; scientific terminology; M. M. Bakhtin's circle; Bakhtin contexts; controversial texts.

Образец цитирования:

Никонов АН. Основные направления изучения биографии и творчества М. М. Бахтина: к проблеме научного наследия. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;2:23–32. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-23-32>

For citation:

Nikonov AN. The main directions of studying biography and creativity of M. M. Bakhtin: on the problem of scientific heritage. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;2:23–32. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-23-32>

Автор:

Александр Николаевич Никонов – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук факультета повышения квалификации и переподготовки по педагогике и психологии.

Author:

Alexander N. Nikonov, senior lecturer at the department of social and human sciences, faculty of advanced training in pedagogics and psychology. nikonov-vitebsk@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5983-0872>

Acknowledgements. The author expresses his gratitude to the head of the department of social sciences and humanities of the Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University PhD (philosophy), docent S. P. Kulik for his help in preparing the article.

Философское наследие М. М. Бахтина и его последователей (так называемый круг Бахтина) с 1990-х гг. вызывает научный интерес. В современном мире заметно влияние результатов его творческой деятельности в различных областях научного знания. Сфера научного поиска М. М. Бахтина являлась весьма обширной и включала в себя философию, эстетику, литературоведение, лингвистику и культурологию. Он ввел много новых понятий для реализации особого подхода к анализу различных философско-культурологических проблем с позиций гуманитарной науки: «внеаходимость», «полифония», «разноречие», «хронотоп» и др. Данные термины активно используются не только в отечественной, но и в зарубежной науке, так как труды ученого приобрели мировую известность. Ключевые для творчества М. М. Бахтина понятия о диалогизме и карнавале сегодня приняты исследователями и экспертами в качестве инструментария для изучения разнообразных феноменов действительности. Все это приводит к тому, что ученые, которые рассматривают наследие М. М. Бахтина, часто сталкиваются со сложностями. На данный момент в бахтиноведении существует множество разнообразных и даже порой противоположных взглядов на проблему постижения и интерпретации идей этого мыслителя.

С 1960-х гг. творчество М. М. Бахтина стало предметом внимания философов и ученых со всего мира. Была проделана огромная работа по изучению его биографии, окружения и научного наследия, на основе этого было написано множество трудов. Однако разнообразие исследований привело к появлению огромного количества разных подходов и взглядов на жизнь и творчество М. М. Бахтина, которые порой являются противоположными. Все это становится серьезным препятствием на пути поиска основ, позволяющих воспринимать его творчество как единый процесс. Именно поэтому важным обстоятельством для понимания научного наследия мыслителя является доскональное и всестороннее изучение проблемы формирования, развития и эволюции его философско-культурологических взглядов.

Методологическую основу данной статьи составили труды представителей мировой гуманитарной науки и философии конца XIX – начала XX в. Стоит отметить, что ученые предпринимали попытки масштабной, системно и развернуто описать биографию и рассказать о научном наследии М. М. Бахтина, но в большинстве своем это были работы фрагментарного характера. Чаще всего исследователи специализируются на отдельных аспектах жизни и философских проблемах мыслителя.

Анализируя труды бахтиноведов и ученых, которых интересует бахтинский вопрос, можно раз-

делять все написанное на несколько базовых направлений.

Оценка творчества М. М. Бахтина относительно его принадлежности к определенному философскому направлению. При изучении философско-культурологических взглядов М. М. Бахтина ряд исследователей уделяют внимание проведению анализа и оценке творчества мыслителя относительно принадлежности его мировоззрения к определенному философскому направлению. Многие бахтиноведы считают, что идеи М. М. Бахтина во многом близки к идеям неокантианства. Например, К. Г. Исупов в труде «От эстетики жизни к эстетике истории (традиции русской философии у М. М. Бахтина)» утверждал, что мыслитель многое почерпнул из творческого наследия представителей марбургской школы [1, с. 69]. А. И. Пантюшин говорил о том, что этико-философские теории неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Г. Коген) имели большое значение для творчества раннего М. М. Бахтина.

По мнению некоторых исследователей, научное мировоззрение русского мыслителя правильно относить к направлению философской антропологии. Так, П. С. Гуревич в статье «Проблема Другого в философской антропологии М. М. Бахтина» указывал на то, что именно человек является началом философской рефлексии в творчестве мыслителя [2, с. 85].

Отдельные ученые ставят М. М. Бахтина в ряд экзистенциальных философов. Среди таких исследователей можно выделить Ф. Клеменса. Он писал о том, что в ранних трудах М. М. Бахтин разработывал понятие «бытие». В книге Н. К. Бонецкой «Русский экзистенциализм» М. М. Бахтин упомянут в качестве одного из основных представителей экзистенциальной философии в одном ряду с Л. И. Шестовым и Н. А. Бердяевым [3, с. 10]. А. А. Зиновьева в статье «Проблема Другого в философии М. М. Бахтина» говорила о том, что философская модель М. М. Бахтина является экзистенциальной [4]. К. Кларк и М. Холквист в работе «Архитектоника ответственности» отмечали, что бахтинское понятие ответственности перекликается с концепцией бытия и времени М. Хайдеггера, а бахтинские идеи по поводу оппозиции Я – Другой и визуальных метафор очень близки к работе Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто» [4, с. 70–71].

Некоторые бахтиноведы, например К. Г. Исупов, Н. К. Бонецкая и Н. Д. Тамарченко, нашли у М. М. Бахтина много общих идей с такими представителями русской мысли, как В. С. Соловьёв, П. А. Флоренский, С. Л. Франк, Л. П. Карсавин и др.

Л. Н. Столович описывал взгляды М. М. Бахтина в качестве «своеобразной философии существования» [6, с. 124]. Х. Гюнтер в своих трудах обра-

щал внимание на сходство взглядов М. М. Бахтина и Ф. Ницше [7].

Многие исследователи биографии и творчества М. М. Бахтина указывают на то, что его идеи имеют явно выраженный персоналистский характер. Например, М. Л. Гаспаров в работе «Бахтин в русской культуре XX века» говорил о том, что «Бахтин – это бунт самоутверждающегося читателя против навязанных ему пиететов» [8, с. 35]. Л. А. Гогтишвили основным стержнем философских взглядов М. М. Бахтина считала идею персоналистического дуализма [9]. По мнению С. Г. Бочарова, А. В. Аксёнова и С. Н. Зотова, философско-культурологические взгляды мыслителя носят характер персоналистичности. О субъективизации философии М. М. Бахтина писал Ф. Клеменс, о волюнтаризме – В. В. Бабич, а об онтологическом индивидуализме – Ю. Н. Давыдов.

У ряда исследователей можно наблюдать определенную эволюцию в оценках философских воззрений М. М. Бахтина. Например, Н. К. Бонецкая в начале 1990-х гг. пыталась показать М. М. Бахтина в качестве создателя своеобразной философской антропологии в среде русских философов. Однако уже в конце 1990-х гг. она утверждала обратное. По ее мнению, в антропологии М. М. Бахтина нет места человеку. В работе «Бахтин глазами метафизика» Н. К. Бонецкая пишет, что М. М. Бахтин являлся «радикальным постмодернистом» еще задолго до появления этого течения [10, с. 496].

Таким образом, весь спектр оценок творчества М. М. Бахтина на сегодня весьма широк и разнообразен. Единого подхода на данный момент не существует. Многие исследователи относят творчество мыслителя сразу к нескольким философским направлениям.

Реконструкция биографии философа. Одной из самых сложных проблем современного бахтиноведения является проблема реконструкции биографии этого уникального философа, решение которой имеет большое значение для процесса осмысления личности М. М. Бахтина и понимания его философско-культурологических взглядов. Целый ряд исследователей (К. Кларк, М. Холквист, С. С. Конкин, Л. С. Конкина, Н. А. Паньков, С. Г. Бочаров, В. В. Кожин, Н. И. Николаев, В. И. Лаптун, А. Г. Лисов и др.) внесли и продолжают вносить вклад в решение данной проблемы.

При изучении биографии М. М. Бахтина прежде всего следует обратить внимание на публикацию записей его бесед с В. Д. Дувакиным, которые первоначально появились в виде фрагментов в журнале «Человек». В 1996 г. они были изданы в полном объеме с развернутым комментарием. Во многом благодаря этим интервью исследователи и читатели получили возможность погрузиться в мир философа и узнать многие факты его личной жизни.

Первый биографический очерк М. М. Бахтина в 1973 г. (еще при жизни мыслителя) представи-

ли В. В. Кожин и С. С. Конкин. В 1984 г. появилась первая значительная не только на Западе, но и во всем мире работа о М. М. Бахтине, в которой раскрылись аспекты его биографии. Это была монография К. Кларк и М. Холквиста «Михаил Бахтин» [11].

В 1993 г. вышла биография М. М. Бахтина под авторством С. С. Конкина и Л. С. Конкиной «Михаил Бахтин (страницы жизни и творчества)» [12].

Большой вклад в создание научной биографии рассматриваемого философа внес Н. А. Паньков. На протяжении многих лет он искал в различных архивах материалы, связанные с М. М. Бахтиным. Литературовед подготовил и отправил в печать большое количество исследований, архивных публикаций и интервью с людьми, которые знали М. М. Бахтина и общались с ним. В 2009 г. в издательстве Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова была издана фундаментальная монография Н. А. Панькова «Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина» [13].

Огромный интерес для исследователей биографии М. М. Бахтина представляет изданная в 2010 г. книга И. В. Ключевой и Л. М. Лисуновой «М. М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек» [14]. Уникальная информация из данного труда дает возможность в масштабе оценить научно-педагогическую эрудицию М. М. Бахтина, узнать его приоритеты как лектора, а также изучить философскую и литературоведческую методологию. Все это расширяет представление о круге научно-исследовательских интересов данного философа и о его творчестве.

При рассмотрении работ, посвященных М. М. Бахтину, необходимо обратить внимание и на такого известного исследователя биографии и творчества мыслителя, как Н. Л. Васильев. Его монография «Михаил Михайлович Бахтин и феномен “круга Бахтина”» была издана в 2013 г. и составлена из предыдущих работ автора [15]. Данная книга посвящена анализу малоизученных фактов биографии М. М. Бахтина и его ближайшего окружения – В. Н. Волошинова, П. Н. Медведева и др. Исследователь попытался систематизировать свои работы 1985–2012 гг., включая статьи, рецензии, обзоры международных конференций и другие публикации о М. М. Бахтине.

Фундаментальный труд И. Л. Поповой «Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы» также является важным объектом для анализируемой темы [16]. Она исследовала прежде всего историю и источники создания одной из самых главных книг философа – «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». И. Л. Попова уделяла особое внимание историко-культурному контексту работы М. М. Бахтина. Ей удалось выявить новые документы и материалы, заметно дополняющие биографию ученого 1940–60-х гг.

В 2017 г. вышла биография М. М. Бахтина, написанная А. В. Коровашко [17]. Данный труд должен

дать читателю исчерпывающее представление о жизни, работе и творчестве философа. Однако в ней присутствуют недостатки, связанные с разоблачениями биографии и научных концепций М. М. Бахтина, поэтому она подвергается критике со стороны бахтиноведов.

Большой вклад в изучение невельско-витебского периода жизни М. М. Бахтина внесли Л. М. Максимовская, благодаря которой было начато издание труда «Невельский сборник», и Н. И. Николаев – автор известных работ, содержащих анализ невельско-витебского периода. Труды данных ученых помогают исследователям восстановить интеллектуальный и культурный контексты первых бахтинских трудов.

С 1992 г. Н. А. Паньков начал публиковать научный журнал «Диалог. Карнавал. Хронотоп», что стало важной вехой для развития бахтиноведения. Это было уникальное издание на постсоветском пространстве, так как оно было посвящено творчеству только одного мыслителя. В 2011 г. к юбилею Н. А. Панькова был выпущен сборник «Хронотоп и окрестности: юбилейный сборник в честь Николая Панькова», в который вошли статьи, посвященные вопросам теории, творческого наследия и биографии М. М. Бахтина [18]. Это стало важным событием в области воссоздания биографии мыслителя.

Однако несмотря на все старания исследователей, благодаря которым написано уже достаточно много работ на эту тему, необходимо понимать, что современное бахтиноведение еще не готово предложить цельную научную биографию М. М. Бахтина. До сих пор в ней остаются пробелы, несогласованности и загадки, касающиеся периода пребывания философа в Витебске, который является основополагающим на пути его творческого становления.

Истоки философско-культурологических взглядов М. М. Бахтина. Одной из важнейших задач для понимания творческого наследия мыслителя становится изучение истоков его философско-культурологических мыслей.

Ряд исследователей указывают на то, что декан философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета профессор А. И. Введенский оказал влияние на бахтинскую мысль и это во многом определило весь дальнейший путь М. М. Бахтина как философа. Например, Н. К. Боневская писала о том, что одним из этапов философского воспитания М. М. Бахтина было именно прохождение им целого ряда курсов философии в вышеупомянутом университете. В частности, он был слушателем лекций А. И. Введенского, который пытался решать проблему *чужого Я* в субъект-объектных представлениях. Данная проблема привела А. И. Введенского в своеобразный философский тупик. Это, по мнению Н. К. Боневской, могло направить М. М. Бахтина на продолжение дела А. И. Введенского [19].

И. В. Зиновьев в статье «Теория субъект-объектных отношений А. И. Введенского: от Канта к диалогизму» говорил, что А. И. Введенский еще в 1892 г. выдвигал идеи, которые оказались весьма схожими с концепцией диалогизма М. М. Бахтина [20]. В частности, в работе «О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики» философ впервые развернуто осмыслил проблемы взаимодействия субъекта и объекта.

В то же время практически все исследователи выдвигают положение о том, что в качестве одного из первоочередных источников философии М. М. Бахтина выступает кантианская традиция в ее неокантианской разновидности (Н. К. Боневская, Б. Пул, Т. Г. Юрченко, И. В. Зиновьев и др.).

Н. К. Боневская в труде «Бахтин глазами метафизика» утверждала, что М. М. Бахтина необходимо относить к философам кантианской традиции, так как в юности он читал в оригинале труды И. Канта «Критика чистого разума», «Критика практического разума» и «Критика способности суждения», которые затем тщательно анализировались в бахтинском кругу. Кроме того, в лекциях М. М. Бахтин рассуждал о трансцендентальной эстетике. По мнению Н. К. Боневской, «философия Бахтина может быть понята как попытка исполнить завет Канта о нравственной онтологии» [10, с. 428]. Она также говорила, что среди идей М. М. Бахтина можно найти иные кантовские представления и понятия, но при этом обращала внимание на то, что связь философии М. М. Бахтина и И. Канта малоизучена [10, с. 429].

Ряд исследователей отметили сходство мысли М. М. Бахтина и представителей философии экзистенциализма. В частности, о близости идей М. М. Бахтина с философией М. Хайдеггера писали В. В. Назинцев и Т. В. Щитцова. А. Г. Зарубин в статье «М. М. Бахтин и экзистенциализм: проблема времени» утверждал, что идеи М. М. Бахтина (в частности, в работах о Ф. М. Достоевском) связаны со взглядами М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра. Особенно близко они сходятся в размышлениях над центральной проблемой экзистенциализма – проблемой времени [21].

Ю. Н. Давыдов в работе «“Трагедия культуры” и ответственность индивида (Г. Зиммель и М. М. Бахтин)» писал о М. М. Бахтине как о наследнике идей представителя философии жизни – Г. Зиммеля [22]. Исследователь утверждал, что многими своими теоретико-методологическими новациями в сфере анализа явлений культуры и искусства М. М. Бахтин обязан именно Г. Зиммелю, в частности его статьям «Понятие и трагедия культуры» и «Индивидуальный закон. К истолкованию принципа этики».

Некоторые исследователи указывают на то, что основания философско-культурологических идей М. М. Бахтина необходимо искать во взглядах рус-

ской интеллигенции конца XIX – начала XX в. (Н. Д. Тamarченко, В. А. Ульянова, Г. И. Мажейкис, К. Г. Исупов, Р. И. Александрова и др.).

К. Брандист и И. Л. Попова рассматривали влияние немецкой философской мысли на появление ряда философско-культурологических идей М. М. Бахтина. И. Л. Попова в статье «“Лексический карнавал” Франсуа Рабле: книга М. М. Бахтина и франко-немецкие методологические споры 1910–1920-х годов» говорила о влиянии представителей школы эстетического идеализма К. Фосслера (К. Фосслер, Л. Шпитцер) на создание книги о Ф. Рабле [23].

Принципиально новый подход к проблеме демонстрируют работы С. Г. Бочарова и Н. Д. Тamarченко. Они уделяют серьезное внимание взаимодействию филологии и философии в трудах мыслителя.

Одним из наиболее заметных событий всего бахтиноведения 2010-х гг. стал выход монографии В. Л. Махлина «Большое время: подступы к мышлению М. М. Бахтина», в которой детально и подробно проанализированы философские источники творчества раннего М. М. Бахтина [24].

В рамках изучения становления теории романа интересна работа Н. М. Перлиной «Еще раз о том, как по ходу работы над книгой о Рабле Михаил Бахтин читал “Поэтику сюжета и жанра” Ольги Фрейденберг» о влиянии книги О. Фрейденберг «Поэтика сюжета и жанра» на научный взгляд М. М. Бахтина [18, с. 209–227].

Таким образом, в литературе, посвященной выявлению истоков философско-культурологических взглядов М. М. Бахтина, существуют разные мнения. Наиболее часто исследователи в качестве определяющих традиций для становления мыслителя называют неокантианские, экзистенциальные и феноменологические традиции. Они также указывают на связь философии М. М. Бахтина с русской философией Серебряного века.

Проблема эволюции взглядов М. М. Бахтина. Важным направлением в изучении творчества М. М. Бахтина является проблема разработки единого подхода как ко всему творчеству мыслителя, так и к его философско-культурологическим взглядам.

Первые попытки последовательного описания творческого наследия М. М. Бахтина в философско-культурологическом и литературоведческом измерениях были предприняты в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Так, книги В. Л. Махлина «Я и другой. К истории диалогического принципа в философии XX в.» [25], Н. Д. Тamarченко «“Эстетика словесного творчества” Бахтина и русская религиозная философия» [26] и О. Е. Осовского «Диалог в большом времени: литературоведческая концепция М. М. Бахтина» [27] стали одними из первых попыток создать большую систематизированную и обобщенную теорию М. М. Бахтина. В них показан новый взгляд и отражено понимание его философии 1920–60-х гг., вы-

явлены источники тех идей, которые повлияли на творчество мыслителя, а также намечены перспективы исследований.

Одним из первых, кто попытался поставить и решить вопрос о единстве и целостности философии М. М. Бахтина, был В. С. Библер. Он первый понял, что невозможно свести творчество этого мыслителя только к одной какой-то теме.

Чаще всего единый подход во взглядах на творчество философа исследователи формируют через помещение в центр бахтинского мировоззрения какой-либо категории из понятийного аппарата мыслителя.

Наиболее распространенной системообразующей категорией у бахтиноведов выступает диалогизм. Н. К. Боневская в своих работах выдвигала тезис о существовании единой философской идеи М. М. Бахтина, создавшего универсальное учение о человеческом бытии. По ее мнению, фундаментом философствования этого мыслителя является диалогичность, так как категория диалога стоит в центре всех его философских концепций [3; 10; 19]. На то, что диалогический принцип, появившийся у М. М. Бахтина в тексте «К философии поступка», становится основным в его творчестве, указывал В. Л. Махлин [24; 25]. О диалоге как о главном ключе ко всему творчеству М. М. Бахтина пишет также М. Холквист [5; 11]. А. В. Кривошеев в статье «Феноменологическая аналитика участного сознания М. М. Бахтина: “не-алиби в бытие” и “диалог”» говорил о том, что «именно диалог выступает у М. М. Бахтина средством постижения всех истин, способом обогатить человека, облагородить его существование, восполнить его до со-бытия» [28, с. 42].

Часть исследователей помещают в центр бахтинского мировосприятия совсем иные категории. Например, П. С. Гуревич в статье «Проблема Другого в философской антропологии М. М. Бахтина» писал, что в ряду оригинальных категорий, которые созданы и описаны М. М. Бахтиным, категория *Другой* имеет важное значение для его философии [2]. Г. Т. Кораев в работе «Философия М. М. Бахтина: между философией религии и религиозной философией» [29] пытался изучить и понять религиозную составляющую философии М. М. Бахтина. Ю. Кристева в статье «Разрушение поэтики» указывала на то, что вся эстетика М. М. Бахтина углублена в идею *Я – творец* [30].

В контексте поиска базовой категории в философско-культурологических построениях М. М. Бахтина важным является решение вопроса о единстве всего творческого наследия мыслителя. Сегодня этот вопрос остается открытым, ибо идей мыслителя, которые он высказывал в своих трудах, много. Стиль философствования М. М. Бахтина выходит за пределы общепринятых стандартов. Все его работы не содержат абсолютных безапелляционных суждений

и вердиктов, поэтому и открыты для различных интерпретаций. Многие исследователи, среди которых Н. К. Бонецкая, И. Н. Фридман, И. В. Егоров, сходятся во мнении о том, что на протяжении всей жизни различные философские проблемы рассматривались М. М. Бахтиным как с эстетических, так и с мировоззренческих позиций, что усложняет поиск решения данной проблемы.

Поиск единого подхода к оценке творчества мыслителя. Еще одной сложной задачей для бахтиноведов является изучение эволюции взглядов философа, которая порождает противоречия между отдельными положениями его теорий, описанных в различных текстах автора. В контексте решения данной проблемы в среде бахтиноведов выделяются два противоположных лагеря.

Первые – это те, кто придерживается идеи эволюционного подхода к творчеству М. М. Бахтина. Они утверждают, что теории философа претерпевали изменения в контексте новых парадигм и культурно-исторических условий. Среди них можно выделить В. Л. Махлина, Е. В. Волкова, Н. К. Бонецкую, М. Холквиста, В. Е. Хализева и др.

Другие представители бахтиноведения выступают против эволюции бахтинских взглядов. По их мнению, несмотря на то что теоретические воззрения философа на протяжении многих десятилетий творческого труда подвергались трансформациям идейно-философское ядро оставалось неизменным. К их числу можно отнести В. С. Библера, М. С. Кагана, Н. Санаи, В. Н. Турбина.

Используемая М. М. Бахтиным терминология. Очень важное место среди специальных исследований, которые посвящены отдельным аспектам жизни и творчества М. М. Бахтина, занимают статьи об используемых мыслителем терминах и понятиях.

Первые попытки анализа его терминологии предпринимались еще в 1990-х – начале 2000-х гг. В книге «Бахтинский тезаурус» авторы предложили свое понимание части ключевых терминов [31].

Интересным опытом обобщения терминов и понятий, введенных и использованных М. М. Бахтиным, стал труд «Литературная энциклопедия терминов и понятий» [32]. В нем благодаря усилиям Н. Д. Тамарченко, В. Л. Махлина, И. Л. Поповой и Т. Г. Юрченко был представлен ряд важнейших бахтинских терминов. Продолжением этих усилий стали статьи О. Е. Осовского, В. П. Киржаевой, О. Ю. Осьмухиной, Н. Л. Васильева и др.

Кроме того, в различных трудах бахтиноведов Беларуси, России и других стран представлена интерпретация таких бахтинских терминов, как «карнавал», «голос», «философия поступка» и «хронотоп». Сегодня одним из активно разрабатываемых бахтинских понятий является термин «смеховое слово», который рассматривается в ряде работ М. Ю. Асаниной, С. А. Дубровской, О. Е. Осовского и др.

Исследователи также анализируют понятия «гипертекст» и «интертекст». Особое внимание в контексте литературы XX в. уделяется категории жанра. Н. И. Чекан произвела сравнительный анализ слова «метафора» у О. М. Фрейденберг и М. М. Бахтина [33].

О. Е. Осовский и В. П. Киржаева изучили реализацию и становление терминологической системы М. М. Бахтина на примере терминов «гибридная конструкция» и «смеховое слово», а также влияние этих понятий на литературоведение в XX в.

И. Л. Попова в работе «Проблема памяти и забвения: М. М. Бахтин о механизмах сохранения / стирания следов традиции в истории культуры» рассматривала термины «большая память», «большое время», «большой мир», «большое тело», «большой стиль» и др. [34]. Многие из них не нашли широкого распространения как в теории М. М. Бахтина, так и в современной гуманитарной науке.

В целом изучение терминологического аппарата мыслителя – это одно из самых активно развивающихся направлений современного бахтиноведения. При этом оно вызывает споры в научной среде из-за различных форм интерпретации бахтинских категорий, терминов и понятий.

Проблема бахтинских контекстов. С вопросами творческой деятельности М. М. Бахтина тесно переплетается проблема бахтинских контекстов. В первую очередь речь идет о том интеллектуальном пространстве, в котором формировалась и развивалась творческая мысль философа, – круге М. М. Бахтина.

Проблемам круга М. М. Бахтина посвятили свои работы Ю. П. Медведев, Н. Л. Васильев, В. Л. Махлин, И. В. Ключева и др.

Ю. П. Медведев и Д. А. Медведева в статьях «Круг М. М. Бахтина. К обоснованию феномена» [35] и «Труды и дни круга М. М. Бахтина» [36] отразили свои мысли по поводу влияния бахтинского круга на мировую гуманитарную мысль, а также указали на его важнейшее значение для формирования, становления и эволюции взглядов М. М. Бахтина.

С начала 2000-х гг. круг М. М. Бахтина, как особое явление, осмысливался в нескольких направлениях. В книге В. М. Алпатов «Волошинов, Бахтин и лингвистика» отражены лингвистические идеи, которые содержатся в сочинениях М. М. Бахтина и других представителей так называемого бахтинского круга [37]. В. Н. Захарова, Н. Д. Тамарченко и Т. П. Баталова исследовали социологическую поэтику мыслителя и изучали то, как он понимал жанр. Н. Л. Васильев анализировал западную интерпретацию феномена «круг М. М. Бахтина».

Среди бахтиноведов, которые активно рассматривали данную проблему, особое место занимает Н. Л. Васильев. Итогом его деятельности с 1985 по 2012 г. стала книга «Михаил Михайлович Бахтин и феномен “круга Бахтина”». В поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Ква-

датура круга» [15]. Автору удалось воссоздать масштабный образ М. М. Бахтина – мыслителя, ученого и педагога. Он проанализировал важнейшие элементы творческого наследия как самого философа, так и его единомышленников, а также показал актуальность их идей.

В. Л. Махлин в работе «Участное мышление». Философский проект М. М. Бахтина в контексте онтологического поворота XX в.» изучал научно-философский проект молодого М. М. Бахтина в невельско-витебский период его жизни сквозь призму анализа идей, рождавшихся в диалоге мыслителя и представителей круга. По мнению В. Л. Махлина, вся дальнейшая творческая деятельность М. М. Бахтина имеет свое основание в проекте его раннего этапа деятельности [38].

Особое внимание исследователи уделяют витебскому периоду существования круга М. М. Бахтина. В данном направлении необходимо обратить внимание на работы А. Г. Лисова, А. М. Подлипского и др. При этом следует отметить, что само понятие «витебский круг М. М. Бахтина» довольно сложное, поскольку оно включает в себя не только людей из ближнего круга, общение с которыми ученый сохранил впоследствии на долгие годы, но и тех, кто оказался в этом кругу за короткий промежуток витебского периода жизни и творчества М. М. Бахтина.

Вопрос о спорных текстах философа. В рамках изучения бахтинских контекстов различные исследователи М. М. Бахтина рано или поздно приходят к вопросу о так называемых спорных текстах философа. Термином «спорные тексты» еще в 1980-х гг. К. Кларк и М. Холквист назвали ряд работ, которые были опубликованы под именами В. Н. Волошинова, П. Н. Медведева и И. И. Канаева и полное или частичное авторство которых в реальности могло принадлежать М. М. Бахтину [5].

Впервые публично о том, что авторство спорных текстов принадлежит М. М. Бахтину, в начале 1970-х гг. заявил советский лингвист В. В. Иванов, сославшись при этом на свидетельства каких-то очевидцев [39]. Позже он сказал, что узнал об этом еще в 1950-х гг.

В 1980-х гг. впервые о спорных текстах заговорили в англоязычной академической среде. Идею принадлежности данных трудов М. М. Бахтину отстаивали К. Кларк и М. Холквист. Однако некоторые западные исследователи сомневались в авторстве М. М. Бахтина относительно этих публикаций. В качестве примера такой точки зрения можно привести работы Р. Титуника «Проблематика Бахтина: о Михаиле Бахтине Катерины Кларк и Майкла Холквиста» [40], Г. Морсона и К. Эмерсона «Михаил Бахтин: создание прозы» [41].

На территории постсоветских стран дискуссия вокруг спорных текстов началась со статьи Н. Л. Ва-

сильева «М. М. Бахтин или В. Н. Волошинов? К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М. М. Бахтину» [42]. В ней он впервые высказал мысль о том, что М. М. Бахтину абсолютно необоснованно приписывают книгу «Марксизм и философия языка».

Большая часть как отечественных, так и зарубежных бахтиноведов считают вполне обоснованной версию причастности М. М. Бахтина к созданию спорных текстов (единолично либо в соавторстве). По их мнению, доказательством служат устные свидетельства различных современников событий. Кроме этого, в пользу данной точки зрения указывает и общность тех идей в спорных произведениях, которые М. М. Бахтин продолжал и успешно развивал на протяжении 1930–60-х гг.

Среди тех, кто активно выступает против авторства М. М. Бахтина по отношению к спорным текстам, следует отметить В. М. Алпатову и В. М. Захарову. Они попытались найти и показать расхождения в позициях М. М. Бахтина и других участников его круга. Это должно быть свидетельством того, что М. М. Бахтин не является автором данных текстов. Последовательным и решительным противником теории бахтинского авторства был Ю. П. Медведев, который посвятил большую часть своей жизни изучению наследия своего отца П. Н. Медведева, члена бахтинского круга.

Ю. А. Тамбовцев в работе «Кто написал тексты Бахтина, Волошинова и Медведева?» для решения поставленного вопроса прибегал к методу математической статистики. Однако даже при использовании данного подхода к окончательному мнению об авторстве спорных текстов прийти не удалось, хотя в своих выводах автор и утверждал, что тексты М. М. Бахтина не похожи на тексты П. Н. Медведева и В. Н. Волошинова [43, с. 243].

Особой остроты проблема спорных текстов достигла в начале 2010-х гг., когда бельгийские исследователи Ж.-П. Бронкар и К. Бот опубликовали книгу «Бахтин без маски», в которой они выдвинули кардинально иную точку зрения на проблему. Авторы не только утверждали однозначную принадлежность этих текстов В. Н. Волошинову и П. Н. Медведеву, но и отводили им решающую роль в создании работы «Проблема творчества Достоевского». А легенда о собственном авторстве спорных текстов, по их мнению, была придумана и распространена М. М. Бахтиным в 1960-х гг. Книга вызвала резкую критику со стороны бахтиноведов. По этому поводу С. Н. Зенкин написал статью «Некомпетентные разоблачители». Однако, несмотря на критику бельгийских исследователей, он признал существующую открытую проблему авторства этих текстов [44, с. 366].

Среди других авторов, которые изучали данную проблему, можно выделить В. Л. Махлина, Н. М. Долгорукову, С. Г. Бочарова, О. Е. Осовского и др.

Если проанализировать значительную часть работ в этом направлении, то можно говорить о большей обоснованности позиции сторонников авторства М. М. Бахтина по отношению к спорным текстам. При этом наличие множества неоднозначных и неизученных фактов в биографии философа не позволяет сегодня поставить точку в решении данного вопроса.

Современное бахтиноведение весьма обширно. Оно включает в себя результаты научных изысканий огромного количества отечественных и зарубежных авторов. Множество работ посвящено изучению различных аспектов жизни, окружению и деятельно-

сти М. М. Бахтина. Данные работы изменили многое в отношении исследователей к философу и в понимании его трудов. Тем не менее сегодня остается еще достаточно много нерассмотренных мест в изучении такого историко-культурного феномена, как М. М. Бахтин. Одной из важнейших задач, которая сегодня по-прежнему стоит перед учеными, является исследование истоков философско-культурологических мыслей М. М. Бахтина. Реализация данной задачи позволит современной гуманитарной науке приблизиться к достижению главной цели – всестороннему пониманию творческого наследия этого мыслителя.

Библиографические ссылки

1. Исупов КГ. От эстетики жизни к эстетике истории (традиции русской философии у М. М. Бахтина). В: Гоготишвили ЛА, Гуревич ПС, редакторы. *М. М. Бахтин как философ*. Москва: Наука; 1992. с. 68–82.
2. Гуревич ПС. Проблема Другого в философской антропологии М. М. Бахтина. В: Гоготишвили ЛА, Гуревич ПС, редакторы. *М. М. Бахтин как философ*. Москва: Наука; 1992. с. 83–96.
3. Бонецкая НК. *Русский экзистенциализм*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2021. 670 с.
4. Зиновьева АА. Проблема «Другого» в философии М. М. Бахтина. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2011;1:13–22.
5. Кларк К, Холквист М. Архитектоника ответственности. В: Исупов КГ, составитель. *Михаил Бахтин: pro et contra. Том II. Творчество и наследие М. М. Бахтина в контексте мировой культуры*. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института; 2002. с. 37–71.
6. Столовый ЛН. Бахтин и проблема ценности. В: Еремеев АФ, редактор. *М. М. Бахтин: эстетическое наследие и современность*. Саранск: Издательство Мордовского университета; 1992. с. 121–133.
7. Гюнтер ХМ. Бахтин и «рождение трагедии» Ф. Ницше. *Диалог. Карнавал. Хронотон*. 1992;1:27–34.
8. Гаспаров МЛ. М. М. Бахтин в русской культуре XX века. В: Исупов КГ, составитель. *Михаил Бахтин: pro et contra. Том II. Творчество и наследие М. М. Бахтина в контексте мировой культуры*. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института; 2002. с. 33–36.
9. Гоготишвили ЛА. Философия языка М. М. Бахтина и проблема ценностного релятивизма. В: Гоготишвили ЛА, Гуревич ПС, редакторы. *М. М. Бахтин как философ*. Москва: Наука; 1992. с. 142–174.
10. Бонецкая НК. *Бахтин глазами метафизика*. Москва: Центр гуманитарных инициатив; 2016. 560 с.
11. Clark K, Holquist M. *Mikhail Bakhtin*. Cambridge: Belknap Press; 1984. 398 p.
12. Конкин СС, Конкина ЛС. *Михаил Бахтин: страницы жизни и творчества*. Саранск: Мордовское книжное издательство; 1993. 400 с.
13. Паньков НА. *Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина*. Москва: Издательство Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; 2009. 720 с.
14. Ключева ИВ, Лисунова ЛМ. *М. М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек*. Саранск: Красный Октябрь; 2010. 468 с.
15. Васильев НЛ. *М. М. Бахтин и феномен «круга Бахтина»*. В: *Поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Квадратура круга*. Москва: Либроком; 2013. 408 с.
16. Попова ИЛ. *Книга М. М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы*. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук; 2009. 463 с.
17. Коровашко АВ. *Михаил Бахтин*. Москва: Молодая гвардия; 2017. 452 с. (Жизнь замечательных людей).
18. Орехов БВ, редактор. *Хронотон и окрестности: юбилейный сборник в честь Николая Панькова = Chronotope and environs: festschrift for Nikolay Pan'kov*. Уфа: Вагант; 2011. 388 с.
19. Бонецкая НК. М. Бахтин в двадцатые годы. В: Исупов КГ, составитель. *Михаил Бахтин: pro et contra. Том II. Творчество и наследие М. М. Бахтина в контексте мировой культуры*. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института; 2002. с. 132–201.
20. Зиновьев ИВ. Теория субъект-объектных отношений А. И. Введенского: от Канта к диалогизму. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2008;4:7–12.
21. Зарубин АГ. *М. М. Бахтин и экзистенциализм (проблема времени)* [Интернет]. 2008 [процитировано 15 января 2023 г.]. Доступно по: http://www.chronos.msu.ru/old/biographies/zarubin_bachtin.htm.
22. Давыдов ЮН. «Трагедия культуры» и ответственность индивида (Г. Зиммель и М. М. Бахтин). *Вопросы литературы*. 1997;4:91–125.
23. Попова ИЛ. «Лексический карнавал» Франсуа Рабле: книга М.М. Бахтина и франко-немецкие методологические споры 1910–1920-х годов. *Новое литературное обозрение*. 2006;79:86–100.
24. Махлин ВЛ. *Большое время: подступы к мышлению М. М. Бахтина*. Седльце: Университет естественных и гуманитарных наук; 2015. 174 с.
25. Махлин ВЛ. *Я и Другой. К истории диалогического принципа в философии XX в.* Москва: Лабиринт; 1997. 253 с.
26. Тамарченко НД. «Эстетика словесного творчества» Бахтина и русская религиозная философия. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2001. 199 с.

27. Осовский ОЕ. *Диалог в большом времени: литературоведческая концепция М. М. Бахтина*. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевая; 1997. 191 с.
28. Кривошеев АВ. Феноменологическая аналитика участного сознания М. М. Бахтина: «не-алиби в бытие» и «диалог». *Вестник Томского государственного университета*. 2010;339:36–42.
29. Кораев ГТ. Философия М. М. Бахтина: между философией религии и религиозной философией. *Проблемы современного образования*. 2018;5:9–21.
30. Кристева Ю. *Избранные труды: разрушение поэтики*. Косиков ГК, Нарумов БП, переводчики. Москва: РОССПЭН; 2004. 653 с.
31. Тamarченко НД, редактор. *Бахтинский тезаурус. Материалы и исследования*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 1997. 183 с.
32. Николюкин АН, составитель. *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. Москва: Интелвак; 2001. 799 с.
33. Чекан НИ. Два подхода к пониманию метафоры: О. М. Фрейденберг и М. М. Бахтина. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2014;6(6, часть 2):175–179. DOI: 10.17748/2075-9908-2014-6-6_2-175-179.
34. Попова ИЛ. Проблема памяти и забвения: М. М. Бахтин о механизмах сохранения/стирания следов традиции в истории культуры. *Studia Litterarum*. 2016;1(1–2):73–90. DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-1-2-73-90.
35. Медведев ЮП, Медведева ДА. Круг М. М. Бахтина. К обоснованию феномена. *Звезда*. 2012;3:202–215.
36. Медведев ЮП, Медведева ДА. Труды и дни круга М. М. Бахтина. *Звезда*. 2008;7:192–210.
37. Алпатов ВМ. *Волошинов, Бахтин и лингвистика*. Москва: Языки славянских культур; 2005. 432 с.
38. Махлин ВЛ. «Участное мышление». Философский проект М. М. Бахтина в контексте онтологического поворота XX в. *Историко-философский ежегодник*. 2018;33:267–292. DOI: 10.21267/AQUILO.2018.33.21039.
39. Иванов ВВ. Об авторстве книг В. Н. Волошинова и П. Н. Медведева. *Диалог. Карнавал. Хронотоп*. 1995;4:133–155.
40. Titunik IR. The Baxtin problem: concerning Katerina Clark and Michael Holquist's Mikhail Bakhtin. *Slavic and East European Journal*. 1986;30(1):91–95. DOI: 10.2307/307282.
41. Morson G, Emerson C. *Mikhail Bakhtin: creation of a prosaics*. Stanford: Stanford University Press; 1990. 530 p.
42. Васильев НЛ. Бахтин или Волошинов? К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М. М. Бахтину. *Литературное обозрение*. 1991;9:38–43.
43. Тамбовцев ЮА. Кто написал тексты Бахтина, Волошинова и Медведева? *Вестник Омского университета*. 2011;4:238–243.
44. Зенкин СН. Некомпетентные разоблачители. *Новое литературное обозрение*. 2013;119:358–366.

References

1. Isupov KG. [From the aesthetics of life to the aesthetics of history (traditions of Russian philosophy by M. M. Bakhtin)]. In: Gogotishvili LA, Gurevich PS, editors. *M. M. Bakhtin kak filosof* [M. M. Bakhtin as a philosopher]. Moscow: Nauka; 1992. p. 68–82. Russian.
2. Gurevich PS. [The problem of the Other in philosophical anthropology M. M. Bakhtin]. In: Gogotishvili LA, Gurevich PS, editors. *M. M. Bakhtin kak filosof* [M. M. Bakhtin as a philosopher]. Moscow: Nauka; 1992. p. 83–96. Russian.
3. Bonetskaya NK. *Russkii ekzistentsializm* [Russian existentialism]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2021. 670 p. Russian.
4. Zinovieva AA. The problem of the Different in philosophy of M. M. Bakhtin. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2011;1:13–22. Russian.
5. Clark K, Holquist M. [Architectonics of responsibility]. In: Isupov KG, compiler. *Mikhail Bakhtin: pro et contra. Tom II. Tvorchestvo i nasledie M. M. Bakhtina v kontekste mirovoi kul'tury* [Mikhail Bakhtin: pro et contra. Volume II. M. M. Bakhtin's creativity and legacy in the context of world culture]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta; 2002. p. 37–71. Russian.
6. Stolovich LN. [Bakhtin and the problem of value]. In: Ereemeev AF, editor. *M. M. Bakhtin: esteticheskoe nasledie i sovremennost'* [M. M. Bakhtin: aesthetic heritage and modernity]. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta; 1992. p. 121–133. Russian.
7. Gunther H. [M. Bakhtin and «the birth of tragedy» by F. Nietzsche]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 1992;1:27–34. Russian.
8. Gasparov ML. [M. M. Bakhtin in the Russian culture of the 20th century]. In: Isupov KG, compiler. *Mikhail Bakhtin: pro et contra. Tom II. Tvorchestvo i nasledie M. M. Bakhtina v kontekste mirovoi kul'tury* [Mikhail Bakhtin: pro et contra. Volume II. M. M. Bakhtin's creativity and legacy in the context of world culture]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta; 2002. p. 33–36. Russian.
9. Gogotishvili LA. [M. M. Bakhtin's philosophy of language and the problem of value relativism]. In: Gogotishvili LA, Gurevich PS, editors. *M. M. Bakhtin kak filosof* [M. M. Bakhtin as a philosopher]. Moscow: Nauka; 1992. p. 142–174. Russian.
10. Bonetskaya NK. *Bakhtin glazami metafizika* [Bakhtin through the eyes of a metaphysician]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiatsiv; 2016. 560 p. Russian.
11. Clark K, Holquist M. *Mikhail Bakhtin*. Cambridge: Belknap Press; 1984. 398 p.
12. Konkin SS, Konkina LS. *Mikhail Bakhtin: stranitsy zhizni i tvorchestva* [Mikhail Bakhtin: pages of life and work]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo; 1993. 400 p. Russian.
13. Pan'kov NA. *Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M. M. Bakhtina* [Questions of biography and scientific creativity of M. M. Bakhtin]. Moscow: Publishing House of the Lomonosov Moscow State University; 2009. 720 p. Russian.
14. Klyueva IV, Lisunova LM. *M. M. Bakhtin – myslitel', pedagog, chelovek* [M. M. Bakhtin – thinker, teacher, personality]. Saransk: Krasnyi Oktyabr'; 2010. 468 p. Russian.
15. Vasil'ev NL. *M. M. Bakhtin i fenomen «kruga Bakhtina». V poiskakh utrachennogo vremeni. Rekonstruktsii i dekonstruktsii. Kvadratura kruga* [M. M. Bakhtin and the phenomenon of the «Bakhtin circle». In search of lost time. Reconstruction and deconstruction. Squaring the circle]. Moscow: Librokom; 2013. 408 p. Russian.
16. Popova IL. *Kniga M. M. Bakhtina o Fransua Rable i ee znachenie dlya teorii literatury* [M. M. Bakhtin's book about Francois Rabelais and its significance for the theory of literature]. Moscow: Institute of World Literature named after A. M. Gorky of the Russian Academy of Sciences; 2009. 463 p. Russian.

17. Korovashko AV. *Mikhail Bakhtin* [Mikhail Bakhtin]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2017. 452 p. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudei). Russian.
18. Orekhov BV, editor. *Chronotope and environs: festschrift for Nikolay Pan'kov*. Ufa: Vagant; 2011. 388 p. Russian, English.
19. Bonetskaya NK. [M. Bakhtin in the 20s]. In: Isupov KG, compiler. *Mikhail Bakhtin: pro et contra. Tom II. Tvorchestvo i nasledie M. M. Bakhtina v kontekste mirovoi kul'tury* [Mikhail Bakhtin: pro et contra. Volume II. M. M. Bakhtin's creativity and legacy in the context of world culture]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta; 2002. p. 132–201. Russian.
20. Zinov'ev IV. [The theory of subject-object relations by A. I. Vvedensky: from Kant to dialogism]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*. 2008;4:7–12. Russian.
21. Zarubin AG. *M. M. Bakhtin and existentialism (the problem of time)* [Internet]. 2008 [cited 2023 January 15]. Available from: http://www.chronos.msu.ru/old/biographies/zarubin_bakhtin.htm. Russian.
22. Davydov YuN. [«The tragedy of culture» and the responsibility of the individual (G. Simmel and M. M. Bakhtin)]. *Vo-prosy literatury*. 1997;4:91–125. Russian.
23. Popova IL. [«Lexical carnival» by Francois Rabelais: M. M. Bakhtin's book and Franco-German methodological disputes of the 1910–1920s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2006;79:86–100. Russian.
24. Mahlin VL. *Bol'shoe vremya: podstupy k myshleniyu M. M. Bahtina* [Big time: approaches to M. M. Bakhtin's thinking]. Siedlce: University of Natural Sciences and Humanities; 2015. 174 p. Russian.
25. Makhlin VL. *Ya i Drugoi. K istorii dialogicheskogo printsipa v filosofii XX v.* [Me and Other. On the history of the dialogic principle in the philosophy of the 20th century]. Moscow: Labirint; 1997. 253 p. Russian.
26. Tamarchenko ND. «Estetika slovesnogo tvorchestva» Bakhtina i russkaya religioznaya filosofiya [«Aesthetics of verbal creativity» by Bakhtin and Russian religious philosophy]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2001. 199 p. Russian.
27. Osovskii OE. *Dialog v bol'shom vremeni: literaturovedcheskaya kontseptsiya M. M. Bakhtina* [Dialogue in the big time: the literary concept of M. M. Bakhtin]. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseev; 1997. 191 p. Russian.
28. Krivosheyev AV. Phenomenological analytics of compassionate consciousness of M. M. Bakhtin: no alibi for being and dialogue. *Tomsk State University Journal*. 2010;339:36–42. Russian.
29. Koraev GT. The philosophy of M. Bakhtin: between the philosophy of religion and religious philosophy. *Problems of Modern Education*. 2018;5:9–21. Russian.
30. Kristeva Yu. *Izbrannye trudy: razrushenie poetiki* [Selected works: the destruction of poetics]. Kosikov GC, Narumov BP, translators. Moscow: ROSSPEN; 2004. 653 p. Russian.
31. Tamarchenko ND, editor. *Bakhtinskii tezaurus. Materialy i issledovaniya* [The Bakhtin thesaurus. Materials and research]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 1997. 183 p. Russian.
32. Nikol'yukin AN, compiler. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow: Intelvak; 2001. 799 p. Russian.
33. Chekan NI. Two ways of understanding a metaphor: O. Freudenberg and M. Bakhtin. *Historical and Social-Educational Idea's*. 2014;6(6, chapter 2):175–179. Russian. DOI: 10.17748/2075-9908-2014-6-6_2-175-179.
34. Popova IL. The problem of memory and oblivion: Bakhtin's mechanisms of saving/erasing traces of traditions in cultural history. *Studia Litterarum*. 2016;1(1–2):73–90. Russian. DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-1-2-73-90.
35. Medvedev YuP, Medvedev DA. [The circle of M. M. Bakhtin. To substantiate the phenomenon]. *Zvezda*. 2012;3:202–215. Russian.
36. Medvedev YuP, Medvedev DA. [Works and days of the circle of M. M. Bakhtin.]. *Zvezda*. 2008;7:192–210. Russian.
37. Alpatov VM. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and linguistics]. Moscow: Languages of Slavic Cultures; 2005. 432 p. Russian.
38. Makhlin VL. «Participative thinking». Bakhtin's philosophical project in a context of the ontological turn of 20th century. *History of Philosophy Yearbook*. 2018;33:267–292. Russian. DOI: 10.21267/AQUILO.2018.33.21039.
39. Ivanov VV. [About the authorship of the books by V. N. Voloshinov and P. N. Medvedev.]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 1995;4:133–155. Russian.
40. Titunik IR. The Baxtin problem: concerning Katerina Clark and Michael Holquist's Mikhail Bakhtin. *Slavic and East European Journal*. 1986;30(1):91–95. DOI: 10.2307/307282.
41. Morson G, Emerson C. *Mikhail Bakhtin: creation of a prosaics*. Stanford: Stanford University Press; 1990. 530 p.
42. Vasil'ev NL. [Bakhtin or Voloshinov? On the question of the authorship of books and articles attributed to M. M. Bakhtin]. *Literaturnoe obozrenie*. 1991;9:38–43. Russian.
43. Tambovtsev YuA. [Who wrote the texts of Bakhtin, Voloshinov and Medvedev?]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2011;4:238–243. Russian.
44. Zenkin SN. [Incompetent whistleblowers]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2013;119:358–366. Russian.

Статья поступила в редакцию 07.04.2023.
Received by editorial board 07.04.2023.

АНАЛИТИКА ОБЫДЕННОГО ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ П. Ф. СТРОСОНА

М. Р. ДИСЬКО-ШУМАН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проводится историко-философский анализ вклада П. Ф. Стросона в разработку проблематики лингвистической ветви аналитической философии, представленной оксфордской школой обыденного языка. Актуальность работы обусловлена необходимостью переосмысления идей аналитической философии в контексте развития направлений и стратегий современной философии, в частности стратегии коммуникативной рациональности. Обосновывается тезис о том, что одна из ключевых задач философии П. Ф. Стросона состоит в анализе обыденного языка с точки зрения формирования им дескриптивных структур реальности. Данная функция языка является результатом не только взаимодействия сознания и реальности, но и реализации социальных конвенций. Предметной задачей философии становится прояснение природы обыденного языка и его функций. Одним из результатов аналитики обыденного языка выступает заключение о конвенциональной природе языка, сущность которой определяется динамически изменяющимся и изменяемым инструментом социального конституирования, опосредующей формой и структурным элементом, обуславливающим основополагающие условия коммуникации.

Ключевые слова: аналитическая философия; язык; теория речевых актов; коммуникация; коммуникативное намерение.

ANALYTICS OF ORDINARY LANGUAGE IN P. F. STRAWSON'S PHILOSOPHY

M. R. DZISKO-SCHUMANN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The purpose of the article is a philosophical analysis of P. F. Strawson's contribution to the development of the problems of the linguistic branch of analytical philosophy, represented by the Oxford school of ordinary language. The relevance of the work is due to the need to rethink a number of ideas of analytical philosophy, in the context of the development of directions and strategies of modern philosophy, in particular, the strategy of communicative rationality. The author substantiates the thesis that one of the key tasks of the philosophy of P. F. Strawson was the analysis of ordinary language in the focus of its main function – the formation of descriptive structures of reality, which is not only the result of the interaction of consciousness and reality, but also represents the result of social conventions. The objective task of philosophy is to clarify the nature of ordinary language and its functions. One of the results of the analytics of ordinary language is that language has conventional nature, the essence of which is determined by a dynamically changing instrument of social constitution, a mediating form and a structural element that determines the fundamental conditions of communication.

Keywords: analytical philosophy; language; theory of speech acts; communication; communicative intention.

Образец цитирования:

Дисько-Шуман МР. Аналитика обыденного языка в философии П. Ф. Стросона. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;2:33–39. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-33-39>

For citation:

Dzisko-Schumann MR. Analytics of ordinary language in P. F. Strawson's philosophy. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;2:33–39. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-33-39>

Автор:

Мария Робертовна Дисько-Шуман – кандидат философских наук, доцент; докторант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Marya R. Dzisko-Schumann, PhD (philosophy), docent; postdoctoral student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences. mdzisko@gmail.com

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, аналитическая философия, будучи одним из наиболее значимых направлений как европейской, так и американской философии XX в., во многом определила основные тренды развития философии XXI в. Во-вторых, идеи некоторых представителей этого направления не были проанализированы в историко-философском ключе в силу объективных причин, в частности из-за господства в отечественной науке со второй половины XX в. до начала 1990-х гг. марксистско-ленинской философии и отсутствия переводов научных статей и монографий приверженцев британской и американской ветвей аналитической философии на русский язык. В связи с этим необходимо исследовать идеи ученых, результаты изысканий которых мало осмыслены в отечественной литературе. В их число входит Питер Фредерик Стросон.

Аналитическая философия представляет собой достаточно неоднородное образование как с точ-

ки зрения рассматриваемых в ней проблем, так и с позиции применяемых методов философского анализа. В аналитической традиции особое место занимает философия лингвистического анализа, сторонниками которой являются выдающиеся философы, в том числе воспитанники оксфордской школы обыденного языка. Идеи представителей этой школы оказали значимое влияние на становление концепций современной философии, например концепции коммуникативной рациональности (Ю. Хабермас) или прагма-диалектической теории аргументации (Ф. Х. ван Еемерен и Р. Гроотендорст). Несмотря на это, в отечественной истории философии наследие сторонников данного направления изучено не в полной мере. В критической литературе с точки зрения историко-философского анализа наиболее полно рассмотрены работы Дж. Л. Остина как создателя теории речевых актов, в то время как идеи П. Ф. Стросона или Г. Райла исследованы в меньшей степени.

Основная часть

В отечественной традиции одной из первых научных монографий, посвященных критическому анализу идей П. Ф. Стросона, является очерк А. Ф. Бегиашвили [1]. Хотя в качестве основной задачи исследования заявлено доказательство того, что попытки решения философских вопросов посредством анализа языка приводят лингвистическую философию к непреодолимым противоречиям, в работе лишь реферативно излагаются идеи представителей лингвистической философии, в том числе П. Ф. Стросона. В коллективной монографии под редакцией В. У. Бабушкина [2] дан краткий перевод одной из статей философа. Следует отметить, что данная работа была опубликована с грифом «для служебного пользования», что означало необходимость получения разрешения для ознакомления с ее содержанием.

В то же время в англоязычной историко-философской литературе практически сразу появились публикации, содержащие обзор философских идей П. Ф. Стросона [3; 4]. Первой фундаментальной работой ученого, переведенной на русский язык, стал труд «Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики» [5], опубликованный в 2009 г., хотя оригинал [6] был издан еще в 1959 г. Во многом данное обстоятельство объясняет отсутствие в отечественной историко-философской традиции до начала 2000-х гг. значимого исследовательского интереса к работам П. Ф. Стросона.

С. В. Никоненко отмечает, что «имя *П. Стросона* (р. 1919) не столь широко известно в философских кругах, как имена его современников Рассела, Айера, Поппера, Витгенштейна» [7, с. 317], и выделяет три тематических блока в его философском наследии: изучение собственно дескриптивной метафизики [6], логические исследования [8–10] и разработку идей моральной философии (или некоторых вопросов этики) [11]. С точки зрения историко-философского и рефлексивно-критического анализа трудов П. Ф. Стросона и характера их влияния на развитие лингвистической философии в большей степени изучена его концепция дескриптивной метафизики. Например, данному вопросу посвящены кандидатские диссертации В. А. Чалого¹ и Е. Н. Сухановой². В обзорной научной монографии А. Л. Золкина в параграфе о П. Ф. Стросоне [12], базирующемся на анализе его работы [6], отражаются идеи концепции дескриптивной метафизики. Однако, хотя А. Л. Золкин полагает, что П. Ф. Стросон «не только восстановил метафизику в ее исконных правах, но и предложил программу создания новой – “дескриптивной” – метафизики, основанной на анализе языка, поэтому возрождение метафизики не рассматривалось им как закат аналитической философии в целом» [12, с. 167], он детально не рассматривает собственно философию обыденного языка. В монографии Э. В. Семёновой [13] описывается то, какое место идеи П. Ф. Стросона занима-

¹Чалый В. А. Критический анализ интерпретации Питером Стросоном философской системы Иммануила Канта : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. Калининград, 2004. 20 с.

²Суханова Е. Н. Дескриптивная метафизика П. Ф. Стросона в контексте развития аналитической философии : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. Томск; 2008. 27 с.

ют в традиции аналитической философии. Ученый относит философа к представителям лингвистической ветви аналитической философии, выделяя вслед за Л. А. Бобровой несколько направлений аналитической философии, в том числе метафизическое и лингвистическое: «Лингвистической философией (или философией обыденного языка) называется философское направление, поставившее своей основной задачей анализ естественного языка строгими методами. <...> К лингвистическим философам относятся Мур, Витгенштейн, Райл, Остин, Стросон, Блэк, Малькольм и др.» [13, с. 24].

Философия обыденного языка – «философское направление, которое развивалось в Англии в период между двумя мировыми войнами, с конца 40-х и до начала 60-х»³ [16, р. 49]. К наиболее значимым фигурам данного направления относятся Дж. Л. Остин, Г. Райл и П. Ф. Стросон. Философия обыденного языка является одним из течений лингвистической ветви аналитической философии, истоки которого лежат в позднем творчестве Л. Й. И. Витгенштейна. Ключевая идея философского дискурса данного направления состоит в определении языка как посредника между реальностью и сознанием, между декартовскими понятиями *res cogitans* и *res extenda*. И если в традиции логического позитивизма язык выступает прежде всего в качестве точного инструмента отражения деятельности сознания, наиболее чистой формой которого является язык науки, то в философии обыденного языка – в качестве средства формирования той самой реальности, которая представляет собой результат взаимодействия сознания и реальности. По этой причине в отличие от логических позитивистов философы данного направления не ставили своими задачами совершенствование языка, доведение его до предельной формы логически совершенного языка, а стремились прояснить природу обыденного языка и установить его функции.

Вслед за Дж. Л. Остином П. Ф. Стросон в качестве аналитического инструмента использовал теорию речевых актов и уделял пристальное внимание анализу конвенциональной природы речевого акта, особенно той его части, которая обеспечивает успешность речевой деятельности и даже коммуникации, поскольку речевой акт выступает формой ее реализации. В статье «Намерение и конвенция в речевых актах» [9, р. 149–170] П. Ф. Стросон анализирует конвенциональную природу иллокутивной силы речевого акта. В целом соглашаясь с Дж. Л. Остином, он тем не менее полагает, что признать конвенциональную природу речевого акта недостаточно, необходимо прояснить, чем именно она обусловлена: «Во-первых, мы можем согласиться с тем, что любой речевой акт как таковой по крайней мере отчасти является конвенциональным актом. Выполнение

любого речевого акта предполагает как минимум соблюдение или использование некоторых лингвистических условностей. <...> Легко заметить, что утверждение о том, что иллокутивный акт является предметом конвенции, верно в большинстве случаев» [9, р. 152].

Конвенциональная природа речевого акта, по мнению П. Ф. Стросона, обусловлена в первую очередь конвенциональным характером языка как опосредующей формы и структурного элемента, определяющего условия коммуникации. Вербальные и невербальные средства, используемые в процессе речевой деятельности, являются конвенциональными, так как язык по своей природе представляет собой не абсолютную систему знаков и способов их использования, а динамически изменяющийся и изменяемый инструмент социального конституирования: «Строго говоря, не может быть иллокутивного акта до тех пор, пока используемые средства являются неконвенциональными; то же касается невербальных средств для достижения целей действия – они должны быть конвенциональными» [15, с. 101]. Такое понимание конвенциональной природы речевых актов происходит из общей концепции философии обыденного языка, и эту позицию разделяют представители лингвистической ветви аналитической философии.

В большинстве случаев конвенциональная природа речевых актов является очевидной, особенно если речь идет об установленных процедурных конвенциях в таких сферах, как, например, юридическая или судебная практика: «Существуют речевые акты, в которых используются конвенционально предписанные формы слов и которые соответствуют конвенционально принятым или регламентируемым процедурам» [16, р. 44]. Так, произнесенное судьей высказывание «виновен» конституирует в процедуре коммуникации иллокутивный акт вынесения приговора, который участники судебного процесса интерпретируют однозначно в силу заранее установленных социальных правил и норм. Равным образом дело обстоит в других случаях социального взаимодействия, которые имеют систему предустановленных правил и норм. Например, произнесение рефери после поединка высказывания «нокаут» означает, что состязание завершено.

На основании принятых в конкретном сообществе правил и норм, разделяемых участниками взаимодействия, речевая деятельность регламентируется социальными конвенциями. Было бы странным ожидать, что судья произнесет реплику «нокаут», а спортивный рефери – выражение «виновен». Правила и нормы речевой деятельности позволяют выстраивать взаимодействие, в котором слова становятся действиями, т. е. произнесенный речевой акт имеет иллокутивную силу и вызывает перлокутивное воздействие [15]. Результатом произнесения

³Здесь и далее перевод наш. – М. Д.-Ш.

судьей реплики «виновен» является ожидание вынесения приговора, а следствием оглашения рефери выражения «нокаут» – смена участников состязания или завершения соревнований.

Иначе обстоит дело в ситуации, когда значение речевого акта устанавливается вне принятых социальных конвенций. Так, например, выражение «мазаль тов» (от ивр. מזל טוב – счастливой планеты-судьбы) традиционно (согласно принятым правилам) произносится для пожелания удачи (поздравления) в контексте значимых событий (празднование свадьбы, достижение совершеннолетия и др.). Однако можно привести ряд примеров использования данной фразы вне установленных правил и норм, например с целью поддержать собеседника в сложных жизненных обстоятельствах. В первом случае значение произнесенного речевого акта определяется принятыми конвенциями употребления данных языковых выражений, а во втором случае оно детерминируется обстоятельствами, речевой ситуацией. «Но кажется столь же ясным, что, хотя обстоятельства высказывания всегда релевантны для определения иллокутивной силы высказывания, во многих случаях это не подтверждает общепринятые конвенции любого рода (кроме тех языковых конвенций, которые помогают передать смысл высказывания)» [9, p. 153].

П. Ф. Стросон анализирует выражение «лед там очень тонкий», которое в зависимости от обстоятельств имеет разное значение для участников коммуникации, влечет за собой различные следствия и провоцирует соответствующие действия. Так, если данное высказывание адресовано человеку, собирающемуся прокатиться на коньках, то, безусловно, его содержание тождественно предупреждению и ожидаемый перлокутивный эффект заключается в невыполнении запланированного действия. Вполне возможны ситуации, в которых значение данного выражения равняется констатации факта, а ожидаемый перлокутивный эффект состоит в принятии этого факта. По мнению Дж. Л. Остина, в первом случае речь идет о перформативном употреблении высказывания, а во втором случае – о констативном, поскольку «перформатив должен делать что-либо в противоположность тому, чтобы говорить что-либо» [15, с. 112]. Таким образом, не только значение и иллокутивная сила произнесенного выражения, но и характер речевого акта определяется условиями коммуникативной ситуации.

По мнению П. Ф. Стросона, использование данной позиции применительно к анализу речевой деятельности приводит к определенному релятивизму, ситуации, в которой невозможно выделить устойчивую структуру речевой деятельности, независимую от контекста коммуникации. Вслед за Г. П. Грайсом П. Ф. Стросон рассматривает в качестве концепта, раскрывающего структуру речевой деятельности

и являющегося весьма полезным для объяснения конвенциональной природы речевых актов, в частности его иллокутивной силы, понятие «намерение», а поскольку речь идет о языке, то такое намерение он определяет как коммуникативное: «S хочет высказать нечто посредством произнесения выражения X, если S имеет намерение i_1 произвести посредством произнесения X определенную реакцию r у аудитории A и имеет намерение i_2 , что аудитория A распознает его намерение i_1 , а также предполагает своим намерением i_3 , что это распознавание аудиторией A его намерения i_1 обусловило (полностью или частично) реакцию r аудитории A. <...> Очевидно, что важной особенностью этого определения является то, что обеспечение реакции r должно быть опосредовано обеспечением другой (всегда когнитивной) реакции A, а именно признания намерения S добиться реакции r » [9, p. 155–156].

Когда коммуникативное намерение говорящего является основанием для реакции аудитории, распознавания ею речевого акта и ее реакции (в том числе когнитивной, эмоциональной) на него, можно говорить о формировании смыслов и значений в контексте коммуникативного взаимодействия. Применительно к выражению «лед там очень тонкий» успешность речевой деятельности зависит от того, спровоцирует ли коммуникативное намерение адресанта реакцию со стороны адресата (ситуация, в которой человек, производящий высказывание, и человек, распознающий его, одинаково истолкуют данный речевой акт как предупреждение, а не как констатацию факта).

Позиция Дж. Л. Остина принципиально отличается от точки зрения П. Ф. Стросона и Г. П. Грайса пониманием роли аудитории в речевой деятельности. Так, если Дж. Л. Остин описывает структуру речевой деятельности, направленной на выполнение определенных установленных социальных конвенций, в том числе лингвистических, и уделяет пристальное внимание анализу и дифференцированию различных речевых актов (локутивных, иллокутивных, перлокутивных), то П. Ф. Стросон объясняет роль различных речевых актов в процессе коммуникативного взаимодействия, результатом которого является успешная (результативная) коммуникация, конституирующая как общие смыслы, так и совместную деятельность. В связи с этим возникает необходимость введения в теорию речевых актов понятий «коммуникативное намерение», «понимание» и «реакция аудитории».

Философы лингвистической ветви аналитической философии наследуют многие идеи позднего творчества Л. Й. И. Витгенштейна, который справедливо считается предтечей данного направления. Для понимания линии преемственности идей позднего творчества Л. Й. И. Витгенштейна представителями философии обыденного языка необходимо

проанализировать содержание концепта «языковая игра». В самом широком смысле языковая игра – это совокупность конвенционально установленных правил, определяющих условия коммуникации. Ее сущность такова, что, с одной стороны, любая языковая игра является результатом социальных конвенций, а с другой стороны, через установление правил и норм коммуникации она выполняет функцию инструмента социального взаимодействия, т. е. определяет возможные границы речевой деятельности и ее результат. По мнению Л. Й. И. Витгенштейна, языковая игра – неотъемлемая часть мира повседневности, определяющая любые возможные миры повседневности, в которых конституируются как правила, так и смыслы: «Легко вообразить язык, состоящий только из приказов и донесений в битве. Или язык, состоящий лишь из вопросов и выражений подтверждения и отрицания. И неисчислимое множество других. А вообразить язык значит вообразить форму жизни» [17, с. 86].

Одним из основных тезисов позднего творчества Л. Й. И. Витгенштейна является идея о тождественности понятий «значение слова» и «употребление слова»: «Для большого класса случаев – хотя и не для всех, в которых мы используем слово “значение”, его можно определить так: значение слова – это его употребление в языке» [17, с. 99]. Из этого следует, что любые смыслы устанавливаются и закрепляются только в рамках языковой игры, и только в пространстве данной языковой игры опреде-

ляются любые лингвистические конструкции, как синтаксические, так и семантические. Утрата или замена символом (знаком) своего значения может произойти только в рамках определенной языковой игры. Природа языковой игры и языка полностью обусловлена социальным взаимодействием, она носит конвенциональный характер.

С. В. Никоненко полагает, что «...для Витгенштейна главной проблемой выступает проблема достоверности и обоснования языковой игры, для его последователей уже не встают подобные вопросы. Витгенштейн пытался посредством обращения к обыденному языку разрешить противоречие “логики” и “игры”. Лингвистическая философия “разрешает” это противоречие, полностью сводя язык к “игре”» [7, с. 407]. Развивая концепцию о языке, разработанную Л. Й. И. Витгенштейном, П. Ф. Стросон и Дж. Л. Остин конкретизируют ее посредством анализа такого инструмента языковой игры, как речевой акт. Значение речевого акта, его иллокутивная сила и перлокутивный эффект определяются в рамках принятых социальных конвенций. Как следствие, в философии обыденного языка семантический анализ языка утрачивает привилегированный статус, которым он обладал в философии логического позитивизма, и акцент смещается в сферу лингвистической прагматики, с точки зрения которой важным становится не отношение знака и его значения, утрачивающего свою абсолютную природу, а отношение знака и его пользователя.

Заключение

Для развития лингвистической ветви аналитической философии П. Ф. Стросон разработал концепцию дескриптивной метафизики, исследовал значения и функции обыденного языка и выделил инструменты такого анализа. Сложно согласиться со следующим мнением М. Дж. Лакса: «Обычно их (представителей Оксфордской школы. – М. Д.-Ш.) усилия были направлены на детальнейший анализ какой-либо конкретной области рассуждений. В результате нам достались кропотливые разборы выражений обыденного языка, используемых для извинений, видов притворства или ошибок восприятия» [18, с. 11]. В этих словах есть определенная доля истины, так как П. Ф. Стросон развивал ключевые идеи теории речевых актов, разработанной Дж. Л. Остином, и общая оценка положений этой теории касается результатов его научных изысканий.

Среди причин, повлиявших на формирование такой оценки в среде исследователей истории аналитической философии, можно указать следующие факторы. Во-первых, представители оксфордской школы детально анализировали различные формы речевых актов и способы их выражения. Например, Дж. Л. Остин приводит классификацию форм перформативных глаголов, которая представляет инте-

рес скорее для лингвистов, нежели для философов. Во-вторых, теория речевых актов стала инструментом лингвистики и теории коммуникации, предоставила эффективные средства анализа речевых единиц и коммуникативных структур. Подтверждением данного факта выступает множество научных публикаций, в которых теория речевых актов используется для анализа различных языковых форм или структур (см., например, [19; 20]). Одной из первых работ П. Ф. Стросона, переведенных на русский язык, является статья «Грамматика и философия» [21], которая представляет собой сокращенный перевод статьи «Grammar and philosophy» [9, p. 130–149], посвященной рассмотрению вопроса о соотношении теории трансформационной грамматики (А. Н. Хомский) и философии.

Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что наличие общего для многих научных областей предмета анализа – языка – становится причиной как возникновения новых направлений исследований, так и перманентного заимствования инструментов и методов анализа, причем последнее особенно показательно для теории речевых актов. Однако существует принципиальное отличие в понимании природы и сущности языка в философии обыденного

языка и лингвистике. Если в лингвистике язык выступает как предметная данность, а основной целью является определение структурных элементов различного уровня, то в философии обыденного языка ключевой становится проблема определения функции языка в структуре познавательной и практической деятельности человека. Когда та или иная концепция выходит за рамки анализа внутренней структуры языка и пытается дать ответы на вопросы о происхождении языка, его роли в познании, отношениях языка и мышления, она перестает быть исключительно лингвистической и характеризуется в большей степени как философская.

Таким образом, для П. Ф. Стросона язык выступает инструментом формирования самой реальности, которая является результатом взаимодействия сознания и реальности. Предметной задачей философии становится прояснение природы обыден-

ного языка и его функций. Одним из результатов аналитики обыденного языка выступает заключение о конвенциональной природе языка, сущность которой определяется динамически изменяющимся и изменяемым инструментом социального конституирования, опосредующей формой и структурным элементом, обуславливающим основополагающие условия коммуникации. Ученый конкретизирует конвенциональную природу языка посредством анализа такого инструмента языковой игры, как речевой акт. Значение речевого акта, его иллокутивная сила и перлокутивный эффект устанавливаются в рамках принятых социальных конвенций. Как следствие, в философии обыденного языка семантический анализ языка утрачивает привилегированный статус, которым он обладал в философии логического позитивизма, и акцент смещается в сферу лингвистической прагматики.

Библиографические ссылки

1. Бегиашвили АФ. *Современная английская лингвистическая философия: критический очерк*. Тбилиси: Мецниереба; 1965. 109 с.
2. Бабушкин ВУ, редактор. *Природа философского знания. Часть III. Аналитическая философия и структурализм: критический анализ*. Москва: [б. и.]; 1978. 243 с.
3. Lewis HD, editor. *Contemporary British philosophy*. London: Allen and Unwin; 1976. 347 p.
4. Magee B, editor. *Modern British philosophy*. London: Oxford University Press; 1986. 287 p.
5. Стросон ПФ. *Индивидуы. Опыт дескриптивной метафизики*. Брюшинкин ВН, Чалый ВА, переводчики. Калининград: Российский государственный университет имени Иммануила Канта; 2009. 328 с.
6. Strawson PF. *Individuals. An essay in descriptive metaphysics*. London: Methuen; 1959. 255 p.
7. Никоненко СВ. *Английская философия XX века*. Санкт-Петербург: Наука; 2003. 769 с.
8. Strawson PF. *Introduction to logical theory*. London: Methuen; 1952. 266 p.
9. Strawson PF. *Logico-linguistic papers*. London: Methuen; 1971. 249 p.
10. Strawson PF. *Subject and predicate in logic and grammar*. London: Methuen; 1974. 144 p.
11. Strawson PF. *Freedom and resentment and other essays*. London: Methuen; 1974. 214 p.
12. Золкин АЛ. *Язык и культура в англо-американской аналитической философии XX века*. Москва: Юнити; 2005. Кантианский культурген: дескриптивная метафизика Питера Стросона; с. 167–180.
13. Семёнова ЭВ. *Британская аналитическая философия анализа обыденного языка*. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет; 2006. 93 с.
14. Chapman S, Routledge C, editors. *Key ideas in linguistics and the philosophy of language*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2009. 258 p.
15. Остин Дж. *Избранное*. Макеева ЛБ, Руднева ВП, переводчики. Москва: Идея-пресс; 1999. Как совершать действия при помощи слов; с. 13–138.
16. Strawson PF. Reply to Ruth Garrett Millikan. In: Lewis EH, editor. *The library of living philosophers. Volume 26. The philosophy of P. F. Strawson*. Chicago: Open Court; 1998. p. 44–49.
17. Витгенштейн ЛЙИ. *Философские работы. Часть 1*. Козлова МС, Асеева ЮА, переводчики. Москва: Гнозис; 1994. Философские исследования; с. 75–321.
18. Лакс МД. Метафизика в аналитической традиции. Бутаков П, переводчик. *Философский журнал*. 2015;8(2):5–15.
19. Вульфвич БГ. Практическое применение теории речевых актов в лингвопрагматике (на примере интернет-комментариев политического интернет-дискурса). *Когнитивные исследования языка*. 2022;2:531–536.
20. Гулякова ИГ, Хо Сяоцзун. Фразеологизмы, отражающие гендерные отношения, в аспекте теории речевых актов (на фоне китайского языка). В: Налимова ТА, Романова НЮ, Калинина ИА, Шахматова МА, редакторы. *Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин. Материалы докладов и сообщений XXV Международной научно-методической конференции; 7 февраля 2020 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна; 2020. с. 182–188.
21. Стросон П. Грамматика и философия. В: Петров ВВ, редактор. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVIII. Логический анализ естественного языка*. Москва: Прогресс; 1986. с. 160–173.

References

1. Begiashvili AF. *Sovremennaya angliiskaya lingvisticheskaya filosofiya: kriticheskii ocherk* [Modern English linguistic philosophy: a critical essay]. Tbilisi: Metsniereba; 1965. 109 p. Russian.
2. Babushkin VU, editor. *Priroda filosofskogo znaniya. Chast' III. Analiticheskaya filosofiya i strukturalizm: kriticheskii analiz* [The nature of philosophical knowledge. Part 3. Analytic philosophy and structuralism: critical analysis]. Moscow: [s. n.]; 1978. 243 p. Russian.

3. Lewis HD, editor. *Contemporary British philosophy*. London: Allen and Unwin; 1976. 347 p.
4. Magee B, editor. *Modern British philosophy*. London: Oxford University Press; 1986. 287 p.
5. Strosen PF. *Individy. Opyt deskriptivnoi metafiziki* [Individuals. An essay in descriptive metaphysics]. Bryushinkin VN, Chalyi VA, translators. Kaliningrad: Rossiiskii gosudarstvennyi universitet imeni Immanuila Kanta; 2009. 328 p. Russian.
6. Strawson PF. *Individuals. An essay in descriptive metaphysics*. London: Methuen; 1959. 255 p.
7. Nikonenko SV. *Angliiskaya filosofiya XX veka* [English philosophy of the 20th century]. Saint Petersburg: Nauka; 2003. 769 p. Russian.
8. Strawson PF. *Introduction to logical theory*. London: Methuen; 1952. 266 p.
9. Strawson PF. *Logico-linguistic papers*. London: Methuen; 1971. 249 p.
10. Strawson PF. *Subject and predicate in logic and grammar*. London: Methuen; 1974. 144 p.
11. Strawson PF. *Freedom and resentment and other essays*. London: Methuen; 1974. 214 p.
12. Zolkin AL. *Yazyk i kul'tura v anglo-amerikanskoi analiticheskoi filosofii XX veka* [Language and culture in Anglo-American analytical philosophy of the 20th century]. Moscow: Yuniti; 2005. [Kantian culturgen: a descriptive metaphysics by Peter Strawson]; p. 167–180. Russian.
13. Semenova EV. *Britanskaya analiticheskaya filosofiya analiza obydenного yazyka* [British analytical philosophy of ordinary language analysis]. Ulan-Ude: Buryatskii gosudarstvennyi universitet; 2006. 93 p. Russian.
14. Chapman S, Routledge C, editors. *Key ideas in linguistics and the philosophy of language*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2009. 258 p.
15. Ostin D. *Izbrannoe* [Favorites]. Makeeva LB, Rydneva VP, translators. Moscow: Idea-press; 1999. [How to do things with words]; p. 13–138. Russian.
16. Strawson PF. Reply to Ruth Garrett Millikan. In: Lewis EH, editor. *The library of living philosophers. Volume 26. The philosophy of P. F. Strawson*. Chicago: Open Court; 1998. p. 44–49.
17. Vitgenshtein LII. *Filosofskie raboty. Chast' 1* [Philosophical works. Part 1]. Kozlova MS, Aseeva YuA, translators. Moscow: Gnozis; 1994. [Philosophical studies]; p. 75–321. Russian.
18. Loux MJ. Metaphysics in the analytic tradition. Butakov P, translator. *The Philosophy Journal*. 2015;8(2):5–15. Russian.
19. Vulfovich BG. Practical application of the speech acts theory in linguo-pragmatics (on the example of Internet comments of political Internet discourse). *Cognitive Studies of Language*. 2022;2:531–536. Russian.
20. Guliakova IG, Ho Siaocziun. Phraseologies reflecting gender relations in the aspect of speech theory (against the Chinese language). In: Nalimova TA, Romanova NYu, Kalinina IA, Shakhmatova MA, editors. *Aktual'nye problemy prepodavaniya filologicheskikh distsiplin. Materialy докладов i soobshchenii XXV Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii; 7 fevralya 2020 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Actual problems of teaching philological disciplines. Materials of reports and messages of the 25th International scientific and methodological conference; 2020 February 7; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design; 2020. p. 182–188. Russian.
21. Strosen P. [Grammar and philosophy]. In: Petrov VV, editor. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk XVIII. Logicheskii analiz estestvennogo yazyka* [New in foreign linguistics. Issue 18. Logical analysis of natural language]. Moscow: Progress; 1986. p. 160–173. Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.04.2023.
Received by editorial board 21.04.2023.

ОТ КОНЦЕПТА «СОБЫТИЕ» Ж. ДЕЛЁЗА К СОБЫТИЙНОЙ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ В ТЕОРИИ ТЕАТРА

Н. М. ЛУКЬЯНОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрывается специфика концепта «событие» в философии Ж. Делёза. Аргументировано, что в ней событие имеет онтологическую природу и подразумевает хаосмос. Реальность события всегда воплощается посредством языка, что делает возможной его фиксацию не только как явленности, но и как основания, наделяющего объекты реальности смыслом. Аргументируется идея преемственности в развитии делёзовской интерпретации события в современной теории театра. Смысловой точкой пересечения вариантов интерпретаций события в контексте проблематики данного исследования стало определение события как перформанса.

Ключевые слова: событие; перформанс; театр; хаосмос; Ж. Делёз; аутопоэзис; лиминальность.

FROM CONCEPT «EVENT» OF G. DELEUZE TO EVENT PERFORMATIVITY IN THE THEORY OF THEATRE

N. M. LUKYANOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article reveals the specifics of the concept of the event in the philosophy of G. Deleuze. It is argued that in G. Deleuze's philosophy the event appears as of ontological nature and implies chaosmos. The reality of an event is always embodied through language, which makes it possible not only to fix it as a manifestation, but also as a basis that endows the objects of reality with meaning. The author of the article affirms the idea of continuity in the development of the G. Deleuze interpretation of the event in modern theatre theory. The semantic points of intersection of the two interpretations in this context is the definition of an event as a performance.

Keywords: event; performance; theatre; chaosmos; G. Deleuze; autopoiesis; liminality.

Введение

Понятие «событие» как философская проблема и концепт начало активно разрабатываться в философии с 1960-х гг. Наиболее репрезентативна в этом плане философия Ж. Делёза. К концепту события в это время обращались не только представители французской современной философии, но также теоретики и практики перформативного искусства

и театра. При этом задача полного теоретического осмысления рассматриваемого концепта до сих пор не выполнена. В частности, остаются нерешенными вопросы о соотношении события и языка, события и явленности, а также в пространстве театральной практики акцентируется необходимость расширять способы и техники перформативности события.

Образец цитирования:

Лукьянович НМ. От концепта «событие» Ж. Делёза к событийной перформативности в теории театра. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;2:40–45.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-40-45>

For citation:

Lukyanovich NM. From concept «event» of G. Deleuze to event performativity in the theory of theatre. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;2:40–45. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-40-45>

Авторы:

Надежда Михайловна Лукьянович – аспирантка кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры И. Н. Сидоренко.

Author:

Nadezhda M. Lukyanovich, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
[hopelukian@gmail.com](mailto:hopolukian@gmail.com)

Материалы и методы исследования

В качестве материалов исследования выступили тексты Ж. Делёза «Логика смысла» [1] и «Одним манифестом меньше» [2], критическое осмысление его философских идей о театре А. Бадью [3], а также теоретические наработки представителей современной теории театра [4–7]. Для осуществления исследования были использованы герменевтический метод и метод концептуального анализа, позволившие раскрыть многовариативность смысла концепта события как в философии Ж. Делёза, так и в современной

теории театра, метод историко-философской реконструкции, посредством которого удалось выявить параллель в интерпретации события как перформанса, а также обосновать значимую роль делёзовского понимания события для реализации стратегий осуществления перформативности в театре и на подмостках современной социальной реальности, системный метод, позволивший осуществить попытку представить вариативность интерпретации события как перформанса в виде целостной картины.

Результаты и их обсуждения

Анализ смысла концепции события у Ж. Делёза начнем с его работы «Логика смысла», в которой философ предпринял попытку возродить идеи стоиков, поместив событие во время Эона, в темпоральность, странно похожую на вечность, которую невозможно увековечить самим фактом присутствия, а необходимо принять и утвердить в собственной судьбе. Обратимся к делёзовскому определению взаимосвязи события и Эона: «Неограниченный Эон, становление, бесконечно разделяющее себя на прошлое и будущее, всегда избегая настоящего» [1, с. 14]. Получается, что Эон правомерно трактовать как время события, а событие – как безличный фрагмент судьбы, имеющий возможность быть понятым личностно через героическое принятие ее трагизма. Вместе с тем подчеркнем, что у Ж. Делёза судьба больше не привязана к большому космическому порядку, а скорее выступает как хаосмос. В силу этого событие не сводится к настоящему в его пространственно-временном осуществлении, а представляет собой точку схождения трех модусов времени: прошлого, настоящего и будущего, явленных здесь и сейчас. Реальность события «бестелесна» и независима от того, в чем оно воплощается. Однако событию необходима материя, ткань реальности, чтобы проявиться и получить выразительное, внефизическое и виртуальное измерения.

Обращение к античным представлениям стоиков позволило Ж. Делёзу переоткрыть детерминированность события языком, т. е. языковую природу события. В частности, для подтверждения этого тезиса обратимся к его собственному примеру: в произведении «Логика смысла» Ж. Делёз отождествляет ранение Жо Боске с событием. Вместе со стоиками Ж. Делёз вновь открывает исключительно языковую природу события. Во время Первой мировой войны Жо Боске получил ранение, в результате которого остался парализованным до смерти. В данном случае событийность контекста может быть раскрыта через слова самого героя: «Моя рана существовала до меня; я рожден, чтобы воплотить ее» (цит. по [1, с. 195]). Эта рана-событие есть не просто положение дел, имевшее место в хроноло-

гически определяемом настоящем. Оно не связано началом и концом войны, а представляет собой экзистенциальную фатальность, позволившую человеку осуществить себя как бытие открытой раной. Другими словами, событие раскрыло вечную истину бытия данного героя. Обращение к этому примеру показывает, что бестелесные события выходят за рамки простого режима появления и исчезновения. Чтобы поддержать взаимосвязь между событиями, выстраивающими целостный континуум человеческого существования, Ж. Делёз определял эти события как квазипричины сущностно происходящего в жизни человека, при этом сами события – это пустые формы, тяготеющие к своему содержательному наполнению. И только от человека, воспринявшего событие как явленность своего бытия, зависит смысл, который он вкладывает в данную форму. Это и есть парадоксальность события, о которой говорил Льюис Кэрролл как о парадоксальной квазипричинности в соответствии со специфической логикой произведения «Алиса в Стране чудес». Получается, что событие может быть одновременно источником или квазипричиной нескольких противоположных и непредсказуемых эффектов.

В рамках проблематики данной статьи особый интерес представляет делёзовская интерпретация события в контексте театра и перформанса. Отметим, что работ, в которых непосредственно раскрывалась бы проблема театральной перформативности у Ж. Делёза, немного. Обратимся к его тексту «Одним манифестом меньше», поскольку именно в этом эссе, написанном в 1978 г., французский философ проявил интерес к непрезентативному театру, в качестве которого он рассматривал театральную практику итальянского актера К. Бене. За исключением кратких рассуждений об А. Арто и С. Беккете в изданиях «Критика и клиника» и «Капитализм и шизофрения» это «единственный продолжительный курс Ж. Делёза о театре, и как таковой, это жизненно важный текст для всех, кто интересуется отношениями между Ж. Делёзом и перформансом»¹ [4, р. 30]. В эссе «Одним манифестом меньше» Ж. Делёз утверждал, что практика К. Бене представляет собой

¹Здесь и далее перевод наш. – Н. Л.

второстепенное использование театра, так как актер применяет трехчастный, субтрактивный метод, удаляющий из театра «элементы Власти», устраняя репрезентации власти и репрезентации как власти для того, чтобы освободить движение различия. Этот процесс представляет собой реализацию следующих шагов: «1) вычитание стабильных элементов, 2) помещение всего в непрерывную вариацию, 3) преобразование всего в минор (роль театральной компании в ответ на понятие наименьшего интервала)» [2, р. 211]. Это вычитание (или ампутация) и есть то, что Ж. Делёз называл процессом миноризации – отменой значимого для высвобождения второстепенного (например, для событийности пьесы У. Шекспира «Ромео и Джульетта» более значимыми оказываются второстепенные персонажи, создающие фон для явленности главных героев). Такое определение философ также соотносил с революционной практикой. Имеется в виду, что событийность революции как ее возможность в театральной практике (и более широко в социальной реальности в целом) зависит уже не от действий больших революционных масс, имеющих классовую определенность, а скорее от незначительных, второстепенных, не обладающих классовым сознанием элементов, которые в момент события получают революционный импульс.

Эссе «Одним манифестом меньше» концентрируется на второстепенном значении языка в творческих интерпретациях У. Шекспира и К. Бене. Идея Ж. Делёза заключается в том, что существуют не основные или второстепенные языки как таковые, а основные или второстепенные употребления языка, и, следовательно, у К. Бене важно не то, что это У. Шекспир, а то, как исполняются его слова, следовательно, язык и есть тот материал, посредством которого событие получает свое содержание. Ж. Делёз подчеркивал, что незначительные употребления языка позволяют понять «наиболее присущее языку творческое свойство» – фундаментальную изменчивость [2 р. 211], а значит, проективность и вариативность события в зависимости от того, кто в него включен. Полагаем, что данная интерпретация события как театрального перформанса позволяет раскрыть его онтологическую природу, наделяющую бытием и явленностью не только театральный перформанс, но и разнообразные социальные практики в обществе. Связь между театром и социальной реальностью осуществляется в языке и посредством языка. Во-первых, событие у Ж. Делёза поддерживает тесную связь с грамматикой и синтаксисом, а мы видим, что философ настаивал на новом использовании художником языка, которое исключает элементы власти. Во-вторых, нерепрезентативный театр выстраивает новую логику отношений внутри устоявшегося смысла, что пробуждает непредсказуемые аффекты.

Вслед за Ж. Делёзом об онтологии события говорил и А. Бадью, при этом он критически переосмыс-

лил делёзовскую интерпретацию события. В отличие от Ж. Делёза, акцентировавшего множественные векторы одного и того же события, А. Бадью определяет событие как явленность единого через соединение множеств: «В становлениях событие есть доказательство Единого, выражением которого являются эти становления» [3, р. 38]. И если для Ж. Делёза событие представляет собой прерывность, маркирующую значимость свершающегося в жизни конкретного индивида, то у А. Бадью событие первично, именно оно высвечивает для социальных групп, масс судьбоносный момент, в котором может реализоваться их общая судьба. Такое дополнение – критика к осмыслению делёзовской интерпретации позволило задействовать в современных театральных перформансах множества, т. е. массу зрителей, для которых театральный перформанс только и может стать событием.

Благодаря интерпретации концепта события как перформанса в современной социальной философии (Ж. Делёз, А. Бадью и др.) в последней трети XX ст. этот концепт приобрел актуальность как в теоретических исследованиях театра, так и в самих театральных практиках. Характер спектакля как события оказался значимым в конце XX в., когда театроведы и режиссеры П. Беренс, Г. Фукс и другие провозгласили, что театр должен снова стать фестивалем. Вскоре после этого М. Херрман заявил, что нашел первоначальный смысл театра в театральном празднике, состоящем из различных его участников, актеров и зрителей. Все упомянутые специалисты считали, что специфическая эстетика театра проявляется в характере спектакля как события. П. Беренс, Г. Фукс и М. Херрман противоречили традиционным представлениям об эстетике, уходящей корнями в произведение искусства, и открыли новые перспективы для дебатов об искусстве и эстетике.

Они заменили артефакт мимолетными, уникальными и неповторимыми процессами и релятивизировали, если не полностью упразднили, фундаментальное разделение производителей и получателей. Поэтому представители современной теории театра атаковали предпосылки эстетики произведения искусства, производства и рецепции. Их параметры больше нельзя было разумно применять к перформансу. Вместо этого художественная и эстетическая природа перформанса оказалась полностью детерминированной событием.

Среди многих импульсов к созданию искусства действия и перформанса было стремление сопротивляться появлению произведений искусства как рыночных артефактов и товаров и заменять их мимолетными событиями, которые никто не мог купить и хранить в сейфе или демонстрировать в своей гостиной. Эфемерность события, его уникальность и неповторимость стали фокусом. Материальность не дается как артефакт, а возникает в результате перформативного порождения телесности, пространственности и тональности. Присутствие акте-

ра, экстаз вещей, атмосферы и циркуляция энергии «происходят» точно так же, как значения, возникающие в виде восприятий, или рождающиеся из них эмоции, идеи и мысли. Эстетика перформанса проявляется в его событийной природе: зрители реагируют на то, что они воспринимают, точно так же, как актеры отвечают на реакции зрителей и их модели поведения.

Немецкая исследовательница театра Э. Фишер-Лихте в книге «Трансформативная сила перформанса» выделяет три аспекта, которые составляют природу перформанса как события: «...во-первых, аутопоэзис петли обратной связи, порождающий перформанс, и феномен эмерджентности; во-вторых, дестабилизация, даже стирание бинарных оппозиций; в-третьих, ситуации лиминальности, трансформирующие участников перформанса» [6, р. 163].

Э. Фишер-Лихте утверждает, что такие перформансы артикулировали новое самопонимание художников. «Они перестали быть богоподобными творцами произведений искусства, вместо этого они создали условия, подобные лабораторным, где подвергали исследованиям себя и других» [6, р. 164]. В качестве примеров перформанса как события Э. Фишер-Лихте приводит работы М. Абрамович, Й. Бойса, Р. Шехнера.

Аутопоэзисная петля обратной связи, являющаяся взаимодействием между актерами и зрителями, обеспечивает перформанс. Представление о художнике как об автономном субъекте, создающем самостоятельное произведение искусства, которое каждый реципиент может интерпретировать по-своему, но не может изменить свою материальность, здесь, очевидно, уже не применимо, даже если большинство зрителей все еще не признают его. Эффект аутопоэтической петли обратной связи заключается в отрицании понятия автономного субъекта. Происходит взаимная детерминация художника и зрителей, которая противоречит представлению о субъекте, суверенно проявляющем свою свободную волю и формирующем себя независимо от внешних воздействий. Равным образом эта концепция категорически противостоит представлению о зрителе, который избегает всякой ответственности за свои действия. «Ощутимая работа аутопоэтической петли обратной связи, проявляющаяся во всех формах смены ролей между актерами и зрителями, позволяет всем ощущать себя содетерминированными участниками действия» [6, р. 164]. Каждый участник перформанса становится ответственным за ситуацию, которую никто не создал в одиночку. В этом заключается фундаментальный компонент эстетического опыта, обеспечивающий аутопоэзис петли обратной связи.

С позиции зрителей, все элементы, входящие в аутопоэзис петли обратной связи, представляют собой эмерджентные явления. В перформансах как событиях появление или исчезновение эмерджентных феноменов не следовало понятной и предсказуе-

мой логике действия или причинно-следственным связям, а зависело от временных рамок, случайных операций и т. п. В такого рода перформативных поворотах зрители могли обнаружить, что случаи возникновения эмерджентных феноменов и их собственная реакция или поведение других зрителей одинаково трудно предсказуемы.

Для перформансов как событий характерно то, что они обращали внимание зрителей даже на самые мелкие и незаметные отклонения, которые обычно ускользают от нас в повседневной жизни. Здесь они были в центре внимания. Ритмы перформанса создавались путем повторения действий с небольшими вариациями. Постоянно выискивая отклонение, зритель все же мог быть удивлен его действительным, неожиданным появлением. Таким образом, принцип отклонения и неожиданности применялся во всех выступлениях. Это был особый вызов вниманию зрителей. В качестве примера обратим внимание на перформансы труппы «Goat island», в которых они умышленно замедляли всем знакомые действия. Многие из них повторялись в течение длительного времени, и зрители приходили в недоумение, сколько это может продолжаться. Как отмечала одна из основательниц труппы Л. Хиксон, в современной культуре «...вы должны двигаться, чтобы доказать вашу ценность как личности. Вы должны быть в движении, вы должны доказывать свою продуктивность как личности, а это очень пугает тех, кто не в движении. Те, кто болен, или не имеет денег, или не находится в движении, которого требует капиталистический путь, сейчас вычеркнуты из графика, если считать их частью нашей культуры... Восстановление связано с тишиной... Людям нужно остановиться на мгновение... и подождать» [7, р. 221].

Вторым компонентом перформанса как события Э. Фишер-Лихте называет стирание бинарных оппозиций, в первую очередь оппозиции *реальность – искусство*. Так, применяя принципы аутопоэзиса и эмерджентности, театральные перформансы и перформативное искусство пытаются реабилитировать повседневные переживания. Перформанс вызывает у зрителя необычайное состояние перманентно повышенного внимания, превращая обыденные действия и вещи в составляющие эстетического переживания. Обыденность здесь тоже преобразуется. Э. Фишер-Лихте приводит пример перформанса М. Абрамович, в котором она разбила бокал с вином и у нее пошла кровь. «Действие представляло собой реальность разбитого стекла и окровавленной руки. В “Губах Фомы” не было существенной разницы между искусством и реальностью. Все, что в нем делалось или показывалось, означало именно то, что делалось или показывалось, и таким образом составляло соответствующую реальность» [6, р. 170].

Получается, что все перформансы являются самореферентными и составляют реальность. Актер, выполняющий действие на сцене – это реальность актера, который выполняет действия. Актер не просто

делает вид, что идет или плачет. Он на самом деле ходит и плачет, тем самым меняя реальность своим действием. Как замечает М. Херрман, «в театральных перформансах мы всегда имеем дело с “реальными телами” в “реальных пространствах”» [6, р. 170]. Когда актеры движутся в пространстве и через него, они на самом деле меняют положение своего тела, а вместе с ним и перформативное пространство. Изменение действий в перформансе гарантирует, что кажущееся действительно происходит до того, как этим событиям можно будет приписать какое-либо дополнительное значение.

Э. Фишер-Лихте справедливо отмечает, что определение искусства и реальности как бинарных оппозиций породило целый ряд других дихотомий, таких как эстетическое и социальное, эстетическое и политическое, эстетическое и этическое. Такие дихотомии разрушались в перформансах с 1960-х гг. Смена ролей и построение сообщества, в частности, обнажили тот факт, что перформанс одновременно создает социальную ситуацию и социальное взаимодействие. Все, что происходит между актерами и зрителями или между зрителями в перформансе, происходит как специфический социальный процесс и конституирует специфическую социальную реальность. Для подтверждения этой мысли приведем слова Э. Фишер-Лихте, отметившей, что «...такие процессы мутируют в политические, если переговоры об этих отношениях превращаются в силовую игру. Везде, где отдельные лица или группы пытаются навязать другим определенные позиции, модели поведения, действия и в конечном счете убеждения, мы имеем дело с политическими процессами» [6, р. 170].

Еще в начале XX в. художники считали театр пространством, лишенным какого-либо принуждения к действию. Зрители должны были вмешиваться не в спектакль, а в социальные и политические условия, существующие за пределами театра. Одним из показательных примеров является эпический театр Б. Брехта. Он считал, что спектакль должен был дать зрителям образы, которые побудили бы их задуматься о политических и социальных условиях. Это заставит зрителей действовать в окружающих социальных и политических реалиях. При рассмотрении многочисленных спектаклей театра и перформанса, начиная с 1960-х гг., можно обнаружить, что такое представление рушится. Снова и снова зрители попадают в ситуации, где они должны принимать решения и действовать. Зрители разделяют с художником ответственность за ситуацию, в которой они оказались. Например, в перформансе «Рай сейчас», организованном Живым театром, зрителей выводят на улицу и призывают освободить заключенных из тюрьмы, сбросить мешающую одежду, позволить себе быть свободным.

В реальной жизни люди все чаще ведут себя как зрители, наблюдая акты насилия и не чувствуя себя обязанными вмешаться, хотя бы позвонив в полицию по мобильному телефону. Напротив, художники

работают над тем, чтобы подвергать людей перформативным ситуациям, которые разрушают безопасную позицию зрителей и требуют, чтобы они стали соучастниками действия. Создавая экстремальные условия и подвергая себя смертельному риску, художники призывают зрителей к ответственности и провоцируют их на действия.

Вместе с тем необходимо помнить, что артисты в своих спектаклях намеренно создают ситуации художественными средствами – путем тщательной подготовки и длительных репетиций. Эти ситуации лишь напоминают повседневную жизнь, но фактически представляют собой поле для эксперимента. Однако лабораторную установку нельзя приравнивать к обычной жизни, равно как и к художественной, даже если она может дать представление о человеческом поведении. Перформанс и жизнь отличаются друг от друга, но не противопоставлены друг другу.

В аутопозитивной петле обратной связи все участники всегда действуют и как субъекты, и как объекты. Они со-определяют весь процесс, стимулируя новые перформативные повороты, а также определяются поворотами, совершаемыми другими. Случаи смены ролей, участие аудитории и ответы участников делают эту взаимную связь особенно очевидной. В этом контексте зритель выступает субъектом восприятия, тогда как воспринимаемое является объектом и может воздействовать на воспринимающего субъекта различными способами. Воспринимаемое размывает границы тела, проникая в него в виде запахов, звуков или света. Между воспринимающим субъектом и воспринимаемым объектом происходит постоянный обмен, который растворяет фундаментальную оппозицию субъекта и объекта. И аутопозитивная петля обратной связи, и восприятие постоянно скользят между позициями субъекта и объекта. Субъект и объект уже не образуют оппозиции, а лишь обозначают разные состояния или положения воспринимающего субъекта и воспринимаемого объекта, которые могут возникать последовательно, а в некоторых случаях и одновременно. Хотя такие сдвиги могут быть частью наших повседневных процессов восприятия, мы осознаем это обстоятельство только благодаря особому вниманию, которое уделяем представлениям.

Перформансы, подрывающие и уничтожающие такие дихотомии, составляют новую реальность, в которой одно может одновременно проявляться как другое, эта реальность неустойчива, размыта, двусмысленна, преходяща, она стирает границы. Реальность перформанса не может быть понята в бинарной оппозиции. Эти перформансы привлекают внимание и преобразуют повседневный опыт, отвергая бинарность как неадекватно подходящую для описания этого опыта.

Таким образом, мы подошли к третьему компоненту перформанса как события, а именно к лиминальности. Когда противоположности растворяются

друг в друге, внимание сосредоточивается на переходе из одного состояния в другое. Э. Фишер-Лихте отмечает, что «...пространство между противоположностями открывается; таким образом, промежуточный становится предпочтительной категорией. Снова и снова мы видели, что эстетический опыт, обеспечиваемый перформансом, можно в первую очередь описать как лиминальный опыт, способный трансформировать переживающего субъекта» [6, p. 174]. Очевидно, что этот тип эстетического опыта имеет ключевое значение для эстетики перформатива, поскольку он отражает природу перформанса как события.

В частности, коллапс оппозиции *искусство – реальность* и всех возникающих из нее бинарностей переводит участников в лиминальное состояние.

Заключение

В перформансе как событии эстетический и лиминальный опыт в конечном итоге совпадают из-за работы аутопоэтической петли обратной связи и ее эффектов. Квинтэссенцией события является лиминальная ситуация, представляющая собой не только результат переживания неуволнимости, порожденно-го постоянными взаимными переходами между субъектной и объектной позициями. Скорее, каждый поворот петли обратной связи между этими позициями следует также рассматривать как переход и, следовательно, как лиминальную ситуацию. Получается, что в событии как перформансе необходимо взаимное пересечение зрителя и актера, без которого сама роль будет восприниматься как внешняя пустая маска. Такое пересечение, используя словарь Ж. Делёза, правомерно определить как порог, переход через который создает состояние нестабильности с непредсказуемыми последствиями и таким же большим риском неудачи, как и шансом на успешную трансформацию. Перформансы, обсуждаемые в данной статье, подчеркивают лиминальный потенциал, поскольку переходы были далеко не плавными, а резкими. Таким образом, процесс аутопоэтической пет-

Э. Фишер-Лихте указывает, что такое состояние становится особенно очевидным в перформансах, связанных с членовредительством. «Эти перформансы стирают действующие правила и нормы и устанавливают состояние, где все участники, даже артисты, наносящие себе травмы, находятся на двух крайних позициях. Этические ответы, однако, могут нарушить намерения художника. Эти перформансы погружают зрителей в кризис, в котором обращение к привычным моделям поведения бессмысленно. Установленные стандарты уже не действуют, а новые еще не сформулированы» [6, p. 176]. Зрители попадают в лиминальную ситуацию, которую они могут преодолеть только путем поиска новых стандартов поведения, несмотря на постоянную угрозу возможного провала.

ли обратной связи можно описать и определить как последовательность переходов, которые несут в себе высокий потенциал для создания лиминальности на протяжении всего перформанса.

В конечном счете правомерно утверждать, что концепт события способствует возникновению подлинно нерепрезентативных перформансов, в которых невозможно определить или контролировать творческий и непредсказуемый характер встреч художников и зрителей. Такие перформансы порождают у публики новые идеи и ощущения, которые художник никогда не мог себе представить. Однако это может произойти только тогда, когда участники позволяют себе быть вовлеченными в произведение, которое действительно живет собственной жизнью, за пределами возможностей, которые мог бы предусмотреть любой проект. Несомненно, произошедшая в последней трети XX ст. трансформация в театральной постановке и театральной практике игры стала возможна благодаря осмыслению концепта события как перформанса в современной французской философии, в частности в концепции события Ж. Делёза.

Библиографические ссылки / References

1. Deleuze G. *Logika smysla* [Logik of sense]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2011. 472 p. Russian.
2. Deleuze G. *The Deleuze reader*. Boundas CV, editor. New York: Collambia University Press; 1993. One manifesto less; p. 204–222.
3. Badiou A. The event in Deleuze. *Parrhesia*. 2007;2:37–44.
4. Kowsar M. *Deleuze and Guattari: critical assessments of leading philosophers*. Genosko G, editor. London: Routledge; 2001. Deleuze on theatre: a case study of Carmelo Bene's Richard III; p. 30–46.
5. Beaulieu A. Deleuze and Badiou on being and the event. In: Kowsar M. *Gilles Deleuze and metaphysics*. Beaulieu A, Kazarian E, Sushytska J, editors. London: Lexington Books; 2014. p. 137–152.
6. Fischer-Lichte E. *The transformative power of performance*. London: Routledge; 2008. 232 p.
7. Cull L. *Differential presence: Deleuze and performans*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2009. 268 p.

УДК 167.2

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. С. САЙГАНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются этапы становления и развития экспериментальной методологии в социальных науках. Междисциплинарный эксперимент характеризуется как тип исследовательской деятельности, основанный на интеграции методов дисциплинарной науки в изучении комплексных проблем природы и общества. Раскрывается значение междисциплинарного эксперимента в эпистемологическом аспекте. В рамках социальной эпистемологии значение междисциплинарного эксперимента рассматривается в его связи с социальным запросом, возможностью получения социально востребованного эффективного знания. Культурно-историческая эпистемология акцентирует внимание на междисциплинарном эксперименте как процессе научного поиска, на экспериментирующем сознании ученых. Подчеркивается эвристичность междисциплинарного эксперимента, его прогностический потенциал и способность выявить непознанное, что приобретает особое значение для понимания особенностей социально-гуманитарного познания в современных условиях трансформации общества.

Ключевые слова: культурно-историческая эпистемология; междисциплинарный эксперимент; постнеклассическая эпистемология; социальная эпистемология; социально-гуманитарное познание; социотехнический эксперимент.

Образец цитирования:

Сайганова В.С. Экспериментальная методология социально-гуманитарного познания: эпистемологический аспект. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;2:46–51. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-46-51>

For citation:

Saiganova VS. Experimental methodology of socio-humanitarian knowledge: epistemological aspect. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;2:46–51. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-46-51>

Автор:

Вероника Святославовна Сайганова – кандидат философских наук, доцент; декан факультета философии и социальных наук.

Author:

Veronika S. Saiganova, PhD (philosophy), docent; dean of the faculty of philosophy and social sciences. saihanava@bsu.by

EXPERIMENTAL METHODOLOGY OF SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE: EPISTEMOLOGICAL ASPECT

V. S. SAIGANOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The stages of formation and development of experimental methodology in the social sciences are discussed in the article. An interdisciplinary experiment is characterised as a type of research activity based on the integration of the methods of disciplinary science in the study of complex problems of nature and society. In social epistemology, the significance of an interdisciplinary experiment lies in its connection with social demand, the possibility of obtaining effective knowledge. Cultural and historical epistemology focuses on the interdisciplinary experiment as a process of scientific research, on the experimenting consciousness of scientists. The heuristic nature of the interdisciplinary experiment, its prognostic potential and the ability to reveal the unknown are emphasised, which is of particular importance for understanding the features of social and humanitarian cognition in modern society.

Keywords: cultural and historical epistemology; interdisciplinary experiment; postnonclassical epistemology; social epistemology; social and humanitarian knowledge; sociotechnical experiment.

Экспериментальный характер науки заключается не только в том, что эксперимент рассматривается как универсальный метод познания и стратегический фактор развития самой науки, но и в том, что экспериментальный подход фундирует способ и стиль научного мышления, изменяет логику, смысл и устройство самого человеческого опыта. Современный этап развития науки характеризуется интенсивными темпами становления общенаучной методологии, что актуализирует феномен междисциплинарного эксперимента в контексте его эпистемологического значения. С одной стороны, научно-познавательная деятельность продолжает сталкиваться с все более сложными объектами природной и социальной реальности, которые нуждаются в целостных подходах к их освоению, с другой – современная наука, являясь практико-ориентированной, создает научной методологии задачу построения интегральной модели сложного объекта с учетом интересов и достижений естественно-научного и социально-гуманитарного знания. Так, обострившиеся в последние годы вопросы медицинских, экологических, энергетических, социально-политических проектов не были решены в рамках монодисциплинарного экспериментального подхода, для этого потребовалось комплексное решение от современной науки. Оказавшись в состоянии тотальной зависимости от собственной результативности, наука последних десятилетий получает новый импульс в понимании междисциплинарного эксперимента и его эпистемологического значения.

Экспериментальная деятельность в социальных науках прошла долгий путь в рамках своего поэтапного становления и развития в исторической динамике научного знания от классической через неклассическую до постнеклассической науки. В классический период социальное познание не могло быть экспериментальным в силу дисциплинар-

но не организованной науки. Однако еще в XIX в. Э. Дюркгейм в предисловии к работе «Метод социологии» писал, что социология «не обречена оставаться отраслью общей философии, что она способна тесно соприкоснуться с конкретными фактами, не превращаясь просто в упражнения в области эрудиции» [1, с. 8]. В этот же период начинают формироваться основы количественных социологических методов, например, современной демографии, но изучение социальных фактов слабо опиралось на социологические теории того времени и, по сути, не носило экспериментального характера. Вместе с тем переход к эмпирическим исследованиям отдельных социальных проблем привел к серьезному методологическому сдвигу в социальном познании.

В неклассический период развития научного знания регламентация классической науки в области методологии и сама научная теория становятся более гибкими, происходит становление экспериментального подхода в социальном познании. В результате институционализации социальные науки начинают присваивать методологию, характерную для естествознания, однако экспериментальная деятельность в социально-гуманитарных исследованиях на данном этапе развития науки была неточной и несистемной, что связано со спецификой объекта исследования. Доминировал технологический подход к изучению общества, который, например, широко применялся в социальной инженерии, прогнозно-проектных социальных технологиях и др. К середине XX в. в социально-гуманитарном познании стала вычлняться собственная специфика использования экспериментального подхода, отличающаяся от эксперимента в естествознании, которая обуславливалась реализацией совместной деятельности исследующих и исследуемых субъектов. Это положило начало новому пониманию эксперимента в науке не только как эмпирической формы познания

действительности, но и как социальной практики в формате социального эксперимента.

На постнеклассическом этапе развития науки в результате не только усложнения объектов исследования, но и межотраслевой экспансии наук, при развитии постпозитивизма и постмодернистских программ социально-гуманитарного знания, в социальных и естественных науках появляется тренд междисциплинарных взаимодействий и междисциплинарного эксперимента. Развитие кибернетики, теории информации, социобиологии, этологии и синергетики существенно увеличило диапазон инструментов исследований в социальных науках и положило начало междисциплинарной методологии [2].

Междисциплинарные исследования в современной философско-методологической литературе зачастую определяются как «специальный тип исследовательской деятельности, предусматривающий интеграцию методов дисциплинарной науки в изучении комплексных проблем природы и общества» [3, с. 37]. Интеграция методов представляется здесь как систематизация концептов и теоретических подходов, которая, не изменяя цели исследования, переориентирует исследовательские интересы и процедуры. Ряд авторов в определении междисциплинарности акцентируют отказ от дисциплинарной ограниченности научных дисциплин через их кооперацию для понимания социального явления, создавая целостное, холистическое видение предмета исследования [4].

Говоря о междисциплинарном эксперименте в аспекте его эпистемологического значения в социально-гуманитарном познании, можно упомянуть социотехнический эксперимент как яркий пример реализации особенно актуализировавшейся в последние десятилетия междисциплинарной методологии. В самом общем виде социотехнический эксперимент представляет собой рекрутинг в собственное поле методов социологии, психологии, социальной философии, теории управления, информационно-коммуникативных технологий и технологий *big data*. По своей природе социотехнический эксперимент междисциплинарен и интегративен, он выводит социально-гуманитарное знание на технический уровень осмысления и позволяет выявить не только описательный, объяснительный, аналитический и прогностический потенциал этого знания, но и зафиксировать его возможности по созданию алгоритма решения социальных задач и их последующей практической реализации [5]. В рамках социотехнического эксперимента осуществляются не только сбор и распространение соответствующей информации, но и актуализируются технологии управления информацией, что подразумевает совместную работу в экспериментальном поле ряда естественнонаучных исследователей, социологов, психологов, инженеров, IT-специалистов и др. Возможность реа-

лизации междисциплинарного социотехнического эксперимента вносит коренные изменения в методологию социальных наук. Если традиционные способы получения знания в социально-гуманитарных науках базировались на взаимодействии исследователя и исследуемых, то в социотехническом эксперименте это взаимодействие опосредовано использованием технологий, что позволяет производить научное знание без прямого обращения к гипотезам и без опоры на традиционные познавательные процедуры.

Основное значение здесь имеет анализ больших данных (вычислительные алгоритмы извлечения знаний из экспериментальных данных), результаты которого и формируют новое знание, а далее с помощью математических операций и интерпретационных процедур (аналитика) это знание экстраполируется в будущее, с достаточно высокой степенью вероятности реализуя свой прогностический и практический потенциал.

Все вышеобозначенное ставит вопрос об эпистемологическом значении междисциплинарного эксперимента в социально-гуманитарном познании по-новому. И коль скоро междисциплинарный эксперимент – порождение постнеклассической науки, то и оценивать его возможно с точки зрения постнеклассической эпистемологии.

Если в классическом варианте эпистемология характеризовалась относительным единством и целостностью в поиске и формулировании универсальных характеристик истинного, достоверного знания, то современная эпистемология представляет собой семантическое и методологическое многообразие в понимании знания, истины и содержания самой эпистемологии. Постнеклассическая эпистемология выступает совокупностью разноплановых подходов, каждый из которых претендует на уникальность в объяснении природы знания, его структуры и границ.

К постнеклассическим направлениям эпистемологии, преимущественно в фазе ее становления, с учетом разной степени проявления собственно эпистемологической проблематики относят эволюционную, натурализованную, генетическую, социальную, историческую, культурно-историческую эпистемологию и др. Данные направления предлагают альтернативные подходы к анализу знания, принимая во внимание разные факторы формирования способов познания, познавательных практик и представлений о достоверном знании [6].

Для оценки роли междисциплинарного эксперимента в социально-гуманитарном познании целесообразным будет обращение к современным формам постнеклассической эпистемологии, а именно к социальной, исторической и культурно-исторической эпистемологии. При рассмотрении познания как сложного социального и культурного феномена

данные направления тематически схожи, но разнятся методологически.

Социальная эпистемология описывает современную науку, акцентируя ее включенность во все виды социальных отношений (политические, экономические, правовые и др.) как социального института, подчиненного общественным нормам. Подчеркивая значение социальных условий познания для существования знания в обществе, представители социальной эпистемологии указывают, что «содержание и форма знания социальны от начала до конца» [7, с. 908]. В рамках данного направления научное знание выступает полноправным социальным явлением и имеет ангажированный статус в системе отношений социального производства.

Для социальной эпистемологии значение междисциплинарного эксперимента будет заключаться в его связи с социальным запросом, дальнейшей возможностью получения социально востребованного знания, оцененного с точки зрения общественной значимости, эффективности, результативности и реализуемости.

В аспекте тематики междисциплинарного эксперимента особый интерес представляет историческая эпистемология, так как она не только вписывается в актуальные тенденции философии науки (практический поворот, онтологический поворот, поворот к материальному и др.), но и подчеркивает особую значимость исторических процессов для решения современных задач теории познания. При этом, как отмечают современные российские исследователи, данное направление обращается не к самой истории теории познания, а к истории научных практик, демонстрируя то, как «эпистемологические нормы и принципы происходят из научных практик, порождают новые способы производства знания и новые формы общественной жизни» [8, с. 19]. Историческая эпистемология исследует историю идей как внутренний поиск условий и перспектив собственного исторического развития, однако в то же время историческая эпистемология соединяет «историю идей с историей развития науки и научных практик производства знания» [8, с. 20]. Таким образом, сохраняя философскую рефлексию, историческая эпистемология включает в свое поле эмпирические и экспериментальные практики, отображая то, как эпистемологические нормы и принципы исходят из этих практик и порождают новые способы производства и воспроизводства социально-гуманитарного знания. В аспекте новых способов получения знания культурно-историческая эпистемология обращена не столько в прошлое, сколько в будущее, она позволяет увидеть перспективы философского осмысления общества, науки, культуры. Принимая вызовы современности, культурно-историческая эпистемология показывает значимость культурно-исторических процессов для постановки новых вопросов

и формулировки ответов на них о науке, знании, их роли в современном обществе.

Культурно-историческая эпистемология, в отличие от социальной, исходит не просто из социальной науки, она актуализирует культурно-историческую ценность научного знания. Российские исследователи подчеркивают эвристичность культурно-исторической эпистемологии в качестве основы для междисциплинарных исследований. Так, Б. И. Пружинин отмечает, что «культурно-историческая эпистемология акцентирует внимание ученого на историзме его сознания, на его включенности в решение конкретных социокультурных задач и тем самым ориентирует его на расширяющиеся культурные и исторические проекции его работы» [9, с. 140], когда ученый способен усмотреть символические смыслы своих конкретных прикладных результатов. Уникальность культурно-исторической эпистемологии, по мнению ее адептов, и состоит в том, что ее методология может быть представлена не в традиционной форме, а именно в виде рекурсивного списка предписаний и нормативов, так как культурно-историческая эпистемология погружена в саму познавательную деятельность и обнаруживает себя в ходе этой работы как ее важнейшая составляющая.

Таким образом, социальная эпистемология сосредоточивается на результате междисциплинарного эксперимента, а культурно-историческая – на самом процессе междисциплинарного эксперимента, т. е. на экспериментирующем сознании ученых, на живом познавательном ходе научного исследования. Это позволяет увидеть междисциплинарный эксперимент как открытый проект, инновационную культуротворческую деятельность, в ходе которой можно оперировать не только абстракциями и идеализациями для построения объекта исследования, но и метафорами, аналогиями, использовать переносы смыслов и т. д. Например, когда речь идет о междисциплинарном мысленном эксперименте, он рассматривается не только как инструмент проверки теории и гипотез, но и как творческая практика научного сообщества в том числе, соединяющая в себе эмпирику и научное воображение. Значением такого рода эксперимента в его эпистемологическом аспекте является сам процесс, т. е. живая мысль ученых, составляющая культурно-историческую ценность [10]. Эпистемологически важным, например, является понимание культурно-исторических процессов в обществе не как статичных структур для изучения, а как пространств для постоянно возникающих интерпретаций, которые особенно актуальны в момент аналитики. Экспериментирующее сознание ученого хоть и не может элиминировать свою субъективность, но через творческую деятельность способно обеспечить единство культурно-исторического времени и пространства,

реального и воображаемого. Тогда сам процесс такого эксперимента с порождаемыми смыслами, идеями, инсайтами и будет представлять научную ценность с точки зрения культурно-исторической эпистемологии.

Следствием такого понимания экспериментальной методологии является существование особенностей у социальной и культурно-исторической эпистемологии и в отношении к истине. Для культурно-исторической эпистемологии истина самоценна и фундирована ценностями культуры, а не социальными условиями и потребностями. Истина мыслится как культурно-исторический феномен, а стремление к истине является внутренней мотивацией сообщества ученых, которая не навязана социальными институтами. То есть культурно-историческая эпистемология акцентирует процессуальность науки как культурного феномена, допуская некую произвольность мнений ученых, обсуждение и интересубъективную проверяемость.

В целом культурно-историческая эпистемология может претендовать на право считаться перспективным направлением современных исследований науки, которое включает описание условий генезиса науки, анализ ключевых проблем и разработку новых областей применения теоретических конструкций науки. Данная специфика культурно-исторической эпистемологии хоть и не исключает непредсказуемость результата исследования, наличие рисков, но дает возможность для открытий в исследовании науки, поэтому является наиболее

референтной для оценки междисциплинарного эксперимента в современном социально-гуманитарном познании. В рамках культурно-исторической эпистемологии подчеркивается эвристичность междисциплинарного эксперимента, его прогностический потенциал и способность открыть непознанное, что приобретает особое значение в аспекте развития социально-гуманитарного знания в условиях трансформации общества. Развитие экспериментального подхода в социогуманитарных исследованиях может привести к смене парадигмы экспериментальной науки, а именно к переходу к существенно новым способам аналитической работы с информацией.

Таким образом, экспериментальная деятельность в социально-гуманитарном познании может выступать одним из способов получения знаний о социальной, культурно-исторической действительности. Наиболее полно свое значение и потенциал экспериментальной методологии проявляет в культурно-исторической эпистемологии. Современная культурно-историческая эпистемология открыта новым проблематизациям, разработкам исследовательских программ междисциплинарного взаимодействия и конструктивной коммуникации внутри науки, основанной на творческом поиске и признании науки исторической, социальной и культурной ценностью. Именно такая особенность культурно-исторической эпистемологии позволяет ей быть инновационной исследовательской стратегией современного социально-гуманитарного познания в аспекте реализации экспериментальной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Дюркгейм Э. *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. Гофман АБ, переводчик, составитель. Москва: Канон; 1995. 352 с.
2. Сайганова ВС. Эпистемологическое значение междисциплинарного эксперимента в социально-гуманитарном познании. В: Щедрина ТГ, Пружинин БИ, редакторы. *Кто в науке Шерлок Холмс? Парадоксы экспериментирующего сознания*. Москва: Центр гуманитарных инициатив; 2022. с. 239–247.
3. Гаврилина ЕА. Эксперимент в социально-гуманитарном познании: становление и трансформация. *Философия науки и техники*. 2017;1:30–45. DOI: 10.21146/2413-9084-2017-22-1-30-45.
4. Вознякевич ЕЕ. Трансдисциплинарность и феномен неявного знания. В: Гусаков ВГ, Коваленя АА, Гигин ВФ, Зеленков АИ, Лазаревич АА, Чуешов ВИ и др., редакторы. *Национальная философия в глобальном мире. Тезисы Первого белорусского философского конгресса; 18–20 октября 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Беларуская навука; 2017. с. 101–102.
5. Kroes P. Experiments on socio-technical systems: the problem of control. *Science and Engineering Ethics*. 2016;22(3): 633–645.
6. Сайганова ВС. Историческая эпистемология: истоки и современное состояние. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2020;3:26–30.
7. Касавин ИТ. Социальная эпистемология. В: Касавин ИТ, редактор. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. Москва: Канон+; 2009. с. 908–909.
8. Шиповалова ЛВ. О возможности совместимости историчности и объективности научного знания. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6*. 2012;4:19–23.
9. Пружинин БИ. Знание как ценность: этюд по культурно-исторической эпистемологии. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2014;1:135–141.
10. Микешина ЛА. Мысленный эксперимент, его роль в исторической науке. *Диалог со временем*. 2018;65:35–47.

References

1. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ее предмет, метод, предназначение* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Gofman AB, translator, compiler. Moscow: Kanon; 1995. 352 p. Russian.
2. Saiganova VS. [Epistemological significance of an interdisciplinary experiment in social and humanitarian knowledge]. In: Shchedrina TG, Pruzhinin BI, editors. *Kto v nauke Sherlok Holms? Paradoksi eksperimentiruyushchego soznaniya* [Who is Sherlock Holmes in science? Paradoxes of experimental consciousness]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; 2022. p. 239–247. Russian.

3. Gavrilina EA. An experiment in socio-humanitarian cognition: genesis and evolution. *Philosophy of Science and Technology*. 2017;1:30–45. Russian. DOI: 10.21146/2413-9084-2017-22-1-30-45.
4. Voznyakevich EE. [Transdisciplinarity and the phenomenon of implicit knowledge]. In: Gusakov VG, Kovalenya AA, Gigin VF, Zelenkov AI, Lazarevich AA, Chueshov VI, et al., editors. *Natsional'naya filosofiya v global'nom mire. Tezisy Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa; 18–20 oktyabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [National philosophy in the global world. Thesis of the First Belarusian philosophical congress; 2017 October 18–20; Minsk, Belarus]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2017. p. 101–102. Russian.
5. Kroes P. Experiments on socio-technical systems: the problem of control. *Science and Engineering Ethics*. 2016;22(3): 633–645.
6. Saiganova VS. Historical epistemology: origin and current state. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*. 2020;3:26–30. Russian.
7. Kasavin IT. [Social epistemology]. In: Kasavin IT, editor. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow: Kanon+; 2009. p. 908–909. Russian.
8. Shipovalova LV. [On the possibility of compatibility of historicity and objectivity of scientific knowledge]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6*. 2012;4:19–23. Russian.
9. Pruzhinin BI. Knowledge as a value: an essay on cultural-historical epistemology. *Humanities Research in the Russian Far East*. 2014;1:135–141. Russian.
10. Mikeshina LA. [Thought experiment, its role in historical science]. *Dialog so vremenem*. 2018;65:35–47. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.05.2023.
Received by editorial board 10.05.2023.

УДК 316.346.32-053.6(004.738.5)

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНТОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Описаны результаты опроса студенческой молодежи Беларуси, проведенного в 2023 г. с помощью инструментария, который использовался в аналогичном исследовании 2022 г., и представлен сравнительный анализ полученных данных. Оба опроса были посвящены проблемам цифровых инноваций, внедренных в белорусском обществе, и тому, как студенты воспринимают эти инновации. На основе анализа полученных в 2023 г. результатов выявлены изменения по сравнению с данными опроса 2022 г., которые, возможно, были связаны с резким (более чем двукратным) уменьшением числа студентов, хотя бы частично занимавшихся дистанционно в текущем учебном году. Сравнение позволило определить важную роль дистанционного обучения как фактора, который стимулировал освоение студентами новых технологий, помогал изучать технические новинки и тем самым повышать свою цифровую грамотность. Возврат к традиционным формам обучения облегчил студентам жизнь (уровень стресса снизился), но рост их цифровой культуры затормозился. Показана зависимость восприятия цифровых инноваций в обществе и в системе высшего образования от степени постоянного участия студентов в цифровой обучающей активности, а также от уровня рутинизации инноваций в жизни студентов.

Ключевые слова: инновационное развитие общества; цифровая трансформация; онлайн-обучение; цифровые технологии; восприятие студентами цифровых инноваций.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке государственной программы научных исследований Республики Беларусь (проект № ГР 20211892).

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ. Инновационное развитие общества в восприятии студентов: сравнительный анализ эмпирических данных. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;2:52–59. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-52-59>

For citation:

Titarenko LG. Students' perception of innovative development of a society: comparative analysis of empirical data. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;2:52–59. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-52-59>

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences. larissa@bsu.by <https://orcid.org/0000-0002-2207-9894>

STUDENTS' PERCEPTION OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF A SOCIETY: COMPARATIVE ANALYSIS OF EMPIRICAL DATA

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaleznski Avenue, Minsk 220030, Belarus

The purpose of the article is to describe the results of a students' survey in Belarus conducted in 2023 using the similar tools to the previous study in 2022, and to provide a comparative analysis of their results. Both surveys were devoted to the problems of digital innovations implemented in the Belarusian society and the perception of these innovations by the students. An analysis of the results of the 2023 survey revealed some changes compared to the 2022 survey data. These changes are probably associated with a sharp (more than twofold) decrease in the number of students who studied remotely (fully or in part) during the current academic year. The comparison revealed the important role of distance learning as a factor that stimulated the students' learning of new technologies, studying technical innovations and thereby improving their digital literacy. The return to traditional forms of education had made the students' life easier (stress levels have decreased), but the growth of their digital culture has slowed down. The scientific significance of the study lies in demonstrating the dependence of the students' perception of digital innovations in a society and in the higher education system on the degree of constant participation in digital learning activities, as well as on the level of routinisation of innovations in students' lives.

Keywords: innovative development of society; digital transformation; online learning; digital technologies; students' perception of digital innovations.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the state programme of scientific research of the Republic of Belarus (project No. GP 20211892).

Введение

Одна из важных задач экономического развития любой страны связана с продвижением во всех сферах жизнедеятельности процессов цифровой трансформации, а также с выходом на более высокий уровень развития инновационных производств. Как утверждал бывший генеральный директор корпорации *Google* Э. Шмидт, именно инновационная мощь, т. е. способность страны изобретать и внедрять новые технологии, определит исход международного соперничества стран. Государства, активно разрабатывающие инновации, будут успешно развивать свою экономику и выигрывать в конкуренции с другими странами. Поэтому в Беларуси задача продвигать инновации является приоритетной. Ею определяется и высокая практическая значимость подготовки в высших учебных заведениях молодых кадров, которые бы не только легко включались в процессы труда, где уже внедрены цифровые инновации, но и по мере возможностей становились творцами инноваций в разных сферах жизнедеятельности.

Развитие у студентов новых профессиональных компетенций в соответствии с потребностями экономики – одна из главных задач на 2021–2025 гг.¹ Для этого после обучения в учреждении высшего образования молодые специалисты должны обладать необходимым набором знаний и компетенций.

Среди них согласно компетентностному подходу цифровая компетенция является ключевой и определяется как «уверенность, критическое и творческое использование ИКТ для достижения целей, связанных с работой, занятостью, обучением, отдыхом, участием в жизни общества и экономики цифровых компетенций» [1, с. 38]. В данной статье невозможно охватить все сферы деятельности, где используются цифровые компетенции. Настоящее исследование направлено на рассмотрение сферы обучения и оценивание важности цифровых технологий, которые отражают понимание студентами роли инноваций в современном обществе. Поскольку студенчество является социальной группой будущих профессионалов, наличие у них высокого мнения о предназначении цифровых инноваций, а также желание самим овладеть новыми технологиями могут расцениваться как позитивный стимул, который будет способствовать формированию в учреждении высшего образования компетентного специалиста для рынка труда.

Цель статьи – описать результаты опроса студенческой молодежи Беларуси, проведенного в 2023 г. с помощью инструментария, который использовался в аналогичном исследовании 2022 г., и дать сравнительный анализ полученных результатов.

¹Указ Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292> (дата обращения: 22.02.2023).

Теоретико-методологические основы исследования

Теоретическим фундаментом исследования того, как студенты воспринимают инновации и риски, которые с ними связаны, выбраны концепции, изучающие сознание и познание человека. К этим концепциям, ставшим актуальными во второй половине XX в., относятся феноменологическая теория познания, разработанная А. Шютцем [2], и концепция современности как радикального модерна, созданная Э. Гидденсом [3]. Используя общие подходы данных теорий, можно проанализировать восприятие студентами цифровых инноваций и их оценку потенциальных и актуальных рисков цифровизации.

Проблему восприятия обучающимися инновационного развития общества можно рассматривать на разных уровнях и в различных аспектах, прежде всего в личностном и общественном плане. В этом случае личностный план будет отражать субъективное отношение студента к инновациям, которые имеются в его непосредственном окружении, т. е. техническим новинкам, ИКТ, гаджетам, используемым в повседневной жизни. Общественный план разделяется студентами как интерсубъективный, или общезначимый, поэтому его восприятие будет в большей мере определяться посредством усвоенных социальных норм в отношении инновационных объектов и господствующих (если не в обществе, то в референтной группе) ценностей и установок. Постоянные коммуникации студентов способствуют укоренению в их окружении тех взглядов, которые получают одобрение среды. Это будет студенческой рефлексией социального мира.

Для того чтобы сконструировать схему восприятия студенческой молодежью инновационного развития общества и систематизировать разные стороны этого восприятия, необходимо обратиться к концепции Ю. Хабермаса, в которой подробно исследованы процессы познания жизненного мира (т. е. процессы присваивания различных смыслов объектам окружающего мира в процессе его восприятия, а также превращения воспринятого мира в мир смыслов и значений) на разных уровнях. По мнению Ю. Хабермаса, эволюция жизненного мира приводит к выделению трех относительно независимых миров, которые отличаются от самого жизненного мира: объективного, социального и субъективного. Объективный мир состоит из различных фактов. Он влияет на другие миры, однако субъекты познания (в данном случае студенты) постигают этот мир только через свою перцепцию фактов, которая может отличаться от самих фактов как они есть. Тем самым субъективный мир восприятия сразу получает особые характеристики: он может исказить объективные факты, поскольку их постижение зависит от познавательных способностей и принципов субъектов,

а также их социальных действий. На субъективный мир студентов, познающих мир фактов, воздействует и социальный мир, в котором они существуют и который заставляет их подчиняться (возможно, принудительно) доминирующим в обществе нормам, ценностям и представлениям [5]. В любом случае ценности социального мира придают фактам значимость и как бы направляют процесс восприятия объективного мира субъектом. Если те или иные объективно существующие факты (технологии, материалы и другие объекты) попадают в поле восприятия студентов и социальный мир приписывает данным фактам высокую значимость, то их восприятие может еще больше увеличить эту значимость (например, в случае с интернет-технологиями, которые привлекают студентов) или, напротив, уменьшить ее, если субъекты не заинтересованы в данных фактах (например, инновационные сельскохозяйственные агрегаты). Различные участники коммуникации обращаются к социальному опыту, преодолевают свои сначала субъективные представления и благодаря общности мотивированных убеждений одновременно приобретают уверенность в единстве объективного мира и интерсубъективности собственных жизненных связей [5].

Согласно У. Беку общество XXI в. находится на стадии позднего, или зрелого, радикального модерна, на которой современный мир структурируется главным образом рисками, созданными человеком. Он отмечает увеличение числа как разнообразных рисков, так и непреднамеренных последствий социальных действий, которые еще больше усиливают риски. Образуется следующая цепочка: риски продуцируются рисками, идущими от технологических и социальных систем [6].

Таким образом, субъективный мир восприятия студентами тех или иных инновационных процессов и явлений в обществе, который формируется у молодых людей под влиянием объективного мира фактов и социального мира норм и ценностей, придающих фактам значимость, является объектом изучения настоящей статьи.

Эмпирическую базу исследования составили данные двух массовых опросов белорусского студенчества, проведенных с интервалом в один год на репрезентативной выборке (в 2022 г. объем выборки составил 2666 человек, ошибка выборки – 1,89 %, в 2023 г. – 1003 человека и 3,09 % соответственно). Опросы проводились онлайн с заполнением Google-формы. Они были посвящены проблемам цифровых инноваций, внедренных в белорусском обществе, и тому, как студенты их воспринимают. Методика сбора эмпирических данных, включая описание приемов, использованных в опросе, и способов изу-

чения объекта, была раскрыта автором настоящей работы ранее [4]. На основе прежних исследований выдвинута гипотеза о том, что уровень цифровой грамотности студенчества повышается, поэтому их цифровые знания и компетенции в 2023 г. будут

выше, чем в 2022 г. Также предполагалось, что восприятие студентами цифровых инноваций и осознание рисков для человека и общества, связанных с цифровой трансформацией, существенно не изменятся по сравнению с 2022 г.

Результаты и их обсуждение

Для целей анализа результатов опросов следует структурировать мир восприятия студентами инноваций. В него входит восприятие инноваций (прежде всего технических) в контексте собственных целей и потребностей развития. Например, у нынешнего виртуального поколения молодежи таковым является рост собственной цифровой культуры, который помогает активнее и эффективнее проводить нави-

гацию в интернете и отыскивать интересные материалы. Для этого студенты повышают свои умения и навыки владения различными ИКТ. Самооценка знаний и компетенций – показатели восприятия и использования студентами инноваций. В табл. 1 представлено сравнение самооценки умения работать с разными технологиями, замеренной в 2022 и 2023 гг.

Таблица 1

Среднее значение оценки студентами своих навыков работы с цифровыми технологиями и устройствами в 2022 и 2023 гг., балл

Table 1

Average student ratings of their digital and device skills in 2022 and 2023, point

Цифровые технологии и устройства	2022 г.	2023 г.
Персональный компьютер	4,6	4,3
Пакет <i>Microsoft Office</i>	4,4	4,0
Электронная почта	4,7	4,2
Поисковые системы <i>Google, Яндекс</i> и др.	4,8	4,4
Приложения для видеоконференций	4,1	3,7
Облачные хранилища	4,1	3,8
Профессиональные программы	2,8	3,0

Примечание. Студенты оценивали навыки работы с цифровыми технологиями и устройствами по 5-балльной шкале, где 1 – плохо, 5 – очень хорошо.

По мнению автора настоящей статьи, на эти показатели могли повлиять два фактора. Во-первых, на дистанционную форму обучения в 2022 г. перешли более чем 65 % студентов, в то время как на смешанную форму занятий в 2023 г. (иногда дистанционно, но в основном традиционно) – 37 % респондентов (примерно на 30 % меньше, чем обучавшихся в дистанционном формате). Вполне возможно, что дистанционное обучение (далее – ДО) стимулировало овладение ИКТ, тогда как для традиционного обучения этого не требуется. Когда автор настоящей работы разделил выборку 2023 г. на тех, кто хотя бы частично обучался на ДО, и тех, кто обучался только традиционно, по всем цифровым компетенциям была выявлена разница в ответах на 0,2–0,4 пункта в пользу обучавшихся на ДО. Во-вторых, в 2023 г. впервые в выборке оказались более 41 % первокурсников (в 2022 г. их вообще не было). Это зна-

чит, что почти половина студентов в 2023 г. не имели опыта ДО, в отличие от 2022 г. Данные факты показывают важность ДО как стимула роста цифровых компетенций студентов. Такой вывод требует дополнительной проверки того, что именно экстремальные условия пандемии могли существенно ускорить рост технологических умений и знаний студентов, и того, что желание студентов осваивать новые технологии без внешней необходимости уменьшилось.

В то же время не все студенты осознали стимулирующую роль ДО в освоении ИКТ. Так, только 44 % респондентов ответили, что учиться на ДО стало интереснее. Кроме того, 52 % опрошиваемых сказали, что их знания на ДО частично улучшились, 13 % респондентов – что повысились, 14 % студентов – что ухудшились. Позитивные и негативные оценки разделились практически поровну. Однако объективно

именно ДО в предшествующие 2–3 года стимулировало желание студентов осваивать новые ИКТ и повышать уровень своей компетентности и цифровой культуры. Значимой разницы между ответами девушек и юношей выявлено не было.

На личностном уровне восприятие инноваций включает желание студентов использовать имеющиеся или доступные цифровые и иные ресурсы (личные, публичные) для достижения долгосроч-

ных жизненных целей, актуальных в данный период. Это цели, связанные с учебой и будущей работой: желание получить престижную профессию, которая может дать материальное благосостояние и обеспечить интересную жизнь. Для овладения такой профессией уже в учреждении высшего образования нужны первоклассные технологии (в учебном процессе, на практике), и они тоже высоко ценятся студентами (табл. 2).

Таблица 2

Доля ответов респондентов на вопрос: «Что обычно побуждает Вас осваивать технические новинки (новые программы, мобильные приложения, технические устройства)?» – в 2022 и 2023 гг., %

Table 2

Share of respondents' answers to the question: «What usually motivates you to master technical innovations (new programs, mobile applications, technical devices)?», in 2022 and 2023, %

Ответы	2022 г.	2023 г.
Интерес, желание развиваться, узнавать что-то новое, двигаться вперед	68,8	72,2
Считаю, что в будущем такие навыки будут полезны для работы	68,9	73,2
Желание лучше учиться, больше успевать по учебе, получать более высокие оценки	31,1	40,8

Как видно из табл. 2, студенты чаще осваивают современные технологии и другие новинки ради саморазвития с учетом осознания практической полезности ИКТ для будущей работы, чем ради учебы. Иные мотивы (не приведены в табл. 2) получили еще меньший процент выборов, чем учеба. Первые два мотива вполне позволяют студентам успешно готовиться к профессии при овладении инновациями. В ответах на вопрос не было выявлено значимой разницы между девушками и юношами. Вместе с тем респонденты технических специальностей чаще давали положительные ответы, чем студенты социально-гуманитарных специальностей. Можно сделать вывод о том, что цифровая трансформация затронула мотивацию в изучении ИКТ, поскольку сама среда обучения требует от молодежи новых цифровых знаний. Именно поэтому в опросе 2023 г. около 73 % молодежи указали на техно-позитивные мотивы освоения новых технологий, а также проявили прагматический интерес к ним, так как были уверены в том, что эти знания и компетенции пригодятся в будущей работе. Социальная среда современного общества активно стимулирует интерес молодежи к цифровизации как средству обеспечения престижного трудоустройства.

Высказанные студентами оценки электронных ресурсов, которые нужны им для обучения, наглядно подтверждают установленный ранее другими авторами «кризис текстовой культуры», т. е. нежелание читать текстовые источники, предпочтение «готовых к использованию» информационных ресурсов для всех учебных задач [7, с. 115]. Это негативное

следствие влияния ИКТ, которое стало повсеместным. Как показано в табл. 3, студенты вообще не хотят пользоваться текстами, полностью полагаясь на интернет, что обуславливает возможность получать недостоверную информацию, даже не зная этого.

Студенты высказывали позитивные суждения о значимости цифровых инноваций на уровне общества: их оценки цифровой трансформации (а значит, и цифровых инноваций) очень высокие. Если судить по другим исследованиям, то такие ответы типичны для молодежной когорты. Молодежь и особенно студенты очень высоко ценят цифровые инновации и возможности, которые они открывают в разных областях жизни (табл. 4).

В ответах есть некоторые различия, но тенденция однозначная: по данным за оба года, студенты очень высоко оценили цифровые инновации в обществе и те возможности, которые они предоставляют людям. Однако эти позитивные оценки не означают, что молодые люди не воспринимают никаких рисков и угроз, связанных с цифровизацией.

Студенты редко сталкиваются с такого рода непосредственными угрозами и рисками, обусловленными цифровизацией и цифровыми инновациями (например, роботы на производстве, болезни граждан из-за работы ветродвигателей, которые помогают получать электроэнергию из ветра, но негативно влияют на состояние человека, живущего близко от этих технических сооружений). Другие возможные риски, пока неизвестные студентам, связаны с угрозой потери места работы в связи с техниза-

цией и использованием искусственного интеллекта везде, где это возможно. Более явные риски, с которыми встречаются все, включая студентов, – это разрыв человеческих связей между людьми, а также потеря или резкое снижение межличностного общения. Неслучайно поколение называют виртуальным, поскольку оно мысленно уже с детских лет погружено в виртуальную реальность: по данным статистических и социологических исследований, на первом месте по частоте пользования интернет-информацией находятся школьники и студенты, т. е. молодежь 16–24 лет, на втором месте – группа в возрасте 6–15 лет [8, с. 65]. Из тех рисков, с которыми сталкивается каждый человек, обычно внимание уделяется экологическим (именно о них писали западные социологи, в частности У. Бек). Кроме

того, отмечается и возможное негативное влияние ИКТ на человеческую психику. Как видно из табл. 5, около трети студенчества серьезно воспринимают данные риски, хотя это не влияет на степень их личной погруженности в виртуальную реальность. Поскольку вариант «затрудняюсь ответить» в таблице не приведен, можно добавить, что также примерно треть респондентов не имеют собственного мнения о том, насколько опасны цифровые технологии для сознания человека и для его здоровья. А это означает, что студенты не воспринимают многих рисков и угроз цифровых инноваций, поскольку те ИКТ, которые связаны с данными угрозами (социальные сети, телеграм-каналы), транслируют информационные угрозы замаскированно, а также профессионально манипулируют сознанием молодежи.

Таблица 3

Доля ответов респондентов на вопрос: «Какие электронные образовательные ресурсы Вам необходимы?» – в 2022 и 2023 гг., %

Table 3

Share of respondents' answers to the question: «What electronic educational resources you need?», in 2022 and 2023, %

Ответы	2022 г.	2023 г.
Электронные учебники и учебные пособия, конспекты лекций	89,4	88,5
Материалы для подготовки курсовой работы (проекта)	74,0	77,0
Материалы для подготовки рефератов, эссе	70,8	74,4
Электронные сборники задач и упражнений	58,3	63,8
Материалы для подготовки дипломной работы (проекта)	56,1	62,0
Тексты первоисточников	46,5	51,0

Таблица 4

Доля ответов респондентов на вопрос: «Согласны ли Вы со следующими высказываниями?» – в 2022 и 2023 гг., %

Table 4

Share of respondents' answers to the question: «Do you agree with the following statements?», in 2022 and 2023, %

Ответы-высказывания	2022 г.		2023 г.	
	Да	Нет	Да	Нет
Цифровые технологии делают жизнь более легкой, упрощают процесс обучения и будущую работу, позволяют экономить время	91,0	1,4	87,3	6,5
Благодаря цифровым технологиям появилось больше возможностей для карьерного роста, образования и развития	90,1	1,9	86,0	5,6
Цифровые технологии делают жизнь более яркой и насыщенной, позволяют интересно проводить время	60,6	10,4	77,7	8,9
Цифровые технологии дают свободу, обеспечивают возможность творчества, самореализации и самовыражения	79,7	3,3	77,7	8,9

Доля ответов респондентов на вопрос:
«Согласны ли Вы со следующими высказываниями?» – в 2022 и 2023 гг., %

Table 5

Share of respondents' answers to the question:
«Do you agree with the following statements?», in 2022 and 2023, %

Ответы-высказывания	2022 г.		2023 г.	
	Да	Нет	Да	Нет
Цифровые технологии могут быть опасны для здоровья человека и окружающей среды	32,2	29,3	34,2	32,1
Цифровые технологии позволяют людям быть ближе друг к другу	39,3	24,4	43,4	27,0
Цифровые технологии отнимают много сил и времени	24,1	44,8	27,8	40,4
Цифровые технологии делают человека зависимым и управляемым	33,2	29,6	36,0	31,4

На основании приведенного сравнительного анализа данных за два года можно сказать, что тенденции восприятия студентами цифровых угроз и рисков сохранились и уровень их осознания молодыми людьми мало изменился. Вряд ли тот факт, что треть студентов адекватно воспринимают цифровые угрозы, может расцениваться позитивно или даже нейтрально. Для общества всегда желательно, чтобы граждане любого возраста, в том числе молодого, адекватно воспринимали социальную реальность и не отождествляли свои субъективные представле-

ния о ней (или ее важных сторонах) с тем, что существует на самом деле. Рефлексия, которая является характеристикой современного общества, проявляется у студенческой молодежи недостаточно. Существенно новых особенностей в процессе восприятия студентами цифровых инноваций выявлено не было. За год, прошедший с предыдущего опроса, ничего не изменилось, кроме снижения уровня цифровых компетенций, отмеченного в анализе и связанного с почти полным прекращением дистанционных занятий в учреждениях высшего образования.

Заключение

Сравнение данных опросов показало, что при массовом использовании в обучении дистанционных методов, как это было в период пандемии, студенты были вынуждены активно изучать новые технологии, искать иные знания, необходимые для успешной учебы, что позитивно повлияло на их цифровую грамотность и потенциально способствовало проявлению цифровой активности и инновационности в их деятельности.

В отсутствие такого сильного стимула, как ДО, студенты самостоятельно не спешат овладевать новыми ИКТ, потому что это не востребовано учебным процессом и не окажет влияния на учебу. В повседневной жизни студентам не нужно осваивать новые ИКТ, если они уже овладели ими на уровне, достаточном для операций со смартфоном. Цифровая культура снижается, субъективное восприятие ИКТ

не развивается (не меняется). Снижается мотив обращения к текстовой информации, потому что электронные источники находятся легче.

Позитивное восприятие возможностей цифровых инноваций на уровне общества снижается по мере их рутинизации. Острота оценок притупляется: молодые люди воспринимают ИКТ как должное и как постоянную составляющую виртуальной реальности.

Восприятие рисков претерпевает рутинизацию на уровне рисков для субъекта и для общества, поэтому молодежь недооценивает данные риски либо не замечает их. В связи с этим в воспитательной работе с обучающимися нельзя снижать интенсивность воздействия на их сознание (объяснение актуальности рисков и угроз, пропаганда учебных технологических инноваций).

Библиографические ссылки

1. Ковалёв ММ. Образование для цифровой экономики. *Цифровая трансформация*. 2018;1:37–42.
2. Шютц А. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*. Алхасов АЯ, составитель; Алхасов АЯ, Мазлумянова НЯ, переводчики. Москва: Фонд «Общественное мнение»; 2003. 336 с.
3. Гидденс Э. *Последствия современности*. Ольховиков ГК, Кибальчич ДА, переводчики. Москва: Практикс; 2011. 352 с.
4. Titarenko LG. Digital innovations through the prism of perception by Belarusian students. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;3:58–64. DOI: 0.33581/2521-6821-2022-3-58-64.

5. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты). Рахманов АБ, переводчик. *Личность. Культура. Общество*. 2002;4(3-4):314-315.
6. Beck U. *Risk society. Towards a new modernity*. London: Sage; 1992. 272 p.
7. Радаев ВВ. Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так? *Социологические исследования*. 2022;6:114-124. DOI: 10.31857/S013216250019853-1.
8. Титаренко ЛГ, Карапетян РВ. Цифровая трансформация трудовой сферы: сравнительный анализ показателей России и Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;1:52-69. DOI: 0.33581/2521-6821-2021-1-52-69.

References

1. Kovalev MM. Education for the digital economy. *Digital Transformation*. 2018;1:37-42. Russian.
2. Schutz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii* [The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology]. Alkhasov AYа, compiler; Alkhasov AYа, Mazlumyanova NYа, translators. Moscow: Fond «Obshchestvennoe mnenie»; 2003. 336 p. Russian.
3. Giddens A. *Posledstviya sovremennosti* [Consequences of modernity]. Ol'khovikov GK, Kibal'chich DA, translators. Moscow: Praxis; 2011. 352 p. Russian.
4. Titarenko LG. Digital innovations through the prism of perception by Belarusian students. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;3:58-64. DOI: 0.33581/2521-6821-2022-3-58-64.
5. Habermas J. [Theory of communicative action]. Rakhmanov AB, translator. *Person. Culture. Society*. 2002;4(3-4):314-315. Russian.
6. Beck U. *Risk society. Towards a new modernity*. London: Sage; 1992. 272 p.
7. Radaev VV. Crisis in the modern teaching: what went wrong? *Sociological Research*. 2022;6:114-124. Russian. DOI: 10.31857/S013216250019853-1.
8. Titarenko LG, Karapetyan RV. Digital transformation of the labour sphere: a comparative analysis of the indicators of Russia and Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;1:52-69. Russian. DOI: 0.33581/2521-6821-2021-1-52-69.

Статья поступила в редколлегию 27.03.2023.
Received by editorial board 27.03.2023.

УДК 101.1:316.347:316.647.8

СТАТУС И СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

О. В. КУРБАЧЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Осуществляется социально-философское осмысление сущности и роли этнической мифологии на современном этапе социокультурного развития. Актуальность работы обуславливается, с одной стороны, возрастанием этнокультурной напряженности и участившейся мифологизацией истории, с другой стороны, дефицитом комплексных и системных исследований проблем этнического мифотворчества в условиях современных коллизий. Предлагается предметный философский анализ сущности этнических мифов, раскрывающий их типологическое разнообразие и динамичный характер, а также специфические отличия современного и классического этнических мифов. Делается акцент на том, что современная этническая мифология представляет собой специфический тип сконструированного социального знания, проходящего определенные этапы своего формирования. В результате сегодня этнический миф понимается как символический нарратив, аккумулирующий и интериоризирующий социокультурный опыт этнической общности в конкретных исторических условиях. Подчеркивается значение этнической мифологии в изучении этнической идентичности. В мифах отражены ключевые особенности этнического самосознания, его основные символы и образы, в которых проявляется специфика идентификации своей общности и отношения к другим общностям. Отмечается практическая значимость исследования этнической мифологии: во-первых, гиперболизированная мифологизация истории и культуры нередко служит индикатором потенциальной этнокультурной напряженности в обществе, а во-вторых, этнический миф может использоваться при конструировании национальной идеи или формировании имиджа страны, что определяет не только актуальность, но и сложность рассматриваемой темы.

Ключевые слова: этнический миф; этнос; стереотип; конструктивизм; историческая память; социальное знание; этническая идентичность; этнический конфликт.

STATUS AND SPECIFICITY OF ETHNIC MYTHOLOGY AT THE PRESENT STAGE OF SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

O. V. KURBACHEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the social and philosophical understanding of the essence and role of ethnic mythology at the present stage of socio-cultural development. The relevance of the work is dictated, on the one hand, by the escalating of ethno-cultural tension and the increasing mythologisation of history, on the other hand, by the shortage of comprehensive

Образец цитирования:

Курбачёва ОВ. Статус и специфика этнической мифологии на современном этапе социокультурного развития: социально-философский анализ. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;2:60–66.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-60-66>

For citation:

Kurbacheva OV. Status and specificity of ethnic mythology at the present stage of socio-cultural development: social and philosophical analysis. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;2:60–66. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-60-66>

Автор:

Ольга Владиславовна Курбачёва – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Olga V. Kurbacheva, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kurbach.ova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7874-0434>

and systematic studies of the problems of ethnic myth-making in the context of modern conflicts. The article proposes a substantive philosophical analysis of the essence of ethnic myths, revealing their typological diversity and dynamic character, as well as the specific differences between modern and classical ethnic myths. The author emphasises that modern ethnic mythology is a specific type of constructed social knowledge that goes through certain stages of its formation. As a result, today ethnic myth is understood as a symbolic narrative that accumulates and interiorises the socio-cultural experience of an ethnic community in specific historical conditions. The article highlights the importance of ethnic mythology in the study of ethnic identity. The myths reflect the key features of ethnic self-consciousness, its main symbols and images, in which are manifested the specifics of awareness of one's community and attitude towards others communities. The author draws attention to the practical significance of the study of ethnic mythology: firstly, the exaggerated mythologisation of history and culture often serves as an indicator of potential ethno-cultural tension in society, and secondly, ethnic myth can be used in the construction of a national idea or the formation of a country's image, which determines not only relevance, but also the complexity of the topic under study.

Keywords: ethnic myth; ethnos; stereotype; constructivism; historical memory; social knowledge; ethnic identity; ethnic conflict.

Этнические мифы, являющиеся универсальным феноменом человеческой культуры, включают в себя традиционные формы миропредставления, автохтонные образы и концептуальные установки любой этнической общности. Однако если на заре формирования этносов роль этих мифов неоспорима, то на современном этапе социокультурного развития возникает закономерный вопрос: «Востребована ли сегодня этническая мифология или она представляет собой своеобразный культурный рудимент?» Для того чтобы ответить на данный вопрос, необходимо прежде всего разобраться в специфике самой этнической мифологии, а затем выявить возможные сферы влияния и формы проявления мифологического знания на современном этапе социокультурного развития.

Говоря об этнической мифологии, мы, безусловно, выходим за пределы архаической мифологии и акцентируем внимание на современном этническом мифе. Сегодня этническая мифология, как и прежде, характеризуется предельным символизмом, образностью, наличием бинарной оппозиции своего и чужого, инкорпорированностью в общественное сознание. Однако современный миф не обладает сакральным магическим значением и не является исключительным основанием для этнокультурной идентичности любой социальной общности. В отличие от классического мифа, формирующегося на фоне информационного дефицита, современный миф существует в условиях избыточности и необъятности информационного пространства. По этой причине сегодня миф представляет собой скорее символический нарратив, в котором аккумулируется культурно-исторический опыт этнической общности, а также ее базисные психологические, этические и лингвистические структуры.

Как и любое социальное знание, этническая мифология всегда релевантна определенной социально-культурной общности и ее среде, поэтому миф по своей природе репрезентативен, ведь в нем отражены основные символические представления и обра-

зы, значимые для конкретной этнической группы. Важно учитывать, что этногенез – это всегда незавершенный процесс: даже в условиях ассимиляции этнической группы, когда этнос стал полноправным субъектом межэтнического взаимодействия и обрисовать его предыдущие четкие границы не представляется возможным, все равно правомерно говорить о генезисе этнической общности, которая просто меняет форму самопрезентации [1, с. 15]. Именно эти динамичность и открытость этнической общности и ее культуры позволяют рассматривать этническую мифологию не только как каноничную и традиционную систему знаков и символов, но и как гибкую, опосредованную систему. Этническое знание и мифология способны трансформироваться вслед за самой этнической группой, подстраиваясь под временные и социокультурные запросы. Однако трансформация затрагивает лишь оболочку мифа (т. е. может варьироваться интерпретация символов), тогда как ядро мифа остается неизменным. Этим ядром являются исходные образы, события, действия, которые впоследствии инкорпорируются в определенное социально-информационное поле и обретают символическое значение для этнической общности. Как писал философ культуры и этнограф М. Элиаде, «...мифологическое мышление может оставить позади свои прежние формы, может адаптироваться к новым культурным модам. Но оно не может исчезнуть окончательно» [2, с. 28].

Этнические мифы чаще всего носят этиологический, культовый, тотемический или календарный характер, в них раскрываются и объясняются фундаментальные представления о происхождении этнической группы и первых людей общности, о связи с тотемным животным или календарными циклами, о картине мира и встрече с другими общностями. Несмотря на типологическое разнообразие, мифы в целом, по мнению американского антрополога Дж. Кэмпбелла, имеют универсальный мотив и общий путь главных героев, что выражается в концепции мономифа. В соответствии с этой концепцией

любая созданная мифологическая история укладывается в единую структуру повествования и отличается лишь культурным или бытовым контекстом [3, с. 61]. Что касается непосредственно этнической мифологии, то ей также свойственны схожесть и универсальность, несмотря на то что сами этносы могут никак не пересекаться друг с другом. Эта общность, как будет показано далее, основывается на этноцентристских установках в мифотворчестве.

Среди существующих типологий исторических и этнических мифов можно выделить следующие наиболее часто повторяющиеся типы:

- мифы о происхождении, повествующие не только о началах мира, но и о формировании этноса или государства, обретении своего дома, Родины;
- мифы с проекцией на будущее, описывающие потенциальную роль и вероятное значение этноса и народа;
- фундаментальные мифы, раскрывающие укorenившиеся представления о действительности.

Например, в белорусской мифологии один из мифов о происхождении народа и обретении им своего дома повествует о прародителе Бае и его младшем сыне Белаполе, которого обделили землей. Но благодаря смекалке Белаполь все же обрел свою территорию, а его потомки стали называться белорусами (стоит отметить, что образ младшего в семье народов и такие черты, как смекалистость, выживаемость, несмотря на обделенную долю, исторически закрепились за белорусским этносом)¹.

Акцентирование на вышеперечисленных типах мифов обусловлено тем, что именно эти пласты этнической истории (давнее прошлое и возможное будущее) в силу своей отдаленности от настоящего и невозможности однозначной верификации наиболее подвержены мифологизации. Историческое неизвестное представляет собой определенную лауну для возможной мифологизации образов и мифотворчества в целом. История в мифах становится гибкой, а знание превращается в интерпретацию. Так, этническая мифология задолго до эпохи постмодернизма развивает концепт полисемантической и вариативности. Однако важно избегать однозначной оценочной позиции самого факта конструирования социального знания. Как отмечали П. Бергер и Т. Лукман в своей теории феноменологического конструктивизма, социальная реальность перманентно «конструируется и реконструируется» воспринимаемыми субъектами [4, с. 9]. Это означает, что важны не столько механизмы исторического конструирования (в большинстве своем они повторяющиеся), сколько субъекты истории, которые интерпретируют события исходя из собственных социально-политических, идеологических, истори-

ко-культурных установок и тем самым легитимизируют мифологизацию.

Важно акцентировать особенность этнического мифа: это символическое социальное знание, которое в определенный исторический момент было создано. Миф может как искусственно моделироваться, так и возникать самостоятельно в соответствии с историко-культурными событиями. Как и любое социальное знание, миф формируется в конкретной социальной среде и репрезентативен ее контексту, поэтому должен интериоризироваться в общественное сознание. Цели у мифологизации знания и истории могут быть разные (объяснение социального порядка, интеграция людей, передача накопленного опыта, легитимизация или героизация событий или исторических личностей и т. д.), однако есть общие этапы формирования этого социального знания [4, с. 52].

Этап 1: хабитуализация (опривычивание). Повторяющееся действие или явление фиксируется в индивидуальном и общественном сознании, становится привычным, принимается на эмоционально-чувственном уровне.

Этап 2: типизация (рационализация). Опривыченное знание структурируется и типологизируется в соответствии с существующим бытовым, этнокультурным или социальным опытом. Как характеризуют этот этап П. Бергер и Т. Лукман, происходит столкновение «лицом к лицу» нового знания с уже существующим, в результате чего в дальнейшем можно сопоставить или связать различные факты и события друг с другом [4, с. 52].

Этап 3: институционализация. Зафиксированное и типологизированное знание подвергается санкционированию, чтобы оно стало частью повседневного опыта и последующие события рассматривались уже сквозь призму нового знания. Одним из распространенных способов институционализации мифа выступает ритуал или созданная традиция.

Этап 4: легитимизация. Знание становится незыблемым и каноничным.

Так, этнический миф проходит путь от часто повторяющейся информации до канонического и сакрального знания, легитимизированного в обществе. Однако когда историко-культурный контекст и мировосприятие этнической группы кардинально меняются, то вслед за этим, как было отмечено выше, могут произойти трансформация этнического знания, его ремифологизация. В данном случае правомерно говорить о еще одном этапе – смене традиций и мифологического знания.

Символическая интеграция реальных исторических событий в мифологическую систему знаков позволяет увидеть общие установки, конституируе-

¹Белорусская мифология и фольклор [Электронный ресурс]. URL: <https://folklorebelarus.wordpress.com> (дата обращения: 01.11.2022).

мые в этническом сознании. Так, например, в мифах можно обнаружить специфику дихотомии мы – они или выявить особенности самокатегоризации этнической общности, в которых отражена форма (литотизированная, адекватная или гиперболизированная) этой самоидентификации. Миф всегда тесно переплетен с психологией или метафизикой этнической общности. Он может выступать не только объектом исследования, но и инструментом для (ре)конструирования востребованного социального знания. В этнической истории есть множество примеров, иллюстрирующих использование мифологем для этно- и нациогенеза. В частности, очень показателен этнический миф о зарождении армянского этноса: один из древнейших этносов в мире возник в результате ожесточенной борьбы прародителя армян Айка с преследовавшим его вавилонским царем Бэлом, после триумфа в которой и была основана страна Айка². Как видно, армянский этногенез выстраивается на мифологеме битвы и последующей победы над внешним врагом. В дальнейшем отсылка к мифологическому образу врага и борьбы с ним станет одной из конституирующих мифологем армянской культуры, особенно в периоды обострения этнополитического кризиса.

В мифах могут быть отражены травматические события, образы исторических героев и любые другие значимые этнокультурные коды. Исходя из этого, нельзя говорить об этнической мифологии как о музейной реликвии, ведь в ней на символическом уровне представлено этническое сознание. Как утверждал А. Ф. Лосев, миф есть «яркая действительность, формирующая бесспорную для представителей этноса явь» [5, с. 57]. Это означает, что этнические мифы являются частью этнокультурной идентичности, так как параметры самоидентификации во многом мифологизированы (символически и конструируемы). В мифах считаются особенностями проявления этнического самосознания, основные символы и образы, в которых отражается специфика идентификации своей общности и отношения к другим общностям. Дихотомия мы – они является частью мифологической картины мира. Например, аффектация в мифах на гиперэтничность, самоутверждение либо исключительность собственного этноса говорит о гиперпозитивной этнической самоидентификации и потенциально настороженном или даже негативном отношении к другим общностям. Это может быть выражено в явной либо скрытой форме этнофанатизма или этнодискриминации, укорененных представлениях о внутригрупповом этническом фаворитизме или иноэтническом изоляционизме [6, с. 110]. Как

известно, фанатичная приверженность своей этнокультурной парадигме, культивируемый традиционализм, навязчивая мифологизация исторического прошлого ведут по меньшей мере к интолерантному отношению к иным этнокультурным общностям и их традициям. Безусловно, это отразится на общих представлениях, стереотипах, которые будут формироваться в сознании этнической группы о других группах. Вместе с тем литотизированная форма идентичности может проявляться в повышенной тревожности или маргинализации собственных образов этнической культуры в мифах и также негативно отражаться на дихотомии мы – они. Этническое самосознание в литотизированной форме, основанное на умышленном либо неосознанном преуменьшении собственной значимости (чувстве стыда или униженности), базируется на негативном эмоционально-оценочном отношении и к другим субъектам этнокультурного взаимодействия. Это может привести к потенциальной напряженности в межэтническом взаимодействии, обусловленной, например, стремлением компенсировать исторические обиды за счет меньшего по численности этноса или восстановить «историческую несправедливость». Однако стоит отметить, что, несмотря на характер самоидентификации этнической общности, этнические мифы всегда будут ориентированы на собственные сущностные основания и установки. Этноцентризм в этнической мифологии выступает исходной формулой конструирования мифологического знания, которое может быть выражено в разной форме с различными акцентами (повествующими, объясняющими или даже оправдывающими историями), но всегда сконцентрировано на собственном этносе как ключевом субъекте миропорядка. Это позволяет утверждать, что мифы могут не просто говорить об историческом прошлом этнических групп, а являться своеобразным ретранслятором исходных установок этнической общности, которые важно исследовать для конструирования взаимоуважительного долгосрочного сотрудничества.

Указанная особенность очень хорошо считывается с этнических стереотипов, которые только закрепляют в общественном сознании опривыченное мифологическое знание. Упрощенные, стандартизированные и эмоционально окрашенные представления в виде стереотипов, так же как и мифы, могут быть аутентичными либо искусственно смоделированными, отражать этнокультурные установки и выступать проводником к пониманию этнической или национальной идентичности. В них закрепляются обобщенный образ и схематичный портрет этнической общности. Однако если мифы могут быть

²Лурье С. В. Ереванская цивилизация. Культурный код и политический миф современной Армении [Электронный ресурс]. URL: <http://svlourie.ru/Erevan-civilization-cultural-code-politic-myth-of-modern-Armenia> (дата обращения: 21.10.2022).

подвижны в силу своей исторической контекстуальности, востребованности той или иной информации и наличия таких этапов закрепления, как институционализация и легитимизация, то этнические стереотипы ригидны к новой информации и возможным изменениям. Во многом это связано с тем, что формирование стереотипов останавливается на этапе хабиутализации. Соответственно, они не подвергаются никакой рационализации и закрепляются на бессознательном уровне восприятия, поэтому для выявления и преодоления стереотипов требуются целенаправленные, длительные и неоднократные когнитивные усилия. Но природа стереотипов предполагает обратное: необходимо разгрузить мышление, действовать по привычке и шаблону [7, с. 57].

Понимание особенностей этнической стереотипизации и мифологизации крайне актуально в кризисные периоды социодинамики и трансформации миропорядка. Это связано с тем, что любой конфликт в целом и этнокультурный конфликт в частности имеют несколько этапов развития: латентный (предконфликтный) этап, этап осознанного соперничества, этап конфликтных действий (эскалация), включающий кризисную стадию, и этап разрешения конфликта [8, с. 256]. Чем раньше будут выявлены возникающее конфликтное противостояние и потенциальная напряженность, тем больше шансов на разрешение и контролирование возможного конфликта. Именно стереотипы, а также искаженные исторические мифы могут стать маркером предконфликтной ситуации: на первичном (латентном) этапе, который также называется стадией конфликта стереотипов, можно обнаружить тенденцию к дискредитации и обесцениванию образа других культур, этносов, наций. На данном этапе еще нет явного осознанного негативного отношения к иным субъектам, однако усиливаются их стереотипизация и мифологизация, сведение к чужому и потенциально опасному образу, который впоследствии может быть интерпретирован как образ врага. Рост напряженности на этом этапе прямо пропорционален усилению деиндивидуализации и стереотипизации другой этнокультурной общности и мифологизации собственной общности (например, утрированное либо гипертрофированное обращение к историческому прошлому, героям, народному духу или переписывание истории в целом). Обнаружить потенциальную эскалацию на латентном этапе непросто, однако умение видеть и считывать возможную угрозу даже на уровне интенсификации мифологизации и стереотипного восприятия – очень важный навык, так как разрешить возрастающее противостояние с каждым этапом будет все сложнее. На следующих стадиях символические границы конфликта расширяются, а стереотипы о потенциально

опасном *Другом* трансформируются в реальный образ врага, поэтому возможность управлять возрастающим противостоянием минимизируется.

Важно отметить, что в настоящее время наблюдаются определенный этнический ренессанс и всплеск интереса к оккультизму и крайне мифологизированным ценностям на индивидуально-личностном уровне. Мистификация и мифологизация истории, выявление скрытых глубинных смыслов и неизбежной связи с предками или природой сегодня во многом объясняются поиском глобальных ответов в период колоссальной неопределенности. Мифологическое знание сакрализовано и легитимизировано, поэтому не требует строгости, логической непротиворечивости и практической верификации, оно предлагает определенный набор знаний и ответов, которые могут уменьшить либо полностью преодолеть психологический дискомфорт от неизвестности и чувства собственной незначимости или оторванности от неких глобальных связей. Это своего рода форма неоязычества, в которой синтезировались традиционные мифологические представления. Однако необходимо учитывать, что обращение к этнической мифологии в целом характерно для критических событий в истории, причем не только для индивидуально-личностного, но и для группового запроса. Именно в период нестабильности, кризисного этапа социодинамики требуется поддержка для любой социальной общности. Для этноса такой поддерживающей силой становится апелляция к его историческому прошлому, где находятся реперные точки становления и развития этноса. Особенно это заметно в так называемый короткий XX в., начинающийся с краха империй и завершающийся распадом СССР, когда географические и политические границы были максимально подвижными и множество народов обретали свою независимость. В этот период прослеживается особая инструментальная роль этнической мифологии для современных этнических или национальных общностей: этническое мифотворчество может быть использовано при урегулировании территориальных претензий, обосновании политической автономии или формировании национальных идей и иллюстрации национального характера. Эта особенность этнической мифологии находит широкое применение в этнополитическом пространстве (обращение к героическому прошлому в целях обоснования определенных событий или решений в настоящем либо мобилизации масс и поднятия народного духа).

Сегодня этнический миф имеет еще одно важное прикладное значение: он может использоваться при конструировании национальной идеи или формировании имиджа страны. Миф может стать вдохновляющим нарративом, интегрирующим социальную группу или мобилизуя ее на опреде-

ленные действия. Будучи исторически подкрепленным и концептуально обоснованным, этнический миф способен инкорпорировать в общественное сознание желаемый образ (гостеприимства, толерантности или, наоборот, силы и воинственности). Однако при социальном конструировании желаемой мифологемы важно учитывать, что история этноса и народа считается избирательно и субъективно. На различных этапах этнополитического и этнокультурного развития одни и те же исторические герои или события могут оцениваться по-разному. Эта особенность субъективного и конъюнктурного видения исторического прошлого легла в основу знаменитой работы французского историка М. Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» [9], в которой раскрывается специфика интерпретации и использования одного и того же исторического наследия в зависимости от времени, места и особенностей локального историко-культурного контекста. Вариативность оценки событий и героев, ставших частью мифологического сознания народа, также иллюстрирует история колонизации земель и народов: колонизатор, «открывающий» другую землю, может почитаться как герой в истории собственной культуры и предельно критично оцениваться с позиции покоренных народов (например, образ Ермака, покорителя Сибири, или

образ Васко да Гамы, первооткрывателя морского пути из Европы в Индию).

Таким образом, сегодня этнические мифы сохраняют свою актуальность и репрезентативность. В них фиксируются и ретранслируются ключевые архетипы ментальности этнической общности, и поэтому миф является неотъемлемой частью этнокультурной идентичности. Помимо классических (социально-интегративной и нормативно-регулятивной) функций мифов, в настоящее время особую роль играет знакомоделирующая функция, связанная с построением знаковой системы действительности. Будучи сконструированным социальным знанием, мифы могут быть значимы для нациогенеза, брендинга или мифологизации истории, а также для построения оптимального межэтнического взаимодействия. Понимание особенностей мифологизации этнического знания важно не только для интерпретации прошлого или объяснения настоящего, миф может быть проективным, позволяя конструировать этническое знание, представления и отношения для будущего. В связи с этим миф является не только формой репрезентации прошлого, но и формой конструирования реальности, что, в свою очередь, задает высочайшую планку ответственности для субъектов мифотворчества и творцов истории.

Библиографические ссылки

1. Налчаджян АА. *Этногенез и ассимиляция (психологические аспекты)*. Москва: Когито-Центр; 2004. 216 с.
2. Элиаде М. *Аспекты мифа*. Большаков ВП, переводчик. Москва: Инвест-ППП; 1996. 240 с. (Первые публикации в России).
3. Кэмпбелл Дж. *Тысячеликий герой*. Санкт-Петербург: Питер; 2021. 352 с. (Мастера психологии).
4. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания*. Руткевич ЕД, переводчик. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
5. Лосев АФ. *Диалектика мифа*. Москва: Мысль; 2001. 561 с.
6. Хотинец ВЮ. *Этническое самосознание*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2000. 235 с. (Библиотека социальной психологии).
7. Курбачёва ОВ. Историко-философское осмысление сущности и роли этнических стереотипов в современном мире. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2022;4:53–62. DOI: 10.33581/2520-6338-2022-4-53-62.
8. Стефаненко ТГ. *Этнопсихология*. Москва: Институт психологии РАН; 1999. 320 с. Совместно с издательством «Академический проект».
9. Ферро М. *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. Москва: Высшая школа; 1992. 351 с.

References

1. Nalchadzhyan AA. *Etnogenez i assimilyatsiya (psikhologicheskie aspekty)* [Ethnogenesis and assimilation (psychological aspects)]. Moscow: Kogito-Tsentr; 2004. 216 p. Russian.
2. Eliade M. *Aspects du mythe*. Paris: Gallimard; 1963. 247 p. Russian edition: Eliade M. *Aspekty mifa*. Bol'shakov VP, translator. Moscow: Invest-PPP; 1996. 240 p. (Pervye publikatsii v Rossii).
3. Campbell J. *The hero with a thousand faces*. 3rd edition. Novato: New World Library; 2008. XIII, 417 p. (Bollingen series; volume 17). Russian edition: Campbell J. *Tysyachelikii geroi*. Saint Petersburg: Piter; 2021. 352 p. (Mastera psikhologii).
4. Berger PL, Luckmann T. *The social construction of reality: a treatise on sociology of knowledge*. Garden City: Doubleday; 1966. VII, 203 p. Russian edition: Berger P, Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya*. Rutkevich ED, translator. Moscow: Medium; 1995. 323 p.
5. Losev AF. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Moscow: Mysl'; 2001. 561 p. Russian.

6. Khotinets VYu. *Etnicheskoe samosoznanie* [Ethnic identity]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2000. 235 p. (Biblioteka sotsial'noi psikhologii). Russian.

7. Kurbacheva OV. Historical and philosophical understanding of the essence and role of ethnic stereotypes in the modern world. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2022;4:53–62. Russian. DOI: 10.33581/2520-6338-2022-4-53-62.

8. Stefanenko TG. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 1999. 320 p. Co-published by the «Akademicheskii proekt». Russian.

9. Ferro M. *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* [How the story is told to children around the world]. Moscow: Vysshaya shkola; 1992. 351 p.

Статья поступила в редколлегию 07.04.2023.
Received by editorial board 07.04.2023.

УДК 304.2+316.4+316.7

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ В. С. СТЕПИНА

И. Н. КОЛЯДКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены особенности социодинамики техногенной цивилизации в контексте радикальных социокультурных трансформаций, происходящих на современном этапе истории человечества. В качестве философско-методологического основания такого рода анализа использована обоснованная академиком В. С. Стёпиным концепция, согласно которой трансформация оснований социальных систем и ее ключевых сфер (политико-институциональной, социально-экономической, духовной и др.) обусловлена прежде всего реинтерпретацией базисных смыслов мировоззренческих универсалий культуры, функционирующих в общественном сознании в качестве схематизмов, которые определяют восприятие мира, понимание и переживание его человеком. Выявлено, что современные цивилизационные изменения определены множеством факторов (экономических, политических, технологических и др.), но центральное место среди них занимают факторы культуры. Развитие наук об обществе и культуре второй половины XX – начала XXI в. достаточно четко зафиксировало программирующие функции культуры в человеческой деятельности. Отмечено, что нет такой области деятельности, поведения и общения людей и таких социальных состояний, структур и институтов, которые бы возникали, воспроизводились и изменялись вне влияния культуры и вне изменения ее оснований, эксплицированных в мировоззренческих универсалиях.

Ключевые слова: культура; мировоззренческие универсалии; социокультурные трансформации; техногенная цивилизация.

Благодарность. Исследование проводилось при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках выполнения научного проекта «Философско-методологическое наследие В. С. Стёпина в контексте исследований социокультурных рисков техногенной цивилизации» (№ Г21РМ-108).

SOCIO-CULTURAL DYNAMICS OF TECHNOGENIC CIVILISATION: CONCEPTUAL MODEL BY V. S. STEPIN

I. N. KOLYADKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses the features of the sociodynamics of technogenic civilisation in the context of radical socio-cultural transformations taking place at the present stage of human history. At the same time, the justified by academician V. S. Stepin's concept, according to which the transformation of the foundations of social systems and its key areas (political-institutional, socio-economic, spiritual, etc.) is due, first of all, to the reinterpretation of the basic meanings of the worldview universals of culture, functioning in the public consciousness as schematisms that determine perception of the world, its understanding and experience by a person. At the same time, it is noted that modern civilisational changes are determined by many factors (economic, political, technological, etc.), but cultural factors occupy a central place among them. The development of the sciences of society and culture in the second half of the 20th – early 21st century quite clearly fixed

Образец цитирования:

Колядко И.Н. Социокультурная динамика техногенной цивилизации: концептуальная модель В. С. Стёпина. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;2:67–73.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-67-73>

For citation:

Kolyadko I.N. Socio-cultural dynamics of technogenic civilisation: conceptual model by V. S. Stepin. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023; 2:67–73. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-67-73>

Автор:

Илья Николаевич Колядко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Ilya N. Kolyadko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
kaliadka@bsu.by



the programming functions of culture in human activity. It is noted that there is no such area of activity, behaviour and communication of people, there are no such social states, structures, institutions that would arise, reproduce and change outside the influence of culture and outside the change in its foundations, explicated in worldview universals.

Keywords: culture; worldview universals; socio-cultural transformation; technogenic civilisation.

Acknowledgements. The study was conducted with the financial support of the Belarusian Republic Foundation for Fundamental Research in the framework of the scientific project «The philosophical and methodological heritage of V. S. Stepin in the context of research on the socio-cultural risks of technogenic civilisation» (No. Г21PM-108).

Введение

В современных социально-гуманитарных и философских исследованиях обосновывается тезис о том, что объективные процессы развития социальной системы в большей степени приобретают непредсказуемый, стохастический характер. По оценке П. Штомпки, автора теории социального развития, в которой внимание акцентируется на деятельностных факторах социальной динамики [1, р. 34], уже сегодня нормой является развитие социума под определяющим воздействием кризисных явлений [2, с. 6–9]. Социальная реальность в целом и актуальные социальные практики, нормы поведения, общения и деятельности в частности конституируются системой культурных универсалий, выражающих наиболее общие представления о социальных отношениях, духовной жизни и ценностях, а также о мире и месте человека в нем. Для определенного типа социальной организации эти представления выступают в роли фундаментальных оснований общественной жизни и выражаются в форме мировоззренческих универсалий. Трансформация оснований социальных систем и ее ключевых сфер (политико-институциональной, социально-экономической, духовной и др.) вызвана прежде всего реинтерпре-

тацией базисных смыслов мировоззренческих универсалий, которые функционируют в общественном сознании в качестве схематизмов, определяющих восприятие мира, его понимание и переживание человеком.

Кризис трансформирующегося социума обусловлен процессами делегитимации устоявшейся системы ценностных ориентаций в условиях, когда новая ценностно-нормативная система еще не оформилась. При этом кризис способствует выявлению таких мировоззренческих универсалий, которые перестали отвечать актуальным социальным запросам и потребностям и, соответственно, оказались недееспособными и неэффективными для функционирования и развития социальной системы. Поэтому социальная трансформация, связанная в первую очередь с реинтерпретацией ценностно-нормативных параметров системы, будет иметь позитивный исход при условии осуществления комплексных мер рефлексивного управления, направленных на преодоление острых социальных разногласий, налаживание социальной коммуникации и достижение консенсуса различных социальных сил по поводу перспектив дальнейшего развития общества.

Материалы и методы исследования

Ключевая идея настоящей статьи состоит в том, что преобразование базисных смыслов универсалий культуры и, соответственно, изменение типа культуры всегда связаны с переломными этапами человеческой истории, ибо происходит трансформация не только образов человеческого мира, но и типов личности, которые он продуцирует, их ценностных ориентаций и того, как эти индивиды относятся к действительности. Любые крупные перемены в человеческой жизнедеятельности предполагают изменение культуры. Динамика культуры связана с появлением одних и отмиранием других надбиологических (символических) программ человеческой жизнедеятельности. В. С. Стёпин акцентировал внимание на том, что преодоление глобальных кризисов, порожденных техногенной цивилизацией, предполагает изменение целей деятельности индивида и его этических регулятивов. Выявление и обоснование таких конструктивных ценностей и регуля-

тивов составляют социально и научно значимую проблему современных социально-философских исследований, решение которой позволит наметить новые мировоззренческие ориентиры конструктивных стратегий развития техногенной цивилизации.

Актуальность настоящего исследования состоит в актуализации философско-методологического подхода В. С. Стёпина для решения таких проблем социально-гуманитарного познания, как формирование и сохранение культурной памяти в техногенной цивилизации (экология культуры), соотношение «человекоразмерных систем» с экзистенциальными актами наррации (экспликация культуры), преодоление социокультурных кризисов в современных нестабильных сообществах (динамика культуры), релятивизация когнитивных и культурных оснований постнеклассической рациональности (трансферы культуры). Философско-методологический подход имеет особое значение в научном исследовании

проблемы социокультурных трансформаций и сущности происходящих цивилизационных перемен. В. С. Стёпин акцентирует внимание на роли ценностей и архетипов сознания, изменение которых во многом определяет тот или иной тип цивилизационного развития человечества. Эти ценности проявляются во всех сферах культуры (наука, философия, религия, мораль, искусство, политическое и правовое сознание и др.). Несмотря на то что данные сферы относительно автономны, они когерентны между собой. Поэтому преобразование базисных ценностей

в одной сфере неизбежно отразится в других. Поиск новых стратегий цивилизационного развития предполагает выяснение того, как происходит изменение базисных ценностей культуры и как влияет на этот процесс взаимодействие различных культур в современную эпоху постглобализации. В настоящей статье концептуализирован процесс социодинамики техногенной цивилизации, выявлены его механизмы, а также роль мировоззренческих универсалий культуры в процессах социокультурных трансформаций.

Результаты и их обсуждение

Одним из ключевых терминов в концепции социодинамики техногенной цивилизации В. С. Стёпина наряду с понятием «цивилизация» является слово «культура», которое определяется ученым как «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [3, с. 33]. Эти программы носят социальный характер и как бы надстраиваются над биологическими программами (генетический код), регулируемыми взаимодействием организма с внешней средой. Надбиологические программы деятельности, поведения и общения функционируют в обществе как культурные традиции, которые призваны сохранять и передавать значимый социокультурный опыт. Также они являются важнейшей составной частью любой конкретной культурной традиции и включают в себя фундаментальные жизненные смыслы, базисные ценности, которые, в свою очередь, выступают системным параметром, объединяющим все многообразие культурных феноменов в органическую целостность.

С точки зрения содержания культурная традиция представляет собой совокупность преемственно транслируемых ценностей, норм и регулятивов мышления, поведения и деятельности в их смысловом единстве. Формальная сторона культурной традиции определяется тем, что посредством традиции осуществляется трансляция значимого социокультурного опыта. В совокупности своих формальных и содержательных характеристик традиция выступает в качестве «особого типа отношений между последовательными стадиями развивающейся социальной системы, при которых на новом уровне бытия этой системы стереотипно и инвариантно воспроизводятся структурные и функциональные характеристики ее предшествующего уровня» [4, с. 145].

Культурная традиция является источником ценностно-нормативных регулятивов, конституирующих приемлемые стратегии развития социальной системы в условиях нестабильности и усиливающих

ся вызовов внешней среды. «Свой конструктивный потенциал культурная традиция реализует в двух взаимодополняющих друг друга функциях: нормативно-стабилизирующей, обеспечивающей поддержание преемственности социокультурного развития и интеграцию инновационных компонентов творческой деятельности, а также инновационно-эвристической, благодаря которой происходит обогащение социокультурного опыта и становится возможным устойчивое развитие социальной системы. Бифункциональная природа культурной традиции проявляется в том, что она непосредственно выступает основанием сохранения и актуализации ценностно-нормативного, смыслового единства культуры в исторически изменчивых условиях, а также источником стабильности и порядка» [4, с. 143–145].

Для анализа ключевых параметров культуры В. С. Стёпин ввел понятие «мировоззренческие универсалии культуры», которые выступают в качестве «категорий, аккумулирующих исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта» [3, с. 52]. Следует отметить, что содержание мировоззренческих универсалий культуры достаточно сложно структурировано. В нем можно выделить три уровня смыслов. Первый уровень включает в себя всеобщее (то, что отличает человека от животного мира), что выступает своеобразным инвариантом различных культур и образует глубинные структуры любого человеческого сознания. Во второй уровень входит репрезентация специфики культуры исторически определенного типа общества, выражающая особенности способов общения и деятельности людей, хранения и передачи социального опыта, а также принятой шкалы ценностей. На третьем уровне находится конкретизация особенного в универсалиях культуры, которое проявляется в многообразии групповых и индивидуальных мировосприятий и миропереживаний [3, с. 54]. Таким образом, транслируя накопленный социально значимый опыт и передавая его из поколения

в поколение, универсалии культуры обеспечивают воспроизводство определенного образа социальной жизни и соответствующих типов личности. Можно сказать, что смыслы универсалий культуры выступают в качестве глубинных программ, предопределяющих сцепление, воспроизводство и вариации всего многообразия конкретных форм и видов поведения и деятельности, характерных для определенного типа социальной организации.

Из этого следует, что динамика конкретной исторически развивающейся культуры обусловлена динамикой мировоззренческих универсалий, смыслы и значения которых подвергаются реинтерпретации. Особенно интенсивно переосмысление устоявшихся, традиционных смыслов универсалий культуры осуществляется в периоды социокультурных трансформаций, когда прежняя исторически сложившаяся и закреплённая культурной традицией «категориальная модель мира» [3, с. 190] становится нежизнеспособной. Как отмечал В. С. Стёпин, одновременно обозначая одно из условий конструктивности переустройства общества, в периоды его фазовых переходов «в самых различных сферах культуры происходит интенсивная переоценка ценностей, смыслов мировоззренческих универсалий, ранее казавшихся очевидными и само собой разумеющимися, которые уже исчерпали свои возможности в качестве глубинных программ человеческой жизнедеятельности» [5, с. 76]. Так, при акцентировании конструктивных аспектов кризисных этапов социодинамики речь идет прежде всего о том, что преобразованию подвергаются те базисные смыслы универсалий культуры, которые перестали отвечать актуальным социальным запросам и потребностям, а также «обеспечивать воспроизводство, генерацию и сцепление необходимых обществу видов деятельности, поведения и общения» [5, с. 75].

Кризис во взаимосвязи деструктивных и конструктивных его компонентов существует как конститутивный фактор переосмысления ценностно-нормативных оснований культуры и ее важнейших мировоззренческих универсалий. Выступая в качестве источника нового фазового перехода в развитии и инициируя процессы структурных трансформаций, ориентированных на повышение степени сложности исторически развивающейся социальной системы, а также на ее качественное структурное преобразование, кризис реализует присущую ему конструктивную функцию. В результате этого актуальная саморегуляция (гомеостаз) сменяется новым типом устойчивости и стабильности. В категориальных структурах синергетики процесс фазового перехода включает в себя три стадии. Первая стадия характеризуется возникновением (под влиянием рефлексии конкретных мировоззренческих универсалий культуры и критики сложившихся параметров социального порядка) «динамического хаоса», ког-

да существенно видоизменяются программы саморегуляции системы. Так формируется состояние неустойчивости, а в спонтанно образующихся точках бифуркации появляются возможные сценарии дальнейшего развития системы. На второй стадии фазового перехода под воздействием множества случайных факторов осуществляется борьба за признание одного сценария развития социальной системы в качестве доминантного. На данной стадии динамики системы происходит борьба различных по своей сути надбиологических программ деятельности, поведения и общения, т. е. борьба систем ценностей. Третья стадия переходного периода, когда реализация доминирующего сценария развития в «режиме с обострением» становится необратимой, характеризуется «выходом на аттрактор», т. е. целенаправленным движением к новому уровню структурной организации системы и, соответственно, параметрам порядка [6].

В результате фазового перехода, вызванного потребностью в преодолении деструктивных аспектов кризисных явлений, социальная система в процессах трансформации прежде всего ключевых нарративов аксиосферы культуры формирует новое интегративное качество. Так, социодинамика современной техногенной цивилизации предопределяется изменениями в сфере культуры и ее глубинных основаниях – мировоззренческих универсалиях. Как отмечал в этой связи В. С. Стёпин, фиксируя взаимосвязь социокультурных трансформаций с реинтерпретацией смыслов универсалий конкретной культурной традиции, «...за всеми случайностями, которые неизбежно сопровождают изменения культуры, стоят реальные запросы общества – потребности в трансформациях сложившихся стереотипов и способов человеческой деятельности. Такие потребности возникают как естественный результат социального развития, поскольку в процессе эволюции общества сложившиеся образцы деятельности каждый раз распространяются на новые ситуации, реализуются в новых условиях, что рано или поздно приводит к трансформации исходных образцов» [3, с. 45–46].

Роль мировоззренческих универсалий, которые эксплицированы в системе ценностно-нормативных оснований общества, существенно возрастает в период кризиса. По мнению И. В. Прангишвили, «согласно представлению современной науки кризис системы часто представляется важной предпосылкой перехода к очередному этапу развития системы» [7, с. 276]. Иницилируя структурные трансформации, кризис может способствовать образованию новых связей и отношений между подсистемами, компонентами и элементами, формируя таким образом качественно более сложную и дифференцированную системную целостность [8]. Выявляя существенную роль ценностно-нормативной сферы в функционировании социальных систем, И. В. Бла-

уберг и Э. Г. Юдин отмечали, что «наличие ценностных регулятивов составляет одну из принципиальных особенностей социальных систем, отличающих их от всех других типов систем» [9, с. 244]. На уровне социально признанной, легитимной системы норм и идеалов, разделяемой большинством субъектов, ценности и нормы образуют относительно стабильную, инвариантную структуру, которая «обеспечивает устойчивость системы (путем регулирования социальных отношений) и в значительной мере определяет пути ее развития» [9, с. 244]. Вместе с тем следует отметить, что ценностный инвариант воспроизводится в практике социальных отношений через определенную совокупность индивидуальных, личностно спроецированных систем ценностей. Это вносит определенное напряжение в динамику развития социальной системы и в силу ее рефлексивности выступает одним из факторов снижения устойчивости [10, с. 240–242]. В то же время именно динамика ценностно-нормативных оснований, которая часто приводит к конфликтам и столкновениям разнородных аксиологических ориентаций, претендующих на роль ценностного инварианта социальной системы, является источником новационного развития системы путем трансформации ключевых параметров ее интегративного качества.

Выбор ценностных приоритетов социальной системы, на которые она опирается в процессах своего функционирования и развития, оказывается возможным благодаря присущей ей способности к рефлексии. Факторы, инициирующие кризисы, не сводятся целиком к возможностям их возникновения в будущем, поскольку характер общественных отношений постоянно изменяется. Средствами регулирования кризисных явлений в условиях возрастания энтропии являются рефлексивное осмысление и реинтерпретация ценностного регулятива. Они способны инициировать реализацию конструктивного потенциала кризиса и сохранить целостность системы. Рефлексия выступает в качестве одного из значимых аспектов как социальных систем, отличающих их от других типов системных целостностей, так и человеческого бытия, раскрывающего специфику духовного мира человека. Репрезентация конструктивной функции кризиса осуществляется посредством рефлексивного проектирования возможных сценариев социальных изменений, ориентированных на стабилизацию и поддержание предельных значений параметров интегративного качества системы. С помощью рефлексии в социальных системах выстраиваются стратегии жизнедеятельности и программы их освоения и интеграции в традицию нового социокультурного опыта, что позволяет регулировать динамику социальных изменений. Ю. Л. Баньковская писала: «Посредством рефлексии выявляются и описываются уже суще-

ствующие способы функционирования социальной системы или формируются новые возможности ее преобразования, раскрываются новые типы взаимодействия социальных структур, позволяющие модифицировать систему. <...> Посредством нее возможно практическое преобразование наличной ситуации, принятие определенного решения по урегулированию конфликта. Рефлексия как момент мышления внутренне связана со способностью человека к разрешению противоречий» [11, с. 56].

В «редуктивных социальных ситуациях» [12, с. 115] осуществляется перманентный процесс трансформации всей системы универсалий культуры и становления новых мировоззренческих ориентиров, которые знаменуют переход к другому типу цивилизационного развития [3, с. 62]. Как отмечал в этой связи В. С. Стёпин, «преобразование базисных смыслов универсалий культуры и соответственно изменение типа культуры всегда связаны с переломными этапами человеческой истории, ибо означают трансформацию не только образа человеческого мира, но и продуцируемых им типов личности, их отношения к действительности, их ценностных ориентаций» [3, с. 64]. При этом изменение смыслов мировоззренческих универсалий происходит в ситуации, когда они не позволяют ассимилировать новый социальный опыт, включать его в существующую культурную традицию и передавать от поколения к поколению. Поэтому в таких ситуациях преобразование системы универсалий культуры является необходимым признаком и условием развития социокультурной динамики и перехода к новому типу цивилизационного развития. Неслучайно, что такой этап характеризуется ростом кризисных тенденций, которые проникают во все сферы социума (политико-институциональную, социально-экономическую социокультурную), затрагивая его основания. Таким образом, ключевое значение в различии типов цивилизационного развития отводится системе ценностно-нормативных регулятивов, которая выступает квинтэссенцией социальной системы как целостности.

В своей концепции цивилизационного развития В. С. Стёпин выделял как минимум два типа цивилизаций: традиционный и техногенный. Различия между ними носят радикальный характер. Так, можно выделить следующие существенные отличия техногенной цивилизации от традиционной: понимание человека как активного существа, которое находится в деятельностном отношении к миру; понимание природы как упорядоченного, закономерно устроенного поля, в котором разумное существо, познавшее законы природы, способно осуществить свою власть над внешними процессами и объектами, а также поставить их под свой контроль; смещение акцентов в понимании предметов господства силы

и власти (от человека к произведенной им вещи); наличие идеала творческой, суверенной, автономной личности; существование научной деятельности и ценности научной рациональности и их влияние на другие сферы культуры [3, с. 73–79]. Данные черты техногенной цивилизации выступают своего рода «культурно-генетическим кодом, в соответствии с которым эти общества воспроизводятся и развиваются» [3, с. 79]. В период кризиса эти существенные универсалии культуры техногенного общества подвергаются реинтерпретации, что инициирует процессы политико-институциональных, социально-экономических, социокультурных трансформаций.

С изменением функциональной роли данных установок и ценностей, которые приобрели статус социальных регулятивов, усиливаются деструктивные тенденции, заявляют о себе ранее не востребованные идеологические и социально-утопические движения, а также нарушается воспроизводство устоявшегося социального порядка. Под воздействием таких феноменов, как консьюмеризм, перепотребление, инструментальность действий, разрывающих социоприродные связи, технизация культуры как процесса ее превращения в товар, дисбаланс биосферы и техносферы, выражающегося в опережающем развитии последней, базисные основания культуры техногенной цивилизации претерпевают существенные изменения. Это порождает феномен современного цивилизационного кризиса. Преодоление его деструктивных последствий связывается с решением вопроса о формировании социокультурных перспектив зарождающихся постиндустриальных ориентаций развития, определении статуса

феномена постмодернизма, а также о разработке альтернативных модерну цивилизационных проектов.

Процесс преодоления деструктивных последствий современного цивилизационного кризиса В. С. Стёпин связывал с необходимостью изменения целей человеческой деятельности и ее этических регулятивов [3, с. 84], что требует выработки новых ценностей и преобразования смыслов мировоззренческих универсалий техногенной цивилизации. В начале XXI в. динамика глобализационных процессов стала развиваться в направлении к углублению социальных противоречий и способствовать эскалации конфликта культурных традиций, ценностей, картин мира и универсалий культуры. Становление информационного общества оказывает существенное влияние на социальную структуру в целом и базисные основания культуры в частности. Культурная традиция, выступающая фундаментом устойчивого развития общества, перманентно трансформируется, изменяются параметры социального бытия человека. Кризис базисных оснований техногенной цивилизации хотя и связан с переинтерпретацией смыслов ее ключевых мировоззренческих универсалий, однако он выступает одной из основных «предпосылок формирования точек роста новых ценностей как условия преодоления глобальных кризисов» [5, с. 265]. Кризис может стать продуктивным и созидательным, инициируя возникновение «точек роста новых ценностей», представляющих собой «такие состояния культуры, где зарождаются новые мировоззренческие смыслы, которые могут быть восприняты различными культурами, в том числе и сохранившимися стереотипы традиционалистских ментальностей» [5, с. 265].

Заключение

Процесс преодоления кризиса техногенной цивилизации В. С. Стёпин связывал прежде всего с рефлексией оснований культуры, ее мировоззренческих универсалий, а также с выработкой новых смыслов человеческой деятельности, поведения и общения. В этом отношении он обращал внимание на роль философии и социально-гуманитарного знания в критическом осмыслении процессов социокультурных трансформаций современной техногенной цивилизации, отмечая, что значение философии в культуре, когда возникает кризис ее оснований, возрастает пропорционально степени утраты человеком своей родовой идентичности, поскольку последняя в условиях безальтернативной цифровой трансформации большинства сфер социума приобретает в большей степени формальный характер. Философия, претендуя на выработку и обоснование рациональных моделей понимания действительности, исходит из трактовки человека как «мыслящего животного»,

способного эту действительность преобразовывать в ходе своей целенаправленной деятельности. Деятельность в этом смысле может пониматься как приложение теоретических, т. е. выработанных с помощью мышления, воззрений к окружающей среде. Поэтому в философии являются важными экспликация и критический анализ моделей понимания мира, которые в итоге проецируются на внешнюю среду и на которые человек ориентируется в своей повседневной жизни. В этом отношении первостепенной выступает задача поиска и обоснования таких категориальных структур, которые могли бы стать мировоззренческим основанием культуры, формируя целостный образ человеческого бытия и образы, исходящие из признания метафизической природы человека и понимания его как существа, способного к «вопрошанию о бытии». Вопрос об отношении человека к бытию и составляет одну из важных проблем современной культуры.

Библиографические ссылки

1. Sztompka P. *Society in action: the theory of social becoming*. Chicago: University of Chicago Press; 1991. 211 p.
2. Штомпка П. Социальное изменение как травма. Мосеева АЮ, Романовский НВ, переводчики. *Социологические исследования*. 2001;1:6–16.
3. Стёпин ВС. *Философская антропология и философия культуры*. Москва: Альма-матер; 2015. 542 с.
4. Зеленков АИ, Водопьянов ПА. *Динамика биосферы и социокультурные традиции*. Минск: Университетское; 1987. 239 с.
5. Стёпин ВС. *Цивилизация и культура*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2011. 407 с.
6. Стёпин ВС. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;3:6–11.
7. Прангишвили ИВ. *Системный подход и общесистемные закономерности*. Москва: Синтег; 2000. 528 с.
8. Багрова ЕВ. *Закономерности возникновения и развития структурных кризисов*. *Социодинамика* [Интернет]. 2016 [процитировано 17 марта 2023 г.];12. Доступно по: https://e-notabene.ru/fr/article_20304.html. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.12.2030.
9. Блауберг ИВ, Юдин ЭГ. *Становление и сущность системного подхода*. Москва: Наука; 1973. 271 с.
10. Гидденс Э. *Устройство общества: очерк теории структуризации*. Тюрина И, переводчик. Москва: Академический проект; 2005. 528 с.
11. Баньковская ЮЛ. Рефлексивное урегулирование конфликтов как способ стабилизации социальной системы. *Высшая школа*. 2016;3:55–57.
12. Мамардашвили М. *Вильнюсские лекции по социальной философии (опыт физической метафизики)*. Санкт-Петербург: Азбука; 2012. 320 с.

References

1. Sztompka P. *Society in action: the theory of social becoming*. Chicago: University of Chicago Press; 1991. 211 p.
2. Sztompka P. [Social change as a trauma]. Moseeva AYu, Romanovskii NV, translators. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2001;1:6–16. Russian.
3. Stepin VS. *Filosofskaya antropologiya i filosofiya kul'tury* [Philosophical anthropology and philosophy of culture]. Moscow: Al'ma-mater; 2015. 542 p. Russian.
4. Zelenkov AI, Vodopyanov PA. *Dynamics of the biosphere and socio-cultural traditions* [Dynamics of the biosphere and socio-cultural traditions]. Minsk: Universitetskoe; 1987. 239 p. Russian.
5. Stepin VS. *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilisation and culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2011. 407 p. Russian.
6. Stepin VS. Civilization in the epoch of changes: search for new development strategies. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;3:6–11. Russian.
7. Prangishvili IV. *Sistemnyi podkhod i obshchesistemnye zakonomernosti* [System approach and general system laws]. Moscow: Sinteg; 2000. 528 p. Russian.
8. Bagrova EV. Patterns of occurrence and development of structural crises. *Sotsiodinamika* [Internet]. 2016 [cited 2023 March 17];12. Available from: https://e-notabene.ru/fr/article_20304.html. Russian. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.12.2030.
9. Blauberger IV, Yudin EG. *Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda* [Formation and essence of the system approach]. Moscow: Nauka; 1973. 271 p. Russian.
10. Giddens E. *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii* [The structure of society: an essay on the theory of structuration]. Tyurina I, translator. Moscow: Akademicheskii proekt; 2005. 528 p. Russian.
11. Ban'kovskaya YuL. [Reflexive conflict resolution as a way to stabilise the social system]. *Vyshnejshaja shkola*. 2016;3: 55–57. Russian.
12. Mamardashvili M. *Vil'nyusskie leksii po sotsial'noi filosofii (opyt fizicheskoi metafiziki)* [Vilnius lectures on social philosophy: (experience of physical metaphysics)]. Saint Petersburg: Azbuka; 2012. 320 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 08.05.2023.
Received by editorial board 08.05.2023.

УДК 159.923:316.346.2

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ВО ВЗАИМОСВЯЗЯХ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ «БОЛЬШОЙ ПЯТЕРКИ» И «ТЕМНОЙ ТРИАДЫ» У КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

СИНЬЧУНЬ НЕ¹⁾, И. А. ФУРМАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены гендерные различия во взаимосвязях личностных черт «Большой пятерки» и «Темной триады» у китайских студентов. Выявлено, что китайские женщины, в сравнении с мужчинами, имеют статистически более высокие показатели доброжелательности и открытости опыту, а китайские мужчины – более высокие показатели психопатии. По показателям экстраверсии, добросовестности, негативной эмоциональности, нарциссизма и макиавеллизма существенных различий не обнаружено. С помощью корреляционного анализа установлены как различия, так и сходства во взаимосвязях черт «Большой пятерки» и «Темной триады». Отмечено, что независимо от гендера китайских студентов доброжелательность отрицательно коррелирует с макиавеллизмом и психопатией, а добросовестность – с психопатией.

Ключевые слова: экстраверсия; доброжелательность; добросовестность; нейротизм; открытость опыту; макиавеллизм; психопатия; нарциссизм.

Образец цитирования:

Синьчунь Не, Фурманов ИА. Гендерные различия во взаимосвязях личностных черт «Большой пятерки» и «Темной триады» у китайских студентов. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;2:74–83.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-74-83>

For citation:

Xinchun Nie, Fourmanov IA. Gender differences in the interrelationships of Chinese student's personality traits of the «Big five» and the «Dark triad». *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;2:74–83. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-74-83>

Авторы:

Синьчунь Не – аспирантка кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – И. А. Фурманов.
Игорь Александрович Фурманов – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Xinchun Nie, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
307059497@qq.com
Igor A. Fourmanov, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
fourmigor@gmail.com

GENDER DIFFERENCES IN THE INTERRELATIONSHIPS OF CHINESE STUDENT'S PERSONALITY TRAITS OF THE «BIG FIVE» AND THE «DARK TRIAD»

XINCHUN NIE^a, I. A. FOURMANOV^a

^aBelarusian State University, 4, Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: I. A. Fourmanov (fourmigor@gmail.com)

Gender differences in the interrelationships of the personality traits of the «Big five» and the «Dark triad» among Chinese students are considered. As a result, a comparative analysis showed that Chinese women compared with men had statistically higher rates of agreeableness and open-Mindedness, and Chinese men compared with women had statistically higher rates of psychopathy. There were no significant differences in the indicators of extroversion, conscientiousness, negative emotionality, narcissism and Machiavellianism. Correlation analysis allowed us to establish both differences and similarities in the interrelationships of the features of the «Big five» and the «Dark triad». It is established that regardless of the gender of Chinese students, agreeableness with Machiavellianism and psychopathy, and conscientiousness with psychopathy are negative emotionality.

Keywords: extroversion; agreeableness; conscientiousness; neuroticism; open-mindedness; Machiavellianism; psychopathy; narcissism.

Введение

В последнее время все больший интерес вызывает соотношение так называемых темных (социально аверсивных) и светлых (социально приемлемых) черт личности. Изначально предполагалось, что они являются прямо противоположными. Однако проведенные исследования показали, что данные конструкты имели лишь умеренные отрицательные корреляционные связи. Это говорит о том, что они не просто противоположны [1].

«Большая пятерка» представляет собой психологическую модель, описывающую структуру личности индивида посредством пяти общих, относительно независимых черт: экстраверсии (общительность (энергичность) по сравнению с одиночеством (сдержанность)), доброжелательности (дружелюбие (сострадательность) против критичности (рациональность)), добросовестности (эффективность (организованность) по сравнению с экстравагантностью (небрежность)), нейротизма (чувствительность (нервность) против жизнерадостности (уверенность в себе)) и открытости опыту (изобретательность (любопытство) против последовательности (осторожность)) [2]. Их можно отнести к светлым чертам личности.

В качестве контраста рассматриваются три фенотипические, неклинические черты, которые в совокупности образуют «Темную триаду»: макиавеллизм (цинизм, неискренность, склонность к обману и манипулированию для получения собственной выгоды и грубость), психопатия (высокая импульсивность, низкий уровень чувства вины, эмпатии и тревоги, склонность к поиску острых ощущений) и нарциссизм (чрезмерная самовлюбленность, грандиозность, правомочность, доминантность, стремление к превосходству, поиск внимания и эксплуататорская ориентация в отношениях с другими) [3].

При изучении гендерных различий в 55 странах с использованием опросника «Большая пятерка»

было выявлено, что женщины, как правило, имеют более высокие показатели нейротизма, экстраверсии, доброжелательности и добросовестности, чем мужчины. Особо заметной и инвариантной была разница в показателях нейротизма [4].

Немногочисленные кросс-культурные исследования позволили определить некоторые закономерности гендерных различий в личностных чертах «Большой пятерки». Так, П. Т. Коста и его коллеги [2] установили, что женщины отличаются от мужчин более высокими показателями нейротизма и доброжелательности, а также большей теплотой (аспект экстраверсии) и открытостью чувствам. В свою очередь, мужчины более напористы (аспект экстраверсии) и открыты для новых идей. По результатам, полученным на китайской выборке, мужчины являются более экстравертными, открытыми и эмоционально стабильными по сравнению с женщинами [5]. В работе Гу Шоуцюаня и его коллег [6] отмечается, что показатели доброжелательности и экстраверсии значительно выше у женщин, чем у мужчин. Однако существенных различий по показателям добросовестности, нейротизма и открытости опыту у обоих полов выявлено не было.

Между тем возможные кросс-культурные различия часто объясняются принадлежностью к определенному типу культуры. В работе [2] отмечается, что поступки женщин в индивидуалистических, эгалитарных странах с большей вероятностью обусловлены особенностями их личности, а не приписываемыми им гендерными ролями, что характерно для коллективистских, традиционных стран. Кроме того, эти различия могут зависеть и от экономического статуса места проживания: мужчины в высокоразвитых регионах мира были менее невротичными, более экстравертными, добросовестными и доброжелательными по сравнению с мужчинами из слабо-

развитых регионов мира. Женщины же, как правило, не различались по личностным чертам в разных местностях [4].

Данные по гендерным различиям в показателях черт «Темной триады» крайне противоречивы. В одних исследованиях утверждается, что мужчины по всем трем показателям превосходят женщин лишь с некоторыми кросс-культурными различиями [7–11]. В других работах, в том числе в китайских, отмечается, что у мужчин, в отличие от женщин, более высокие показатели макиавеллизма и психопатии [12–14]. Однако существуют исследования, в которых показатели макиавеллизма [15] и психопатии [7; 16] выше у женщин.

С эволюционной точки зрения гендерные различия в разных странах, возможно, обусловлены стабильностью местной окружающей среды и доступностью ресурсов жизнедеятельности [17; 18]. Согласно теории жизненной истории, хотя женщины обычно предпочитают стратегии неспешной истории жизни, когда различного рода риски в окружающей среде возрастают, они могут использовать стратегии стремительной истории жизни, чтобы увеличить свой репродуктивный успех [19]. Таким образом, в обществах, сталкивающихся с более серьезными проблемами (сильное неравенство в материальном положении), женщины с большей вероятностью проявляют черты «Темной триады», чтобы получить доступ к дополнительным экономическим ресурсам для себя и своего потомства. Это может способствовать сокращению разрыва в оценках темных черт и у мужчин, и у женщин, которые живут в более сложных социальных условиях.

Последнее кросс-культурное исследование на рассматриваемую тему [10] подтвердило эту гипотезу: значимые половые различия были обнаружены в более развитых странах (т. е. странах с лучшими показателями человеческого развития, экономического и гендерного равенства и др.), а меньшие половые различия – в менее развитых странах. Однако эта закономерность касается только показателей нарциссизма и психопатии, а не макиавеллизма.

Данные корреляционных исследований взаимосвязей между личностными чертами «Большой пя-

терки» и «Темной триады» оказались противоречивыми. Например, Д. Л. Паулхус и К. М. Уильямс [3] обнаружили, что такие черты, как экстраверсия и открытость опыту, положительно коррелируют с показателями нарциссизма и психопатии. Было выявлено, что доброжелательность отрицательно взаимосвязана со всеми тремя темными чертами, добросовестность – с макиавеллизмом и психопатией, а нейротизм – с психопатией.

В статье К. Ли и М. С. Эштон [7] показано, что только экстраверсия имеет положительную связь с нарциссизмом, доброжелательность отрицательно коррелирует с макиавеллизмом и психопатией, а добросовестность – с макиавеллизмом. Ф. А. Вернон и его коллеги [19] обнаружили значимые положительные связи экстраверсии и нарциссизма, а также нейротизма и макиавеллизма. Кроме того, были выявлены отрицательные взаимосвязи доброжелательности со всеми тремя темными чертами, а добросовестности – с макиавеллизмом и психопатией.

В работе [20] указано, что экстраверсия положительно коррелирует с нарциссизмом, открытость опыту – со всеми тремя темными чертами, добросовестность – с психопатией, а доброжелательность отрицательно взаимосвязана со всеми тремя темными чертами.

Результаты исследований, проведенных Гэн Яого и соавторами на китайской выборке [13], демонстрируют положительную корреляцию нейротизма со всеми тремя темными чертами. Кроме того, добросовестность, доброжелательность и открытость опыту имеют отрицательную взаимосвязь с макиавеллизмом и психопатией, а также положительную – с нарциссизмом. Экстраверсия отрицательно связана с макиавеллизмом и положительно – с нарциссизмом. Трудов, которые посвящены выявлению гендерных различий во взаимосвязях черт рассматриваемых моделей, в литературе не обнаружено.

Таким образом, крайняя ограниченность исследований половых различий как в характеристиках, так и в показателях степени взаимосвязи личностных черт «Большой пятерки» и «Темной триады» у китайских студентов стала основанием для проведения данного исследования.

Материалы и методы исследования

Результаты проведенной работы были получены с помощью опросника «Большая пятерка» (китайская версия методики *The next Big five inventory* в адаптации Бо Чанга и его соавторов [21]), в который входят 5 шкал и 15 субшкал:

1) шкала экстраверсии (субшкалы коммуникативности, ассертивности и энергичности);

2) шкала доброжелательности (субшкалы сочувствия, уважения и доверия);

3) шкала добросовестности (субшкалы организованности, продуктивности и ответственности);

4) шкала негативной эмоциональности (субшкалы тревожности, депрессивности и эмоциональной лабильности);

5) шкала открытости опыту (субшкалы любознательности, эстетической чувствительности и творческого воображения).

Применялся опросник «Темная триада» (китайская версия в адаптации Гэн Яого и др. [13]), оценивающий макиавеллизм, психопатию и нарциссизм.

Выборку составили 200 китайских студентов (110 мужчин и 90 женщин) в возрасте 16–35 лет.

Для получения статистических данных рассчитывались среднее отклонение (М) и стандартное отклонение (SD), выборки сопоставлялись с помощью

критерия Фишера (F -тест) и размера эффекта Коэна (d Коэна) для сравнения средних значений. В исследовании использовался корреляционный анализ.

Результаты и их обсуждение

Сравнительный анализ черт «Большой пятерки» показал, что китайские женщины имеют статистически более высокие показатели доброжелательности ($p \leq 0,001$, $d = 0,76$) и открытости опыту ($p \leq 0,05$, $d = 0,30$), чем мужчины. По показателям экстраверсии, добросовестности и негативной эмоциональности значимых различий не выявлено (см. таблицу).

Таким образом, китайские женщины более добрые, мягкосердечные и отзывчивые. Они избегают разногласий, хорошо понимают других, чувствуют личную ответственность за собственное благополучие и общее дело, терпимо относятся к сво-

им недостаткам, умеют сопереживать и радоваться успехам других, любят поддерживать коллективные мероприятия и стараются выполнять взятые на себя обязательства. Кроме того, эти женщины интенсивно переживают позитивные и негативные эмоции, отличаются большей восприимчивостью новизны, оригинальностью, любопытностью, имеют широкий спектр интересов, у них присутствуют активное воображение, эстетическая чувствительность, они внимательны к чувствам других, обладают гибкостью ума и независимостью в суждениях и оценках.

Гендерные различия по шкалам опросников «Большая пятерка» и «Темная триада»

Gender differences according to the scales of the questionnaires «Big five» and «Dark triad»

№ п/п	Шкала	Показатели						
		М	SD	М	SD	F	p (1-2)	d
		Женщины (1)		Мужчины (2)				
<i>Опросник «Большая пятерка»</i>								
1	Экстраверсия	2,97	0,61	2,99	0,45	0,114	0,736	0,04
2	Доброжелательность	3,60	0,54	3,21	0,49	27,125	$\leq 0,001$	0,76
3	Добросовестность	3,33	0,54	3,27	0,56	0,560	0,455	0,11
4	Негативная эмоциональность	2,96	0,62	2,98	0,46	0,073	0,788	0,04
5	Открытость опыту	3,35	0,58	3,18	0,56	4,528	$\leq 0,050$	0,30
<i>Опросник «Темная триада»</i>								
1	Макиавеллизм	3,24	1,46	3,46	1,54	1,043	0,31	0,15
2	Психопатия	2,77	1,49	3,29	1,60	5,389	$\leq 0,05$	0,32
3	Нарциссизм	4,73	1,48	4,90	1,38	0,616	0,43	0,11

В связи с этим можно предположить, что китайские женщины в большей степени являются последователями конфуцианской идеологии, в рамках которой особое внимание уделяется подчеркиванию коллективного благополучия и проявлению сочувственной заботы о других. Высшая китайская добродетель подразумевает способность человека взаимодействовать с другими людьми самым искренним, вежливым и порядочным образом [22].

Кроме того, многие важные гендерные различия также могут быть связаны с разными интерпретациями Я. В частности, феминистская теория эмпатии предполагает, что отношения в жизни женщин имеют большое значение. Понимание других людей и проявление чувствительности к ним описываются как одни из наиболее значимых черт женской психологии. Если это является правдой, то самоуважение и признание собственной ценности должны зависеть не только от того, насколько хорошо выполнена работа, но и от того, занимается ли женщина укреплением и поддержанием отношений. Считается, что готовность и способность заботиться являются

стандартами самооценки для многих женщин, особенно в восточных культурах.

Полученные данные отчасти согласуются с рядом исследований, в которых женщины также имели более высокие показатели доброжелательности и открытости опыту, чем мужчины [2; 4; 6; 21; 23].

Сравнительный анализ черт «Темной триады» показал, что китайские мужчины, в сравнении с женщинами, имеют статистически более высокие показатели психопатии ($p \leq 0,05$, $d = 0,32$). По показателям нарциссизма и макиавеллизма существенных различий не выявлено.

Таким образом, китайские мужчины более эмоционально холодные, импульсивные, непостоянные, черствые. Они склонны к значительному риску и манипуляциям, а также к эксплуатации других. Кроме того, мужчины действуют более агрессивно или жестоко по отношению к другим людям, стремятся к острым ощущениям, обладают эгоизмом и низкой эмпатией в сочетании с межличностной смелостью и асоциальностью, у них отсутствуют признаки раскаяния и сожаления.

Полученные данные согласуются с рядом исследований, в которых у мужчин показатели психопатии выше, чем у женщин [7–14; 24].

С точки зрения эволюционной психологии мужчины склонны извлекать больше выгоды при социальной эксплуатации других и, следовательно, именно поэтому имеют более высокие, по сравнению с женщинами, показатели личностных черт, отражающих социальную эксплуатацию (например, показатель психопатии) [25]. Это может также указывать на то, что древняя китайская иерархия верховенства и идея уважения к мужчинам до сих пор влияет на гендерные различия, опосредованные разными моделями социализации. Кроме того, высокие требования к мужскому социальному статусу вынуждают китайских мужчин быть более психопатичными.

В результате проведенного корреляционного анализа обнаружены гендерные различия во взаимосвязях личностных черт «Большой пятерки» и «Темной триады».

Было установлено, что показатель доброжелательности у китайских мужчин достоверно отрицательно коррелирует с показателями макиавеллизма ($r = -0,492, p \leq 0,001$), психопатии ($r = -0,445, p \leq 0,001$) и нарциссизма ($r = -0,256, p \leq 0,01$), а показатели добросовестности и открытости опыту – с показателем психопатии ($r = -0,198, p \leq 0,05$ и $r = -0,219, p \leq 0,05$ соответственно). Нейротизм и экстраверсия не связаны ни с одной личностной чертой «Темной триады» (рис. 1).

У китайских женщин показатели доброжелательности и добросовестности достоверно отрицательно коррелируют с показателями макиавеллизма ($r = -0,433, p \leq 0,001$ и $r = -0,263, p \leq 0,01$ соответственно) и психопатии ($r = -0,555, p \leq 0,001$ и $r = -0,408, p \leq 0,001$ соответственно), а показатель открытости опыту – с показателем психопатии ($r = -0,273, p \leq 0,01$). Негативная эмоциональность и экстраверсия не связаны ни с одной личностной чертой «Темной триады» (рис. 2).

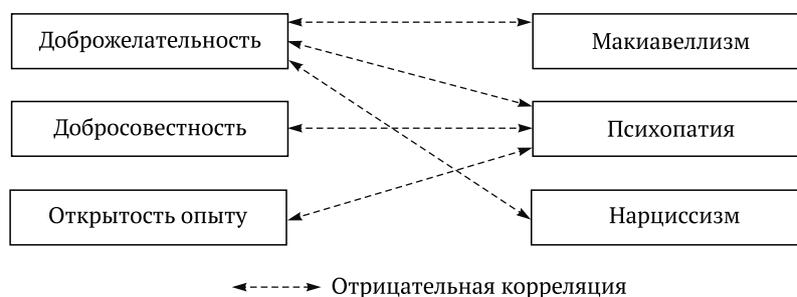


Рис. 1. Взаимосвязь личностных черт «Большой пятерки» и «Темной триады» у китайских мужчин
 Fig. 1. The relationship between the Chinese men's personality traits of the «Big five» and the «Dark triad»

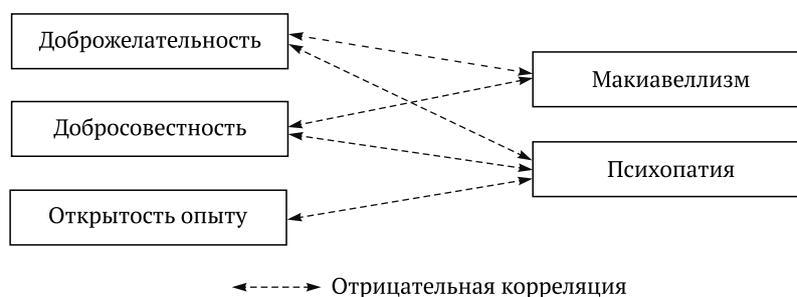


Рис. 2. Взаимосвязь личностных черт «Большой пятерки» и «Темной триады» у китайских женщин
 Fig. 2. The relationship between the Chinese women's personality traits of the «Big five» and the «Dark triad»

Таким образом, независимо от гендера китайских студентов доброжелательность имеет отрицательную взаимосвязь с макиавеллизмом и психопатией, а добросовестность – с психопатией. Полученные данные вполне укладываются в феноменологическую логику. Действительно, дружелюбные, эмпатичные, сострадательные и склонные к сотрудничеству обучающиеся вряд ли будут отличаться

цинизмом, неискренностью, склонностью к обману и манипулированию для получения собственной выгоды, грубостью, холодностью, черствостью, склонностью к риску и наоборот.

На феноменологическом уровне были определены сходства и различия во взаимосвязях частных характеристик факторов «Большой пятерки» и черт «Темной триады» (рис. 3 и 4).

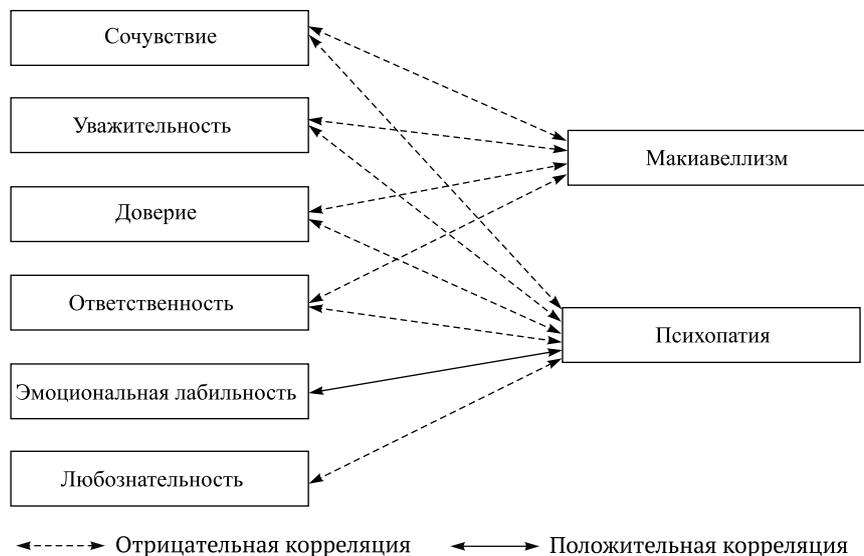


Рис. 3. Взаимосвязь характеристик личностных черт «Большой пятерки» и «Темной триады» у китайских мужчин
Fig. 3. The relationship between the Chinese men's characteristics of the personality traits of the «Big five» and the «Dark triad»

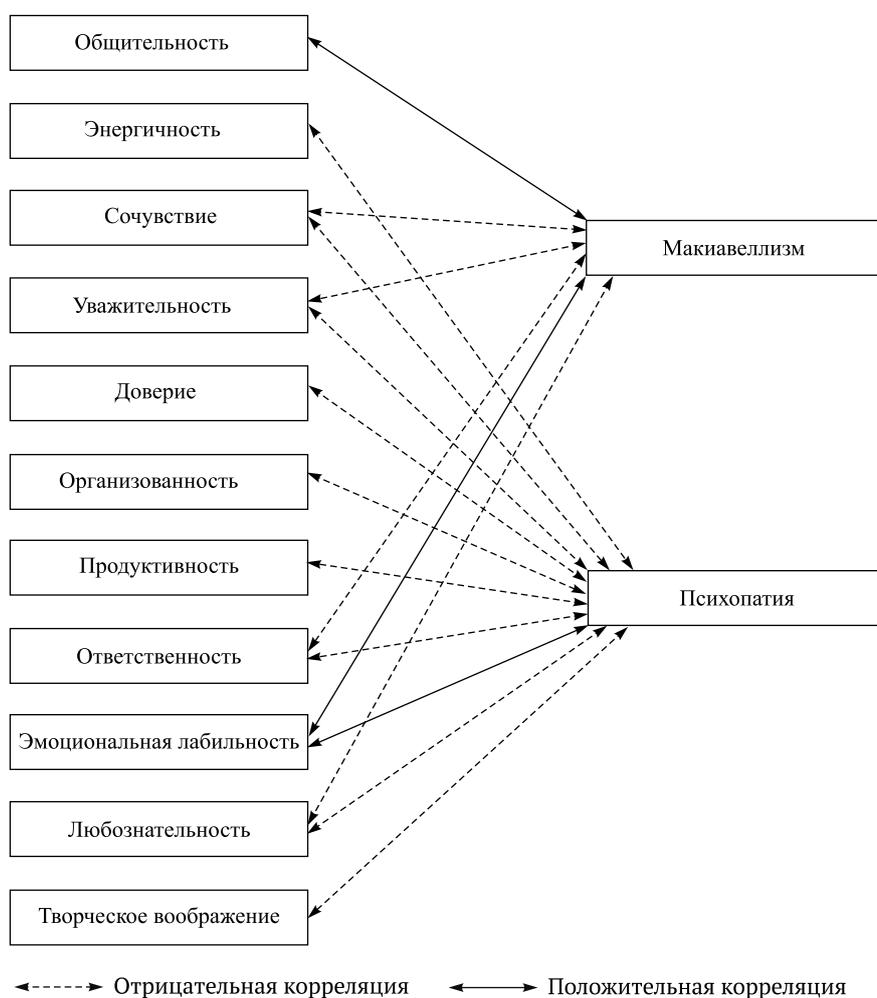


Рис. 4. Взаимосвязь характеристик личностных черт «Большой пятерки» и «Темной триады» у китайских женщин
Fig. 4. The relationship between the Chinese women's characteristics of the personality traits of the «Big five» and the «Dark triad»

Обнаружено, что у китайских мужчин показатели макиавеллизма и психопатии отрицательно коррелируют с показателями сочувствия ($r = -0,359$, $p \leq 0,001$ и $r = -0,411$, $p \leq 0,001$ соответственно), уважительности ($r = -0,38$, $p \leq 0,001$ и $r = -0,401$, $p \leq 0,001$ соответственно), доверия ($r = -0,358$, $p \leq 0,001$ и $r = -0,240$, $p \leq 0,05$ соответственно) и ответственности ($r = -0,262$, $p \leq 0,01$ и $r = -0,294$, $p \leq 0,01$ соответственно). Любознательность отрицательно связана только с психопатией ($r = -0,278$, $p \leq 0,01$). Вместе с тем показатели эмоциональной лабильности имеют положительную корреляцию с показателем психопатии ($r = 0,233$, $p \leq 0,014$).

У китайских женщин показатель макиавеллизма отрицательно связан с показателями сочувствия ($r = -0,306$, $p \leq 0,001$), уважительности ($r = -0,425$, $p \leq 0,001$), ответственности ($r = -0,364$, $p \leq 0,001$), любознательности ($r = -0,278$, $p \leq 0,01$) и положительно – с показателями общительности ($r = 0,254$, $p \leq 0,01$) и эмоциональной лабильности ($r = 0,228$, $p \leq 0,05$). Психопатия отрицательно коррелирует с энергичностью ($r = -0,284$, $p \leq 0,01$), сочувствием ($r = -0,470$, $p \leq 0,001$), уважительностью ($r = -0,515$, $p \leq 0,001$), доверием ($r = -0,213$, $p \leq 0,05$), организованностью ($r = -0,292$, $p \leq 0,01$), продуктивностью ($r = -0,290$, $p \leq 0,01$), ответственностью ($r = -0,405$, $p \leq 0,001$), любознательностью ($r = -0,264$, $p \leq 0,05$) и творческим воображением ($r = -0,233$, $p \leq 0,05$). Показатель эмоциональной лабильности ($r = 0,22$, $p \leq 0,05$) имеет положительную связь с показателем психопатии.

Таким образом, независимо от гендера китайских студентов показатели макиавеллизма и психопатии имеют отрицательную корреляцию с показателями сочувствия, уважительности и ответственности. Психопатия также отрицательно связана с любо-

зательностью и положительно – с эмоциональной лабильностью.

Полученные данные согласуются с рядом исследований, по результатам которых мужчины имеют более высокие показатели психопатии, чем женщины [3; 7; 13; 19; 20; 26; 27].

В работе [20] указанные выше корреляции объясняются в большей мере генетическими, а не средовыми влияниями. Вместе с тем отмечается, что на взаимосвязь черт рассматриваемых моделей могут влиять восприятие и оценка ситуации. В частности, П. К. Джонасоном и Р. А. Шерманом [28] было установлено, что, например, люди с высоким уровнем нейротизма склонны рассматривать ситуации, которые не содержат очевидных опасностей, как потенциально угрожающие. Наличие такой тенденции может быть частью чрезмерно чувствительной системы сигнализации, которая склоняет таких индивидов к принятию безопасных решений в жизни. Аналогичным образом другие черты «Большой пятерки» связаны с систематическими способами восприятия мира, который имеет определенный логический смысл. Так, индивиды, характеризующиеся доброжелательностью и экстраверсией, имеют социально ориентированное восприятие (позитивность восприятия, вероятно, подталкивает их к взаимодействию с другими), а личности, отличающиеся добросовестностью и открытостью, воспринимают мир как безопасный, поэтому стремятся к упорядочиванию своей жизни и получению удовольствия от активности, отличающейся высокой степенью открытости. Вера в безопасность мира независимо от того, истинна она или нет, может подтолкнуть индивидов отказаться от решения задач выживания, которые часто обеспечиваются чертами «Темной триады».

Заключение

Китайские женщины имеют статистически более высокие показатели доброжелательности и открытости опыту, чем мужчины. По показателям экстраверсии, добросовестности и негативной эмоциональности значимых различий не выявлено.

У китайских мужчин, в сравнении с женщинами, отмечены более высокие показатели психопатии. По показателям нарциссизма и макиавеллизма существенных различий не обнаружено.

Доброжелательность у китайских мужчин достоверно отрицательно коррелирует с макиавеллизмом, психопатией и нарциссизмом, а добросовестность и открытость опыту – с психопатией. Нейротизм и экстраверсия не связаны ни с одной личностной чертой «Темной триады».

У китайских женщин выявлена отрицательная взаимосвязь показателей доброжелательности и добросовестности с показателями макиавеллизма и психопатии. Показатель открытости опыту отрицательно коррелирует только с показателем пси-

хопатии. Негативная эмоциональность и экстраверсия не связаны ни с одной личностной чертой «Темной триады».

Показатели сочувствия, уважительности, доверия и ответственности у китайских мужчин достоверно отрицательно коррелируют с показателями макиавеллизма и психопатии. Любознательность связана только с психопатией. Эмоциональная лабильность и психопатия имеют положительную взаимосвязь.

У китайских женщин показатель макиавеллизма отрицательно связан с показателями сочувствия, уважительности, ответственности и любознательности и положительно – с показателями общительности и эмоциональной лабильности. Показатели энергичности, сочувствия, уважительности, доверия, организованности, продуктивности, ответственности, любознательности, творческого воображения имеют отрицательную связь с показателем психопатии. Эмоциональная лабильность положительно коррелирует с психопатией.

Библиографические ссылки

1. Kaufman SB, Yaden DB, Hyde E, Tsukayama E. The light vs. Dark Triad of personality: contrasting two very different profiles of human nature. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2019 [cited 2023 March 2];10. Available from: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.00467/full>. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00467.
2. Costa PT, Terracciano A, McCrae RR. Gender differences in personality traits across cultures: robust and surprising findings. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001;81(2):322–331. DOI: 10.1037/0022-3514.81.2.322.
3. Paulhus DL, Williams KM. The Dark triad of personality: narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. *Journal of Research in Personality*. 2002;36(6):556–563. DOI: 10.1016/S0092-6566(02)00505-6.
4. Schmitt DP, Realo A, Voracek M, Allik J. Why can't a man be more like a woman? Sex differences in Big five personality traits across 55 cultures. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008;94(1):168–182. DOI: 10.1037/0022-3514.94.1.168.
5. Meng Yong, Yu Boxiang, Li Chaoping, Lan Yuanmei. Psychometric properties of the Chinese version of the organization Big five scale. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2021 [cited 2023 March 2];12. Available from: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.781369/full>. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.781369.
6. 顾寿全, 奚晓岚, 程灶火, 吴正国, 王国强. 大学生大五人格与心理健康的关系. *中国临床心理学杂志*. 2014;22(2):354–356 = Гу Шоуцюань, Си Сяолань, Чэн Чжаохуэй, Ву Чжэнго, Ван Госян. Взаимосвязь между личностью «Большой пятерки» и психическим здоровьем студентов колледжа. *Китайский журнал клинической психологии*. 2014;22(2):354–356.
7. Lee K, Ashton MC. Psychopathy, Machiavellianism, and narcissism in the five-factor model and the HEXACO model of personality structure. *Personality and Individual Differences*. 2005;38(7):1571–1582. DOI: 10.1016/j.paid.2004.09.016.
8. Jonason PK, Foster JD, Oshio A, Sitnikova M, Birkas B, Gouveia V. Self-construals and the Dark triad traits in six countries. *Personality and Individual Differences*. 2017;113:120–124. DOI: 10.1016/j.paid.2017.02.055.
9. Jonason PK, Li NP, Czarna AZ. Quick and Dirty: some psychosocial costs associated with the Dark triad in three countries. *Evolutionary Psychology*. 2013;11:172–185. DOI: 10.1177/147470491301100116.
10. Jonason PK, Żemojtel-Piotrowska M, Piotrowski J, Sedikides C, Campbell JE, Gebauer JE, et al. Country-level correlates of the Dark triad traits in 49 countries. *Journal of Personality* [Internet]. 2020 [cited 2023 March 2];88(6). Available from: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/jopy.12569>. DOI: 10.1111/jopy.12569.
11. Muris P, Merckelbach H, Otgaar H, Meijer E. The malevolent side of human nature: a meta-analysis and critical review of the literature on the Dark triad (narcissism, Machiavellianism, and psychopathy). *Perspectives on Psychological Science*. 2017;12(2):183–204. DOI: 10.1177/1745691616666670.
12. Корнилова ТВ, Корнилов СА, Чумакова МА, Талмач МС. Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина». *Психологический журнал*. 2015;36(2):99–112.
13. 耿耀国, 孙群博, 黄婧宜, 朱远征, 韩晓红. 黑暗十二条与短式黑暗三联征量表: 两种黑暗三联征测量工具中文版的检验. *中国临床心理学杂志*. 2015;23(2):246–250 = Гэн Яого, Шунь Цюньбо, Хуан Цзини, Чжу Юаньчжан, Хань Сяохун. «Грязная дюжина» и короткая версия «Темной триады»: китайская валидизация двух кратких показателей «Темной триады». *Китайский журнал клинической психологии*. 2015;23(2):246–250. DOI: 10.16128/j.cnki.1005-3611.2015.02.013.
14. Yu Luo, Kovas Y, Wang Lizhong, Stalikas A, Kyriazos TA, Gianniou F-M, et al. Sex differences in the Dark triad are sensitive to socioeconomic conditions: the adaptive value of narcissism in the UK, Greece, and China. *Current Psychology* [Internet]. 2022 [cited 2023 March 2]. Available from: https://www.researchgate.net/publication/361498370_Sex_differences_in_the_dark_triad_are_sensitive_to_socioeconomic_conditions_the_adaptive_value_of_narcissism_in_the_uk_greece_and_china/. DOI: 10.1007/s12144-022-03302-9.
15. Singh Anupriya, Naeem Aisha, Chandiramani Komal. Do aggression and impulsivity dominate Dark triad across genders? *The International Journal of Indian Psychology* [Internet]. 2020 [cited 2023 March 2]. Available from: <https://ijip.in/articles/do-aggression-and-impulsivity-dominate-dark-triad-across-genders/>. DOI: 10.25215/0803.061.
16. Makim Forum, Shetty Vidyadayini. The relationship between age, gender and the Dark triad of personality. *Indian Journal of Mental Health*. 2018;5(1):24–27. DOI: 10.30877/IJMH.5.1.2018.24-27.
17. Del Giudice M. Sex, attachment, and the development of reproductive strategies. *Behavioral and Brain Sciences*. 2009;32(1):1–21. DOI: 10.1017/S0140525X09000016.
18. Schmitt DP, Long AE, McPhearson A, O'Brien K, Remmert B, Shah SH. Personality and gender differences in global perspective. *International Journal of Psychology*. 2017;52(S1):45–56. DOI: 10.1002/ijop.12265.
19. Vernon PA, Villani VC, Vickers LC, Harris JA. A behavioral genetic investigation of the Dark triad and the Big 5. *Personality and Individual Differences*. 2008;44(2):445–452. DOI: 10.1016/j.paid.2007.09.007.
20. Егорова МС, Ситникова МА, Паршикова ОВ. Адаптация короткого опросника Темной триады. *Психологические исследования* [Интернет]. 2015 [протитировано 3 января 2023 г.];8(43). Доступно по: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1052>. DOI: 10.54359/ps.v8i43.1052.
21. Zhang Bo, Li Yiming, Li Jian, Luo Jing, Ye Yonghao, Yin Lu, et al. The Big five inventory-2 in China: a comprehensive psychometric evaluation in four diverse samples. *Assessment* [Internet]. 2021 [cited 2022 September 9];29(6). Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/10731911211008245>. DOI: 10.1177/10731911211008245.
22. Markus HR, Kitayama Shinobu. Culture and the self: implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*. 1991;98(2):224–253. DOI: 10.1037/0033-295X.98.2.224.
23. Vecchione M, Alessandri G, Barbaranelli G, Caprara G. Gender differences in the Big five personality development: a longitudinal investigation from late adolescence to emerging adulthood. *Personality and Individual Differences*. 2012;53(6):740–746. DOI: 10.1016/j.paid.2012.05.033.
24. Егорова МС, Паршикова ОВ, Ситникова МА. Половые различия по показателям Темной триады. *Психологические исследования* [Интернет]. 2015 [протитировано 3 января 2023 г.];8(39):12. Доступно по: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/566>. DOI: 10.54359/ps.v8i39.566.
25. Buss DM. How can evolutionary psychology explain personality and individual differences? *Perspectives in Psychological Science*. 2009;4(4):359–366. DOI: 10.1111/j.1745-6924.2009.01138.x.

26. Jonason PK, Webster GD. The dirty dozen: a concise measure of the Dark triad. *Psychological Assessment*. 2010;22(2):420–432. DOI: 10.1037/a0019265.
27. Jakobwitz S, Egan V. The Dark triad and normal personality traits. *Personality and Individual Differences*. 2006;40(2):331–339. DOI: 10.1016/j.paid.2005.07.006.
28. Jonason PK, Sherman RA. Personality and the perception of situations: the Big five and Dark triad traits. *Personality and Individual Differences*. 2020;163:10081. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110081.

References

1. Kaufman SB, Yaden DB, Hyde E, Tsukayama E. The light vs. Dark triad of personality: contrasting two very different profiles of human nature. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2019 [cited 2023 March 2];10. Available from: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2019.00467/full>. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.00467.
2. Costa PT, Terracciano A, McCrae RR. Gender differences in personality traits across cultures: robust and surprising findings. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001;81(2):322–331. DOI: 10.1037/0022-3514.81.2.322.
3. Paulhus DL, Williams KM. The Dark triad of personality: narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. *Journal of Research in Personality*. 2002;36(6):556–563. DOI: 10.1016/S0092-6566(02)00505-6.
4. Schmitt DP, Realo A, Voracek M, Allik J. Why can't a man be more like a woman? Sex differences in Big five personality traits across 55 cultures. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008;94(1):168–182. DOI: 10.1037/0022-3514.94.1.168.
5. Meng Yong, Yu Boxiang, Li Chaoping, Lan Yuanmei. Psychometric properties of the Chinese version of the organization Big five scale. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2021 [cited 2023 March 2];12. Available from: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.781369/full>. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.781369.
6. Gu Shouquan, Xi Xiaolan, Cheng Zaohuo, Wu Zhengguo, Wang Guoqiang. [The relationship between the personality of the Big five and the mental health of students]. *Chinese Journal of Clinical Psychology*. 2014;22(2):354–356. Chinese.
7. Lee K, Ashton MC. Psychopathy, Machiavellianism, and narcissism in the five-factor model and the HEXACO model of personality structure. *Personality and Individual Differences*. 2005;38(7):1571–1582. DOI: 10.1016/j.paid.2004.09.016.
8. Jonason PK, Foster JD, Oshio A, Sitnikova M, Birkas B, Gouveia V. Self-construals and the Dark triad traits in six countries. *Personality and Individual Differences*. 2017;113:120–124. DOI: 10.1016/j.paid.2017.02.053.
9. Jonason PK, Li NP, Czarna AZ. Quick and Dirty: some psychosocial costs associated with the Dark triad in three countries. *Evolutionary Psychology*. 2013;11:172–185. DOI: 10.1177/147470491301100116.
10. Jonason PK, Żemojtel-Piotrowska M, Piotrowski J, Sedikides C, Campbell WK, Gebauer JE, et al. Country-level correlates of the Dark triad traits in 49 countries. *Journal of Personality* [Internet]. 2020 [cited 2023 March 2];88(6). Available from: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/jopy.12569>. DOI: 10.1111/jopy.12569.
11. Muris P, Merckelbach H, Otgaar H, Meijer E. The malevolent side of human nature: a meta-analysis and critical review of the literature on the Dark triad (narcissism, Machiavellianism, and psychopathy). *Perspectives on Psychological Science*. 2017;12(2):183–204. DOI: 10.1177/1745691616666070.
12. Kornilova TV, Kornilov SA, Chumakova MA, Talmach MS. The Dark triad personality traits measure: approbation of the Dirty dozen questionnaire. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2015;36(2):99–112. Russian.
13. Geng Yaoguo, Sun Qunbo, Huang Jingyi, Zhu Yuanzheng, Han Xiaohong. Dirty dozen and short Dark triad: a Chinese validation of two brief measures of the Dark triad. *Chinese Journal of Clinical Psychology*. 2015;23(2):246–250. Chinese. DOI: 10.16128/j.cnki.1005-3611.2015.02.013.
14. Yu Luo, Kovas Y, Wang Lizhong, Stalikas A, Kyriazos TA, Gianniou F-M, et al. Sex differences in the Dark triad are sensitive to socioeconomic conditions: the adaptive value of narcissism in the UK, Greece, and China. *Current Psychology* [Internet]. 2022 [cited 2023 March 2]. Available from: https://www.researchgate.net/publication/361498370_Sex_differences_in_the_dark_triad_are_sensitive_to_socioeconomic_conditions_the_adaptive_value_of_narcissism_in_the_uk_greece_and_china/. DOI: 10.1007/s12144-022-03302-9.
15. Singh Anupriya, Naeem Aisha, Chandiramani Komal. Do aggression and impulsivity dominate Dark triad across genders? *The International Journal of Indian Psychology* [Internet]. 2020 [cited 2023 March 2]. Available from: <https://ijip.in/articles/do-aggression-and-impulsivity-dominate-dark-triad-across-genders/>. DOI: 10.25215/0803.061.
16. Makim Foram, Shetty Vidyadayini. The relationship between age, gender and the Dark triad of personality. *Indian Journal of Mental Health*. 2018;5(1):24–27. DOI: 10.30877/IJMH.5.1.2018.24-27.
17. Del Giudice M. Sex, attachment, and the development of reproductive strategies. *Behavioral and Brain Sciences*. 2009;32(1):1–21. DOI: 10.1017/S0140525X09000016.
18. Schmitt DP, Long AE, McPhearson A, O'Brien K, Remmert B, Shah SH. Personality and gender differences in global perspective. *International Journal of Psychology*. 2017;52(S1):45–56. DOI: 10.1002/ijop.12265.
19. Vernon PA, Villani VC, Vickers LC, Harris JA. A behavioral genetic investigation of the Dark triad and the Big 5. *Personality and Individual Differences*. 2008;44(2):445–452. DOI: 10.1016/j.paid.2007.09.007.
20. Egorova MS, Sitnikova MA, Parshikova OV. Adaptation of the short Dark triad. *Psychological Studies* [Internet]. 2015 [cited 2023 January 3];8(43). Available from: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1052>. Russian. DOI: 10.54359/ps.v8i43.1052.
21. Zhang Bo, Li Yiming, Li Jian, Luo Jing, Ye Yonghao, Yin Lu, et al. The Big five inventory-2 in China: a comprehensive psychometric evaluation in four diverse samples. *Assessment* [Internet]. 2021 [cited 2022 September 9];29(6). Available from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/10731911211008245>. DOI: 10.1177/10731911211008245.
22. Markus HR, Kitayama Shinobu. Culture and the self: implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*. 1991;98(2):224–253. DOI:10.1037/0033-295X.98.2.224.
23. Vecchione M, Alessandri G, Barbaranelli C, Caprara G. Gender differences in the Big five personality development: a longitudinal investigation from late adolescence to emerging adulthood. *Personality and Individual Differences*. 2012;53(6):740–746. DOI: 10.1016/j.paid.2012.05.033.

24. Egorova MS, Parshikova OV, Sitnikova MA. Sex differences in the Dark triad. *Psychological Studies* [Internet]. 2015 [cited 2023 January 3];8(39). Available from: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/566>. Russian. DOI: 10.54359/ps.v8i39.566.

25. Buss DM. How can evolutionary psychology explain personality and individual differences? *Perspectives in Psychological Science*. 2009;4(4):359–366. DOI: 10.1111/j.1745-6924.2009.01138.x.

26. Jonason PK, Webster GD. The dirty dozen: a concise measure of the Dark triad. *Psychological Assessment*. 2010;22(2):420–432. DOI: 10.1037/a0019265.

27. Jakobwitz S, Egan V. The dark triad and normal personality traits. *Personality and Individual Differences*. 2006;40(2):331–339. DOI: 10.1016/j.paid.2005.07.006.

28. Jonason PK, Sherman RA. Personality and the perception of situations: the Big five and Dark triad traits. *Personality and Individual Differences*. 2020;163:10081. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110081.

Статья поступила в редколлегию 10.03.2023.
Received by editorial board 10.03.2023.

УДК 159.955:165.0:316.642.3:316.61

КОНСТРУКТ РИГИДНОСТИ В КОНЦЕПЦИИ КОГНИТИВНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ

А. Н. ПЕВНЕВА¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Э. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

На основе положений концепции когнитивно-личностного развития в рамках общей психологии представлена теоретическая модель развития ригидности как конструкта. Данный концепт послужил основой настоящего исследования, интегрируя закономерности линий когнитивного и личностного развития. С использованием группы научных методов, в частности индуктивно-дедуктивного и ретроспективного методов, а также методов теоретического конструирования, моделирования и прогнозирования, выполнен анализ соотношения двух (когнитивной и личностной) линий познания. Раскрыты аспекты развития модели *ригидность – гибкость* как когнитивно-личностного конструкта, являющегося закономерным результатом процесса познания: рефлекторность (спонтанность (реактивность) и отсроченность (торможение)), координированность (функционирование системы 1 и системы 2), организованность (дивергентность и конвергентность) и регулятивность (флексibilität и контроль). На основе положений концепции когнитивно-личностного развития конструкт ригидности показан как качественно специфический процесс функционирования когнитивных структур и личностных свойств. Связано это с пониманием относительной автономности когнитивного и личностного (социального) развития, первичности формирования, ведущей роли когнитивных механизмов познания по отношению к личностным и обусловленности соотношения когнитивной и личностной линий развития, а также с необходимостью адаптации. Результаты теоретического исследования расширяют и дополняют имеющиеся данные по проблеме ригидности, что позволит сформировать континуальный (амбивалентный) взгляд на природу изучаемого феномена и расширить вектор направлений его изучения в области общей психологии.

Ключевые слова: ригидность; конструкт; когнитивно-личностное развитие.

Благодарность. Автор выражает признательность доктору психологических наук, профессору А. П. Лобанову за сопровождение научно-исследовательской рукописи, оказание помощи в построении и обосновании теоретической модели ригидности, а также за поддержку при реализации поставленных цели и задач в ходе написания статьи.

THE CONSTRUCT OF RIGIDITY IN THE CONCEPT OF COGNITIVE-PERSONAL DEVELOPMENT

A. N. PEVNEVA^a

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 E. Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus

The article is aimed at presenting a theoretical model of the development of rigidity as a construct based on the provisions of the concept of cognitive-personal development within the framework of general psychology. This concept served as the basis of the theoretical research, integrating the laws of the lines of cognitive and personal development. Using a group of scientific methods, in particular, the inductive-deductive and retrospective methods, as well as methods of theoretical

Образец цитирования:

Певнева АН. Конструкт ригидности в концепции когнитивно-личностного развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;2:84–92.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-84-92>

For citation:

Pevneva AN. The construct of rigidity in the concept of cognitive-personal development. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;2:84–92. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-84-92>

Автор:

Анжела Николаевна Певнева – кандидат психологических наук, доцент; заведующий кафедрой общей и социальной психологии факультета психологии.

Author:

Anzhela N. Pevneva, PhD (psychology), docent; head of the department of general and social psychology, faculty of psychology.
pevneva_an@grsu.by
<https://orcid.org/0000-0001-6304-0649>

design, modelling and forecasting, an analysis of the relationship between the two (cognitive and personal) lines of cognition has been performed. The aspects of the development of flexibility-rigidity, as a cognitive-personal construct, which is the natural result of the process of cognition, such as reflexivity (spontaneity (reactivity) and delay (inhibition)), coordination (system 1 and system 2), organisation (divergence and convergence) and regulativity (flexibility and control) have been revealed. Based on the provisions of the concept of cognitive-personal development, the construct of rigidity is presented as a qualitatively specific process of functioning of cognitive structures and personal properties. It is closely connected with the understanding of the relative autonomy of cognitive and personal (social) development, the primacy of the formation and leading role of cognitive mechanisms of cognition in relation to personal ones, as well as the conditionality of the ratio of cognitive and personal lines of development and the need for adaptation. The results of the theoretical study expand and supplement the available data on the problem of rigidity, which will form a continuum (ambivalent) view of the nature of the phenomenon under study and expand the vector of directions of its study in the field of general psychology.

Keywords: rigidity; construct; cognitive-personal development.

Acknowledgements. The author grateful to the doctor of sciences (psychology), professor A. P. Lobanov for the professional support of the research manuscript, assistance in the construction and substantiation of the theoretical model of rigidity, as well as support in the implementation of the main goal and objectives during the article writing.

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что понятие ригидности представляет собой междисциплинарную научную категорию и тем самым может претендовать на статус трансдисциплинарного знания. Оно требует систематизации и обобщения в рамках общей психологии. Исследовательские направления 2020-х гг. и зафиксированные в них закономерности, теоретические принципы в своей основе имеют философское происхождение, привязаны к философским исследованиям и вытекают из философских работ. Генетически изучение проблемы обоснования феномена ригидности необходимо проводить с учетом философского контекста, в который изначально помещен изучаемый психологический феномен и который связан с философией познания.

Анализ философских взглядов на природу (феноменологию) ригидности прослеживается в трудах И. Канта («Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения»), Э. Гуссерля («Картезианские размышления») и М. К. Мамардашвили («Кантианские вариации»), которые повлияли на понимание познавательных способностей человека, в частности на базовые психологические теории мыслительной деятельности. Идеи И. Канта о мышлении не сформулированы в виде концепции, однако в качестве ключевой категории мыслительной деятельности выступают суждения, стереотипность и дихотомичность, имплицитно характеризующие проявление ригидности. По Канту, такое проявление есть предел теоретического и практического разума. Противо-

положным полюсом способности к теоретическому и практическому мышлению выступает возможность (гибкость).

Проблема исследования ригидности восходит к известным работам Дж. Кеттелла и Дж. Струпа, формируя три основных подхода [1]. Каждый из подходов отражает определенную концептуальную линию в трактовке природы и сути данного предмета – ригидности, которая характеризуется неспособностью личности перестроить стратегию поведения в условиях, объективно индуцирующих ее изменения¹. В рамках первого подхода ригидность проявляется как фиксированная форма поведения (Г. В. Залевский, Э. В. Галажинский, Н. В. Козлова, К. В. Шайе, Р. Дутта, Ш. Л. Уиллис), в рамках второго – изучается как результат неврологических (патологических) повреждений (Э. Блейер, Ч. Шеррингтон, Т. Шапиро), в рамках третьего – характеризуется как интеллектуальная (когнитивная) незрелость (К. Гольдштейн, К. Дункер, Дж. Кеттелл, Р. Кеттелл, К. Левин, Г. Майер, И. Макдермотт, Дж. О’Коннор, Ж. Пиаже). Последний подход основывается на результатах исследований Ж. Пиаже центрированных (децентрированных) когнитивных стратегий, а также использования одномерных, ригидных, центрированных когнитивных стратегий в сравнении с многомерными, гибкими, децентрированными стратегиями. Это во многом предопределило цель исследования, которая направлена на представление конструкта ригидности на основе концепции когнитивно-личностного развития в рамках общей психологии.

Теоретические основы исследования

Разработка концепции когнитивно-личностного развития осуществлялась в русле проблематики социально-когнитивного подхода в психологии,

который является следствием интеграции поведенческого и когнитивного подходов. Наибольшее распространение в Беларуси концепция когнитив-

¹Горман Б. Ригидность // Психолог. энцикл. / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб. : Питер, 2003. С. 763.

но-личностного развития получила в научных исследованиях А. А. Морозова, А. П. Лобанова и И. Н. Андреевой. В частности, И. Н. Андреева рассматривала эмоциональный интеллект в качестве интегрально-когнитивно-личностного образования с наиболее выраженным когнитивным компонентом, А. А. Морозов определял толерантность как когнитивно-личностный конструкт.

Тем самым содержание концепции отражает спектр решений многих значимых проблем, который связан с раскрытием когнитивной структуры

психики человека. Так, одной из доминирующих тенденций развития психологических исследований когнитивной организации, или когнитивного базиса психики, является соотношение социальной и когнитивной линий. Анализ различных точек зрения на соотношение когнитивной и аффективной линий развития в теоретическом аспекте, проведенный Г. А. Виленской и Е. А. Сергиенко [2, с. 205], позволил реинтерпретировать формирования этих линий и дополнить их первичными механизмами (см. таблицу).

**Соотношение когнитивной и аффективной линий развития:
механизмы их формирования**

**The ratio of cognitive and affective lines of development:
mechanisms of their formation**

Представители (теории, концепции)	Соотношение аффективной и когнитивной линий развития	Механизмы формирования
Ж. Пиаже (когнитивная теория развития психики)	Первично когнитивное развитие: когнитивное и социальное развитие протекают независимо, их соотношение определяется адаптацией	Когнитивные механизмы познания мира (на основе психической врожденной активности)
Л. С. Выготский и М. Лисина (культурно-историческая концепция развития)	Первично аффективное развитие: социальное развитие ведет за собой когнитивное развитие	Аффективные механизмы (на основе социального взаимодействия)
К. Тревартен (концепция развития интерсубъективности)	Первично аффективное развитие (социальное познание): социальное развитие предшествует когнитивному развитию (познанию предметного мира)	Механизм кинематической подстройки (синхронизации активности)
П. Хобсон (концепция развития интерсубъективности)	Дифференциация аффективного и социального развития, первичность когнитивных и аффективных механизмов: ведущая роль когнитивного развития на ранних стадиях онтогенеза	Механизмы интерперсонализации (отношения Я – ты), объективизации (отношения Я – оно)

Необходимо отметить, что логика соотношения когнитивной и аффективной линий связана с вопросом личностного и аффективного, а также когнитивного и личностного развития в контексте их первичности (вторичности), зависимости (независимости), обусловливания (необусловливания) одной линии другой. При этом соотношение двух линий, когнитивной и личностной, является основополагающим в рамках научной теории, так как оно лежит в основе познания окружающего мира (решения проблем) личностью. Согласно операциональной теории интеллекта Ж. Пиаже познание первично по отношению к социальной функции, способствующей преодолению эгоцентризма, в том числе ригидных центрированных когнитивных стратегий, использование которых свойственно на ранних этапах онтогенеза. В психологических экспериментах ученого центрирование представлено как способность концентрироваться на «выступающем» свойстве объекта согласно предоперациональной стадии развития ребенка (длинная плитка шоколада предпочтительнее плитке потолще). Наряду с центриро-

ванными когнитивными стратегиями формируется процесс консервации (жидкости, чисел, массы), определяемый пониманием константности качества объектов или ситуаций. Развитие взаимодействия ребенка с миром идет от простых схем, в частности от сенсомоторных, конкретных и формальных операций стимулирования к высоко интегрированным абстрактным схемам (Ж. Пиаже).

Тем самым природа ригидности в когнитивном подходе показывается в сенсомоторных предоперационных схемах по сравнению с более поздними структурами стадии конкретных и формальных операций. Эти когнитивные механизмы являются адекватными для познания социального (окружающего) мира. Придерживаясь концепции когнитивно-личностного развития, ригидность выступает как качественно специфический процесс функционирования (проявления) когнитивных структур и личностных свойств (особенностей, характеристик), представляя собой единый когнитивно-личностный конструкт. Непосредственно под когнитивно-личностным развитием понимается соотношение социальной и ког-

нитивной линий, которые способствуют успешной адаптации личности через установление закономерностей взаимодействия с предметным и социальным миром.

Положения концепции когнитивно-личностного развития послужили основой теоретического исследования по причине важности понимания того, что данный концепт содержательно отражает спектр решений проблем, связанных с раскрытием когнитивной структуры психики человека; одной из доминирующих тенденций развития психологических

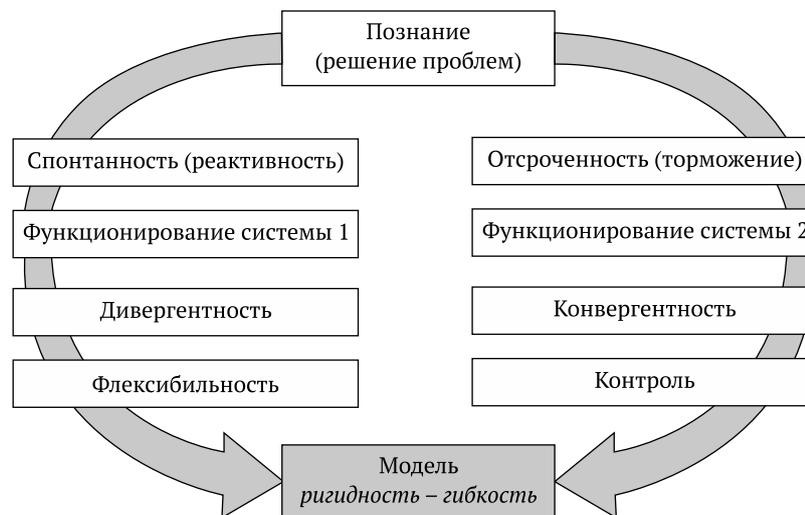
исследований когнитивной организации (когнитивного базиса психики) является соотношение социальной и когнитивной линий, которые способствуют успешной адаптации личности через установление закономерностей взаимодействия с предметным и социальным миром (Г. А. Виленская, Е. А. Сергиенко); линии когнитивного и личностного (социального) развития относительно автономны, при этом первичность в формировании и ведущая роль принадлежат когнитивным механизмам познания по отношению к личностным.

Результаты и их обсуждение

Теоретическая модель развития *ригидность – гибкость*, как когнитивно-личностный конструкт, основана на двух гипотетических предположениях. Первое заключается в том, что эта модель является закономерным результатом процесса познания (широкий подход) и решения проблем (узкий подход). Положение о модели *ригидность – гибкость* как о закономерном результате познания согласуется с концепцией потребности в познании (*the need for cognition*) исследователей Р. Э. Петти и Дж. Т. Качиппо, которая осуществляется посредством реализации индивидуальных (когнитивных) стилей с низкой внутренней мотивацией к познанию и с высокой потребностью, связанной с получением удовольствия от его процесса [5, р. 119–122]. От использования того или иного способа познания зависит решение задач: человек или ориентируется на мнение

значимых людей, или осуществляет поиск и проверку информации с установлением закономерностей и связей между явлениями познания.

Второе гипотетическое предположение теоретической модели развития *ригидность – гибкость* основано на том, что она, как когнитивно-личностный континуум, состоит из совокупности более частных (парциальных) теоретических обоснований и научных направлений. Исходя из рисунка, по вертикали в процессе познания (решения проблем) *ригидность* имеет следующие особенности: отсроченность (торможение), конвергентность, функционирование системы 2 и контроль. В свою очередь, *гибкость* определяется противоположными свойствами: спонтанностью (реактивностью), а также особенностями дивергентности, деятельности системы 1 и гибкости.



Концептуальная модель ригидности
Conceptual model of rigidity

Процесс познания окружающего мира (решения проблем), закономерным результатом которого является проявление модели *ригидность – гибкость* в качестве когнитивно-личностного конструкта, характеризуется доминированием (преобладанием) когнитивной или аффективной линии развития пси-

хики, а также зависит от рефлекторности (спонтанность (реактивность) и отсроченность (торможение)), организованности (дивергентность и конвергентность), координированности (функционирование системы 1 и системы 2), регулятивности (флексибильность и контроль).

Рефлекторность психики (спонтанность (реактивность) и отсроченность (торможение)). В основе проявления когнитивной ригидности лежит механизм отсроченности (торможения) как реакция на проявление спонтанности и реактивности. Спонтанность (реактивность) в рамках парадигмальной позиции Ж. Пиаже (1994) является врожденной неспецифической активностью, которая регулируется посредством механизма отсроченности (торможения). Процесс центрального торможения (отсроченности (угнетенности)), который был открыт еще в 1866 г. основателем медицинской психологии, физиологом И. М. Сеченовым [6, с. 154], стал одним из компонентов его рефлекторной теории (учения о происхождении психических деятельностей). Это, в свою очередь, способствовало раскрытию рефлекторных механизмов психики, позволяющих когнитивным структурам регулировать психическую деятельность в целях последующей координации движений, направленных на адаптацию к внешним воздействиям [7, с. 73].

Эффективной адаптации к внешним воздействиям на более ранних этапах развития человечества служило формирование способности управлять собой, т. е. «тормозить естественные реакции и направлять энергию на исполнение разумного долга», что легло в основу психологических коннотаций темпоральных скачков, считаясь «залогом превосходства греков над варварами» [8, с. 223]. В когнитивном развитии важность механизмов торможения спонтанных реакций, по Маклюэну, явилась предпосылкой формирования письма, а также сублимации энергии естественных побуждений в область абстрактных представлений и понятий и перевода субъективных мнений в сферу объективности. «В этом мире нет места спонтанности, свободы» [9, с. 168], которые формируются в результате влияния коммуникационных технологий на организацию когнитивных процессов [9, с. 171], а также средств коммуникации на человека и общество в целом [10, с. 157].

Необходимость адаптации обуславливает соотношение когнитивного и личностного (социального) развития психики, и наоборот. Развитие и формирование навыков взаимодействия ребенка с миром идет от простых схем, в частности от сенсомоторных, конкретных и формальных операций стимулирования, к высоко интегрированным абстрактным схемам, приобретая тем самым интеллектуальный характер (Ж. Пиаже). В процессе адаптации и в целостном поведенческом акте использование ребенком одномерных, ригидных, центрированных когнитивных стратегий способствует глубокому познанию, исследованию и раскрытию различных сторон и отношений социального мира, это приближает к полному и точному представлению о его предметах и явлениях.

Пролонгированная работа механизма регулятивности психики соотносится с ее организованностью. Спонтанность (реактивность, автоматизированность) действий и отсроченность (торможение, контроль) определили дифференциацию типов конвергентного и дивергентного мышления, которая, в свою очередь, является основой организованности психики.

Организованность психики в процессе поиска решения той или иной проблемы. Согласно Дж. Гилфорду она включает конвергентный и дивергентный типы мышления, которые были выделены исследователем в рамках концепции интеллекта. Концентрация усилий, направленных на поиск единственно правильного решения, определяет конвергентное мышление [11]. Привычка использовать исключительно конвергентное решение характеризуется ригидностью мышления, которая проявляется в ориентации на наличие верного решения и характеризуется попыткой найти его с помощью имеющихся знаний, опыта и логических рассуждений. Наряду с этим использование конвергентной стратегии при постижении мира и решении проблем в своей основе содержит согласно Д. Халперн процесс категоризации, который «является частным случаем когнитивной экономии» [12, с. 121]. Данный процесс позволяет «уменьшить затраты умственной энергии» посредством снижения трудоемкости мыслительной операции, приводя ситуацию к большей определенности, что является положительной характеристикой когнитивной ригидности.

Множественность существующих вариантов решений по всем возможным направлениям, приводящих «к оригинальным решениям», свойственна «дивергентному мышлению» [13, с. 436]. Данный вид мышления отличается гибкостью, связанной с образованием новых комбинаций из элементов задачи, которые при конвергентном мышлении используются определенным образом. По Гилфорду [11], дивергентное мышление соотносится с творческим мышлением, обладающим свойствами пластичности, подвижности и оригинальности [13, с. 437]. Развитию творческого мышления, по мнению М. А. Холодной, «препятствует психологическая инерция (ригидность) мысли» [14, с. 209]. Ригидность М. Роккич определял как «ограниченность ума» [15], которая характеризуется отсутствием гибкости. Гибкость является компонентом творческих способностей, зависящим «от эмоциональности (социальной) и общей темпераментальной активности» [16, с. 158].

Конвергентность и дивергентность мыслительных процессов согласуется с двойственностью механизмов обработки информации в процессе познания мира (решения проблем) путем согласования двух систем мышления человека, что обеспечивается координированностью психики.

Координированность психики (функционирование системы 1 и системы 2). Она определяется быстрой (автоматической) системой 1 и медленной (аналитической) системой 2. Понятие «система» в своей теории двух независимых видов мышления предложили специалисты в области прикладной когнитивной науки К. Станович и Р. Ф. Уэст, затем оно получило развитие в работах Д. Канемана [17, с. 31].

Данные системы мышления характеризуются следующими особенностями. Ведущий критерий выделения системы 1 и системы 2 представлен соответствием каждой из них определенной функции: автоматической (внутренние автоматизированные навыки) и контрольной (выбор, принятие решения).

Система 1 и система 2 обладают общей особенностью: скоординированностью (согласованностью), что является объективной предпосылкой инвариантного их функционирования и взаимодействия. Система 2 может «перехватить контроль, ограничивая свободные импульсы и ассоциации системы 1» или «изменить работу системы 1», система 1 «порождает впечатления и чувства, которые являются главным источником убеждений и сознательных выборов системы 2» [17, с. 31–34].

Системы мышления имеют исходную специфически согласованную (скоординированную) направленность, которая раскрывает своеобразие их функционального предназначения и уникальных способностей. В частности, система 1 может определить расположенность объектов по близости и отдаленности, проявить произвольность во внимании на резкий звук, понять простое предложение, решить несложный пример, прочесть слова на билбордах и вести машину по пустой дороге. Система 2 предопределяет готовность к старту, способствует идентификации голоса любимого человека в шумной комнате, намеренному ускорению или замедлению шага, регулированию поведения в социальной ситуации, проверке состоятельности «сложных логических аргументов» [17, с. 32–34].

Системы мышления характеризуются наличием комплексного, синтетического состава, в котором они выступают интегральными в части гетерогенности и разнокачественности объединяемых в них процессов различных категорий и классов. Так, в систему 1 входят произвольность внимания, восприятие расстояния между предметами, автоматизированность действий, эмоциональная оценка, в систему 2 – контроль, активация психики, мыслительные операции, избирательность и произвольность внимания. Последнее осуществимо благодаря функции контроля.

Связь контроля с вниманием отражена в теории Я. П. Гальперина. В ней внимание определяется как «функция внутреннего контроля за выполнением умственных, то есть интериоризированных и сокращенных, действий» [18, с. 305]. При этом важно отме-

тить, что внимание не всегда есть контроль. Так, под сознательный контроль (произвольное сознательное управление) и его координацию не попадают автоматизированные действия (или процессы рефлекторного типа), в частности чтение и пространственная локализация объектов. По данной причине исследователи поставили вопрос «об операциональном разделении автоматизмов (т. е. процессов рефлекторного типа) и процессов, находящихся под контролем сознания» [18, с. 306].

Требование внимания является общей чертой функций системы 2, которые «прерываются, когда внимание переключают» [17, с. 33]. Другими словами, невнимательность или отвлекаемость препятствуют эффективному решению проблем в ситуациях, требующих внимания, связанного с внутренними усилиями. Д. Канеман предложил концепцию внимания как умственного усилия, или теорию внимания «второго поколения» [19]. Исследователь подчеркивал взаимосвязь между вниманием и решением задач. Величина усилий определяется сложностью задач, по мере роста которой увеличивается количество ресурсов внимания на решение этих задач. Однако недостаточность выделяемых ресурсов по отношению к растущим сложностям задач приводит к появлению ошибок в их решении. Распределение ресурсов характеризуется гибкостью и изменяется под воздействием поступающих раздражителей. Непосредственно стратегия распределения внимания определяется согласно Д. Канеману гештальтзаконами, т. е. законами перцептивной организации.

Регуляция (флексibilität и контроль) психики. Представленные выше характеристики дивергентного мышления (гибкость или пластичность, подвижность и приспособляемость) являются признаками когнитивной флексibility (*cognitive flexibility*), выступающими «в качестве конструкторов, которыми описываются и объясняются когнитивные процессы и поведенческие проявления личности, характеризующие ее способность организовывать познавательную деятельность и интеллектуальное поведение в зависимости от изменившихся условий» [20, с. 129]. В рамках теории когнитивной флексibility, которую разработали и предложили Дж. Спиро и Дж. Дженг [21, р. 163], человек, представляющий задачу с нескольких точек зрения, может легко интерпретировать ситуационные изменения в окружающей среде и, следовательно, быть более когнитивно гибким. Поэтому он обладает способностью быстро перестраивать свои знания, адаптируя собственные реакции к меняющимся ситуационным требованиям.

Фундаментальная способность личности корректировать стратегии когнитивной обработки информации для решения новых и непредсказуемых ситуаций [22, р. 934] требует контроля внимания. Зависимость когнитивной флексibility от про-

цессов внимания (контроля) отмечают Дж. Канас, И. Файардо, Л. Салмерон². Контроль связан со склонностью к восприятию трудных ситуаций как контролируемых [20, с. 136] (с оценкой способности человека воспринимать сложные ситуации), так и управляемых по Деннису и Вандер Валу [23].

С одной стороны, решение сложных ситуаций (задач) направлено на адаптацию поведения человека к условиям окружающей среды, в которых он находится. При изменении условий решения задач возникает необходимость перестройки знаний таким образом, чтобы эффективно интерпретировать новые требования и ситуацию задачи в целях адаптации к ней. Наряду с этим личности необходимы усилия на прерывание автоматической реакции и переключение, на планирование новой последовательности соответствующих действий, которые будут соответствовать новым требованиям задачи. С другой стороны, когнитивная гибкость включает представления человека о своих знаниях, связанных с задачей и возможными стратегиями ее решения и тем самым зависит от процессов внимания. Поведение человека контролируется и опытом, полученным из аналогичных ситуаций, его знаниями об условиях окружающей среды, которые при изменении должны быть модифицированы, чтобы переосмыслить возможные новые требования задачи.

Проблема контроля рассматривается во взаимосвязи с личностными особенностями, в частности с темпераментными (В. М. Русалов) системными психобиологическими характеристиками индивидуального поведения, обуславливающими когнитивное и социальное взаимодействие личности. При этом согласно концепции В. М. Русалова в основе темперамента лежит «совокупность физических и физиологических свойств индивида, закрепленных в его наследственном аппарате» [16, с. 125], являющаяся «составной подструктурой» когнитивной сферы психики [16, с. 161], в которой выделяются когнитивные стили.

Познание окружающего мира (решение проблем), являясь доминирующим (первичным) в развитии когнитивной и личностной линий психики, определяется соотношением ригидности и гибкости. Гибкость, понимаемая как адаптивность, коррелирует с «социальной пластичностью как элементом струк-

туры темперамента» [16, с. 166], а ригидность соотносится с пластичностью индивидуального поведения. Тем самым модель *ригидность – гибкость* выполняет такую функцию психики, как обеспечение эффективной адаптации.

Таким образом, опираясь на анализ литературы, автор настоящей работы при решении проблемы обоснования конструкта ригидности в рамках концепции когнитивно-личностного развития сформулировал следующие задачи теоретического осмысления и эмпирического исследования данного конструкта:

- изучить традиционно выделенные когнитивные стили, в частности когнитивный стиль «ригидный – гибкий познавательный контроль» (А. П. Лобанов, М. А. Холодная);
- определить изменяемые и неизменяемые формы поведения (Г. В. Залевский, Н. В. Козлова);
- раскрыть центрированные и децентрированные когнитивные стратегии (Ж. Пиаже);
- изучить толерантность и интолерантность к неопределенности (Т. В. Карнилова, Е. М. Павлова).

Актуальными данные задачи являются также в прикладных исследованиях когнитивных структур психики. Сформулированные задачи объединены общим ядром и одним проблемным полем, которое определяется необходимостью изучения структурно-содержательных характеристик ригидности как конструкта. Основу данного конструкта составляют определенные структурные компоненты. При этом различные исследователи выделяют сходные, инвариантные их наборы.

В целом теории когнитивного и социального развития до настоящего времени функционировали как две отдельные линии. Подход в контексте когнитивно-личностного развития предоставляет возможность соединить в одну теоретическую модель когнитивные, мотивационные и аффективные линии развития. Выражение когнитивного и личностного в развитии и в социальном поведении личности характеризуется разнообразием и динамичностью. Признание первичности врожденной психической активности, на основе которой формируются когнитивные механизмы, способствует адекватному познанию социального мира, не нарушая логику личностного развития.

Заключение

Таким образом, представленность конструкта ригидности в рамках концепции когнитивно-личностного развития базируется на основных положениях об относительной независимости когнитивного и личностного (социального) развития, о первичности врожденной психической активности, на основе

которой формируются когнитивные механизмы познания, о главной роли когнитивного развития, ведущего за собой личностное развитие, а также об обусловленности соотношения когнитивного и личностного необходимостью адаптации в процессе познания. Закономерным результатом процессов

²Canas JJ, Fajardo I, Salmeron L. Cognitive flexibility // Intern. encycl. of ergonomics and human factors / ed. by W. Karwowski. Boca Raton : CRC Press, 2006. P. 297–300. DOI: 10.13140/2.1.4439.6326.

познания (широкий подход) и решения проблем (узкий подход) является теоретическая модель развития ригидности и гибкости как когнитивно-личностного континуума, включающего в себя совокупность частных (парциальных) теоретических обоснований и научных направлений.

Библиографические ссылки

1. Лобанов АП. *Психология интеллекта и когнитивных стилей*. Минск: Агентство Владимира Гревцова; 2008. 296 с.
2. Виленская ГА, Сергиенко ЕА. Социально-когнитивное развитие в раннем возрасте. В: Брушлинский АВ, Сергиенко ЕА, редакторы. *Ментальная репрезентация: динамика и структура*. Москва: Институт психологии РАН; 1998. с. 199–216.
3. Пиаже Ж. *Избранные психологические труды*. Москва: Международная педагогическая академия; 1994. 680 с.
4. Пиаже Ж. *Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология*. Садовский ВН, Юдин ЭГ, редакторы, составители. Москва: Просвещение; 1969. 659 с.
5. Cacioppo JT, Petty RE. The need for cognition. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1982;42(1):116–131. DOI: 10.1037/0022-3514.42.1.116.
6. Сеченов ИМ. *Элементы мысли*. Санкт-Петербург: Питер; 2001. 416 с.
7. Кольцова ВА, Ждан АН. Учение И. М. Сеченова о рефлексах головного мозга: манифест русской объективной психологии. *Психологический журнал*. 2015;36(2):70–77.
8. Степанов АИ. Психологические коннотации темпоральных скачков: от книжной культуры к современной. *Мир психологии*. 2011;2:222–228.
9. Маклюэн ГМ. *Галактика Гутенберга: становление человека печатающего*. Москва: Академический проект; 2005. 496 с.
10. Маклюэн ГМ. *Понимание медиа: внешние расширения человека*. Николаев В, переводчик. Москва: Канон-Пресс-Ц; 2003. 464 с.
11. Guilford JP. Three faces of intellect. *American Psychologist*. 1959;14(8):469–479. DOI: 10.1037/h0046827.
12. Халперн Д. *Психология критического мышления*. Малыгин Н, Рысев С, Царук Л, переводчики. Санкт-Петербург: Питер; 2000. 505 с.
13. Годфруа Ж. *Что такое психология. Том 1*. Алипов НН, Пегелау АВ, Эстрина ТЯ, переводчики. Москва: Мир; 1996. 496 с.
14. Холодная МА. *Когнитивные стили. О природе индивидуального ума*. Санкт-Петербург: Питер; 2004. 384 с.
15. Rokeach M. *The open and closed mind: investigations into the nature of belief systems and personality systems*. New York: Basic Books; 1960. 447 p.
16. Русалов ВМ. *Темперамент в структуре индивидуальности человека: дифференциально-психофизиологические и психологические исследования*. Москва: Москва: Институт психологии РАН; 2012. 528 с.
17. Канеман Д. *Думай медленно... решай быстро*. Москва: АСТ; 2021. 653 с.
18. Величковский БМ. *Когнитивная наука: основы психологии познания. Том 1*. Москва: Смысл; 2006. 448 с.
19. Канеман Д. *Внимание и усилие*. Гусев АН, редактор. Москва: Смысл; 2006. 287 с.
20. Осаволюк ЕЮ, Кургинян СС. Когнитивная гибкость личности: теория, измерение, практика. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2018;15(1):128–144. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-1-128-144.
21. Spiro RJ, Jehng JC. Cognitive flexibility and hypertext: theory and technology for the nonlinear and multidimensional traversal of complex subject matter. In: Nix D, Spiro RJ, editors. *Cognition, education, and multimedia: exploring ideas in high technology*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates; 1990. p. 163–205.
22. Portoghese I, Lasio M, Conti R, Mascia ML, Hitchcott P, Agus M, et al. Cognitive flexibility inventory: factor structure, invariance, reliability, convergent, and discriminant validity among Italian university students. *PsyCh Journal*. 2020;9(6):934–941. DOI: 10.1002/pchj.401.
23. Dennis JP, Vander Wal JS. The cognitive flexibility inventory: instrument development and estimates of reliability and validity. *Cognitive Therapy and Research*. 2010;34:241–253. DOI: 10.1007/s10608-009-9276-4.

References

1. Lobanov AP. *Psikhologiya intellekta i kognitivnykh stilei* [Psychology of intelligence and cognitive styles]. Minsk: Agentstvo Vladimira Grevtsova; 2008. 296 p. Russian.
2. Vilenskaya GA, Sergienko EA. [Social and cognitive development in early life]. In: Brushlinskii AV, Sergienko EA, editors. *Mental'naya reprezentatsiya: dinamika i struktura* [Mental representation: dynamics and structure]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 1998. p. 199–216. Russian.
3. Piaget J. *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya; 1994. 680 p. Russian.
4. Piaget J. *Izbrannye psikhologicheskie trudy. Psikhologiya intellekta. Genezis chisla u rebenka. Logika i psikhologiya* [Selected psychological works. Psychology of intelligence. The genesis of number in the child. Logic and psychology]. Sadovskii VN, Yudin EG, editors, compilers. Moscow: Prosveshchenie; 1969. 659 p. Russian.
5. Cacioppo JT, Petty RE. The need for cognition. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1982;42(1):116–131. DOI: 10.1037/0022-3514.42.1.116.
6. Sechenov IM. *Elementy mysli* [Elements of mind]. Saint Petersburg: Piter; 2001. 416 c.
7. Kol'tsova VA, Zhdan AN. I. M. Sechenov's theory «reflexes of the brain»: manifest of Russian objective psychology. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2015;36(2):70–77. Russian.
8. Stepanov AI. Psychological connotations of temporal leaps: from book culture to modern culture. *Mir psikhologii*. 2011;2:222–228. Russian.

9. McLuhan HM. *Galaktika Gutenberga: stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [Gutenberg's galaxy: becoming a typing man]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2005. 496 p. Russian.
10. McLuhan HM. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding media: the external extensions of man]. Nikolaev V, translator. Moscow: Kanon-Press-Ts; 2003. 464 p. Russian.
11. Guilford JP. Three faces of intellect. *American Psychologist*. 1959;14(8):469–479. DOI: 10.1037/h0046827.
12. Halpern D. *Psikhologiya kriticheskogo myshleniya* [The Psychology of critical thinking]. Malygin N, Rysev S, Tsaruk L, translators. Saint Petersburg: Piter; 2000. 505 p. Russian.
13. Godefroid J. *Chto takoe psikhologiya. Tom 1* [What is Psychology. Volume 1]. Alipov NN, Pegelau AV, Estrina TYa, translators. Moscow: Mir; 1996. 496 p. Russian.
14. Kholodnaya MA. *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. On the nature of the individual mind]. Saint Petersburg: Piter; 2004. 384 p. Russian.
15. Rokeach M. *The open and closed mind: investigations into the nature of belief systems and personality systems*. New York: Basic Books; 1960. 447 p.
16. Rusalov VM. *Temperament v strukture individual'nosti cheloveka: differentsial'no-psikhofiziologicheskie i psikhologicheskie issledovaniya* [Temperament in the structure of human individuality: differential-psychophysiological and psychological research]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2012. 528 p. Russian.
17. Kaneman D. *Dumai medlenno... reshai bystro* [Think slow... decide fast]. Moscow: AST; 2021. 653 p. Russian.
18. Velichkovskii BM. *Kognitivnaya nauka: osnovy psikhologii poznaniya. Tom 1* [Cognitive science: fundamentals of the psychology of cognition. Volume 1]. Moscow: Smysl; 2006. 448 p.
19. Kahneman D. *Attention and effort*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall; 1973. 253 p. Russian edition: Kahneman D. *Vnimanie i usilie*. Gusev AN, editor. Moscow: Smysl; 2006. 287 p. Russian.
20. Osavolyuk EYu, Kurginyan SS. Person's cognitive flexibility: theory, measurement, and practice. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2018;15(1):128–144. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-1-128-144.
21. Spiro RJ, Jehng JC. Cognitive flexibility and hypertext: theory and technology for the nonlinear and multidimensional traversal of complex subject matter. In: Nix D, Spiro RJ, editors. *Cognition, education, and multimedia: exploring ideas in high technology*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates; 1990. p. 163–205.
22. Portoghese I, Lasio M, Conti R, Mascia ML, Hitchcott P, Agus M, et al. Cognitive flexibility inventory: factor structure, invariance, reliability, convergent, and discriminant validity among Italian university students. *PsyCh Journal*. 2020;9(6): 934–941. DOI: 10.1002/pchj.401.
23. Dennis JP, Vander Wal JS. The cognitive flexibility inventory: instrument development and estimates of reliability and validity. *Cognitive Therapy and Research*. 2010;34:241–253. DOI: 10.1007/s10608-009-9276-4.

Статья поступила в редакцию 03.02.2023.
Received by editorial board 03.02.2023.

ПРОБЛЕМА СИМВОЛИЧЕСКОГО ОПОСРЕДСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОНИМАНИЯ У ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

П. А. АБАКУМОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отражена проблема социального понимания и использования для этого символов у взрослых людей с противоправным поведением. Способность объяснять и предсказывать поведение других людей, понимать их психическое состояние, убеждения и желания известна как модель психического (*theory of mind*). Социальное понимание основано на считывании и интерпретации символических проявлений активности человека. В работах отечественных и зарубежных авторов оно исследовалось преимущественно для описания нарушений психического развития у людей с аутизмом, депрессией и у лиц с нарушением слуха, а также анализировалось у личностей в аспекте старения. Однако социальное понимание не было изучено у лиц, совершивших правонарушения и преступления. Оно обуславливает качество и характер взаимодействия между людьми, вследствие чего нарушение модели психического может играть роль в формировании противоправного поведения. Проблематику символически опосредованного социального понимания важно рассматривать как у правонарушителей, так и у преступников для возможной ранней коррекции и антиципации противоправного поведения.

Ключевые слова: социальное понимание; модель психического; символическое опосредствование; символ; делинквентное поведение.

THE PROBLEM OF SYMBOLIC MEDIATION OF SOCIAL UNDERSTANDING IN PERSONS WHO HAVE COMMITTED OFFENSES

P. A. ABAKUMOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The ability to explain and predict the behaviour of other people, to understand their mental states, beliefs, desires is known as the theory of social understanding or the theory of mind. Social understanding is based on the reading and interpretation of symbolic manifestations of human activity. In the works of domestic and foreign authors, it was considered mainly to describe mental development disorders in autism, hearing disorders, in people with depression, and in connection with aging. However, it do not has been studied in persons who have committed offenses and crimes. Social understanding determines the quality and nature of social interaction, as a result, violation of the mental model can play a role in the formation of illegal behaviour. It is important to consider the problem of symbolically mediated social understanding in both offenders and criminals for possible early correction and anticipation of illegal behaviour.

Keywords: social understanding; theory of mind; symbolic mediation; symbol; delinquent behaviour.

Образец цитирования:

Абакумова ПА. Проблема символического опосредствования социального понимания у лиц, совершивших правонарушения. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;2:93–98. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-93-98>

For citation:

Abakumova PA. The problem of symbolic mediation of social understanding in persons who have committed offenses. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;2:93–98. Russian. <https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-93-98>

Автор:

Полина Александровна Абакумова – аспирантка кафедры общей и медицинской психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор А. М. Поляков.

Author:

Polina A. Abakumova, postgraduate student at the department of general and medical psychology, faculty of philosophy and social sciences. laitera@mail.ru

Введение

Социальное понимание в работах отечественных и зарубежных авторов рассматривалось преимущественно для описания нарушений психического развития у людей с аутизмом, депрессией и у лиц с нарушением слуха, а также анализировалось у личностей в аспекте старения. Однако этот феномен мало исследовался у личностей, склонных к совершению противоправных действий. Кроме того, исследование психологического портрета индивидов с делинквентным поведением позволяет сделать предположение о недостаточно развитой у них модели психического (*theory of mind*) [1, с. 215]. Эта недостаточность обуславливает появление препятствий в понимании ментальных состояний Другого и своих ментальных состояний, образование трудностей в определении выводов о поведении и мотивах, искаженное считывание символов и отсутствие возможности объективно оценить свои действия и предугадать чувства и эмоции других людей, что может привести к совершению правонарушений.

Дж. Генри с коллегами выделили такие компоненты социального познания, как социальная перцепция, каузальная атрибуция, эмпатия и модель психического [2, с. 39]. В литературе встречаются следующие определения модели психического: теория психического, социальное понимание и понимание другого сознания. Изучением рассматриваемого феномена занимались отечественные и зарубежные авторы: Е. А. Сергиенко, Е. И. Лебедева, О. А. Прусакова, А. Лешли, Э. Мелтфоз, К. Мур, А. Гопник, Дж. Герберт, Г. Гейне, Й. Пернер, Ч. Фенихоу, М. Томаселло, М. Шелер и Э. Гуссерль [3–7]. Способность объяснять и предсказывать поведение других людей, а также приписывать им психические состояния, убеждения и желания известна как теория социального понимания. Теория психического возникла как синтез ряда направлений – аналитической эпистемологии, философии, когнитивной психологии, семиотики и культурологии. Представляя собой междисциплинарную область знания, она является сложной для изучения и многогранной.

Основная часть

Социальное понимание включает восприятие и понимание человеком эмоций, ощущений, убеждений и мотивов других индивидов. Коммуникация с людьми невозможна без социального понимания.

Одним из определяющих аспектов человеческого взаимодействия является то, как люди понимают и используют знаки и символы. Именно по этой причине в настоящей статье изучается символически опосредованное социальное понимание. При взаимодействии с людьми человек реагирует на их жесты, мимику и интонацию, считывая и интерпретируя их. Восприятие происходит посредством считывания вербального и невербального каналов. Как писал Ф. Ницше, «наиболее понятным в языке бывает не само слово, а тон, ударение, модуляция, темп с которым произносится слово, то есть все то, что стоит за словом»¹. Символы выражают реальность, в то время как знаки заменяют или обозначают определенные элементы реальности. Процесс расшифровки знака происходит на уровне антиципации, что в теории М. Хайдеггера называется «пониманием друг друга без лишних слов» (*Mitsein*) [7, с. 31], при этом расшифровывается часть реальности, кодируемая теми же средствами, которые доступны человеку в его культуре. Так, кивок головы в контексте нашей культуры считывается как согласие. У детей символические действия указывают на то, что ребенок разделяет реальное и воображаемое, а это есть фактор модели психического. Интерпре-

тация символов может быть недостоверной или вызывать трудности. Изучение символически опосредованного социального понимания позволяет объективировать его закономерности и осознать трудности, с которыми сталкивается человек при взаимодействии с другими людьми.

Изначально личность не рождается со способностью понимания других людей и взаимодействия с ними. Она обучается этому в процессе социализации, включения в общественную жизнь. По мере взросления происходит развитие и усложнение модели психического.

Ввиду различных причин механизм социализации может быть нарушен. Социальная дезадаптация личности происходит как следствие следующих возможных факторов: проживания в неблагополучной семье или отсутствия семьи, дисфункционального воспитания в институциональных учреждениях (школа, детский сад, интернат или детский дом), а также воздействия внешней асоциальной среды [8]. Ребенок, который в процессе социализации не прошел стадию адаптации, в дальнейшем не может быть этому обучен². Изоляция наблюдается у детей, воспитывающихся в семьях, где их законные представители имеют алкогольную и наркотическую зависимости. Такие родители, например, могут препятствовать получению образования ребенка, что не дает ему в полной мере пройти стадию адаптации и включиться в общественную жизнь.

¹Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации : учеб. пособие. СПб. : Изд-во В. А. Михайлова, 2002. С. 197.

²Месникович С. А. Личность и ее социализация : лекции. М., 2020. С. 21.

Т. В. Иванова выделила следующие характеристики социальной дезадаптации: отсутствие профессиональной направленности, отсутствие полезных навыков и умений, несоответствие психологического возраста физическому, сопротивление воспитательным действиям, а также отчужденность и ограниченность сфер социальных интересов [9, с. 145].

Самореализация при нарушенной социализации во взрослом возрасте осуществляется деструктивно, так как внутренний потенциал невозможно направить конструктивно.

Модель психического представлена когнитивным и аффективным компонентами. Первый компонент включает понимание мотивов, планов, намеков, обмана и иронии. Второй компонент обеспечивает понимание эмоционального состояния [10]. А. А. Брудный указывал на то, что в ходе взаимодействия субъекта с объектом создается модель данного объекта, и это способствует пониманию. Он писал: «Понимание есть последовательное изменение структуры воссоздаваемой в сознании ситуации и перемещение мысленного центра ситуации от одного ее элемента к другому» [11, с. 15]. П. Н. Джонсон-Лэйрд выдвигал идею, согласно которой понимание происходит при соотнесении с мысленными моделями, формирующими представление о ситуациях. Исходя из этого, теорию другого сознания исследователи изучают именно как модель, т. е. как систему концептуализации знаний о психическом состоянии Другого и о своем психическом состоянии.

В настоящий момент существуют работы, в которых исследуется модель психического у детей младенческого возраста, дошкольников, младших и старших школьников, личностей в период зрелости, в пожилом и старческом возрасте, а также выявляются факторы, влияющие на развитие этой модели. Ключевые показатели модели психического у детей дошкольного возраста представлены следующими способностями: пониманием ложных убеждений первого порядка (умение предугадать то, как человек будет себя вести в определенной ситуации), источника знаний, эмоций, перспектив, желаний, а также различием реального и выдуманного [2, с. 87–100]. Известным тестом на развитие модели психического в этом возрасте стал тест «Салли – Энн», усовершенствованный С. Бароном-Коэном, А. М. Лесли и У. Фритом и иллюстрирующий способность приписывать ложные убеждения [6]. После дошкольного возраста происходит усложнение модели, появляются способности понимать ложные убеждения второго порядка (предугадывание того, что один человек думает о том, что думает другой), понимать эмоции и намерения второго порядка и использовать термины для описания ментальных состояний среди сверстников [2, с. 297–304; 12, с. 64]. Развитие социального понимания продолжается и в период зрелости [2; 13; 14]. В пожилом и старческом возрасте

может происходить изменение социального понимания в сторону его ухудшения [10].

Модель психического необходима для полноценного существования в обществе. Косвенным подтверждением этого являются исследования нарушений социального понимания при различных вариантах аномального развития нарушений психики. Так, при объяснении аутизма с позиции модели психического предполагается, что у людей утрачивается возможность представлять внутренние переживания других людей, и это приводит к нарушению способности социального взаимодействия, появлению трудностей в следовании нормам и соблюдении правил [5, с. 4; 15, с. 114].

Исследования, участниками которых были женщины с рекуррентным депрессивным расстройством, показали, что они хуже справляются с заданиями, направленными на социальное понимание, хуже, чем женщины из контрольной группы, дифференцируют эмоциональное состояние другого человека [16].

Для больных шизофренией характерно снижение точности в распознавании эмоций и эмоциональных состояний по голосу и позе, при этом они могут воспринимать состояние Другого, но не выстраивают взаимоотношения, ориентируясь на эмоции Другого [17].

Некоторые исследования указывают на взаимосвязь возрастных изменений и социального понимания. Так, у личностей в возрасте 61–86 лет наблюдается дефицит модели психического, по сравнению с людьми в возрасте 21–35 лет [10, с. 115]. Благодаря полученным результатам С. Лисси и С. Боттироли разработали программу обучения модели психического в пожилом и старческом возрасте.

У детей с нарушением слуха после кохлеарной имплантации наблюдается фрагментарный дефицит модели психического, т. е. они не могут приписывать психические состояния Другому, основываясь на полученной информации, например, по выражению лица и взгляду [18]. Дети с нарушением слуха могут воспринимать информацию, однако у них не сформирован механизм, позволяющий понимать ее смысл.

При изучении социального взаимодействия у пациентов с поражениями сосудистого генеза (поражение базальных ядер, двустороннее поражение лобных долей, поражение лобно-височной и височно-теменной области левого или правого полушария) выявлено, что они в состоянии понять социальную ситуацию. Однако тогда, когда эти индивиды оказываются в аналогичной ситуации, они выбирают неверные пути ее решения [19].

Подростки с делинквентным поведением не способны определить причины поведения Другого. Они также испытывают затруднения при ответах на вопросы, касающиеся распознавания эмоций.

Такие подростки называют физическое ощущение или эмоцию, но не могут глубинно описать чувства [20, с. 417].

Нарушение социального понимания проявляется в том, что индивид не может влиять на внимание другой личности, существенно затрудняется в определении обмана, а также в подражании кому-либо и, как следствие, не умеет ставить себя на место другого человека и смотреть на себя со стороны. Кроме того, ему сложно распознавать эмоциональные состояния и чувства других людей, определять мотивы говорящего и понимать социальный контекст и соответствующие ему намерения, чувства и эмоции [21–25].

В соответствии с этими особенностями можно предположить, что у лиц, совершающих правонарушения, наблюдаются признаки нарушения социального понимания. Они создают препятствие в понимании ментальных состояний Другого и своих ментальных состояний, что приводит к искаженному считыванию символов, появлению трудностей в определении выводов о поведении и мотивах личности, отсутствию возможности объективно оценить свои действия и предугадать чувства и эмоции других людей.

Противоправное поведение – своеобразная форма взаимодействия субъекта с внешним миром. Исследования, направленные на изучение делинквентного поведения и личностных особенностей правонарушителей, отчасти подтверждают гипотезу о наличии причинно-следственной связи противоправного поведения и нарушения социального понимания [21, с. 99].

Рассматривая проблематику правонарушений у взрослых людей, психологи работают с последствиями нарушения развития, так как не могут в полной мере наблюдать за развитием личности. Противоправное поведение происходит вследствие таких факторов, как условия жизни и воспитания, конкретные ситуации и условия, которые могли бы этому способствовать. Правонарушители и законопослушные граждане отличаются ценностно-нормативной системой и устойчивыми психологическими особенностями, сочетание которых имеет специфичное значение. У законопослушной личности преобладают адекватные социальные потребности и интересы, в то время как для правонарушителей характерно ослабление комплекса социально полезных потребностей или проявление их искаженного характера [21, с. 98].

Заключение

Склонность к совершению противоправных действий может быть объяснена нарушением развития социального понимания, так как оно обуславливает качество и характер социального взаимодействия. Нарушение понимания Другого приводит к неспособности следовать существующим нормам и правилам, понимать других людей и их чувства, что, в свою очередь, обуславливает затруднение при проявлении эмпатии и выстраивании приемлемых поведенческих стратегий. Недостаточность модели психического у лиц с делинквентным поведением может иметь значение для описания механизмов нарушения развития.

Можно выдвинуть гипотезу, согласно которой у лиц, совершивших правонарушения, наблюдается недостаточность модели психического. Основанием этого служит предположение о наличии затруднений при понимании скрытых смыслов и искажен-

ном понимании мотивов поведения других людей, а также их эмоциональных состояний. У личностей, совершивших правонарушения, снижается точность в распознавании эмоций, появляются трудности при описании чувств и проявлении сопереживания, сочувствия и эмпатии по отношению к другому человеку, что не позволяет понять смысл происходящего, который оно приобретает для другого индивида.

Изучение особенностей социального понимания у людей, совершивших правонарушения, позволит узнать особенности их понимания ментальных состояний других личностей. Анализ данной проблематики даст возможность перейти к прогнозированию поведенческих паттернов взрослых лиц, совершивших правонарушения, в целях их дальнейшей психокоррекции для эффективной социализации в рамках современного общества.

Библиографические ссылки

1. Мамардашвили МК, Пятигорский АМ. *Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании*. Сенокосов ЮП, редактор. Москва: Языки русской культуры; 1997. 288 с.
2. Сергиенко ЕА, Уланова АЮ, Лебедева ЕИ. *Модель психического: структура и динамика*. Москва: Институт психологии РАН; 2020. 503 с.
3. Аппе Ф. *Введение в психологическую теорию аутизма* [Интернет]. Ермолаев ДВ, переводчик. Москва: Теревинф; 2016 [процитировано 2 марта 2023 г.]. Доступно по: https://www.osoboopravo.ru/files/book/file/vvedenie_v_pshh_teoriyu_autizma.pdf.
4. Гуссерль Э. *Картезианские медитации*. Молчанов ВИ, переводчик. Москва: Академический проект; 2010. 229 с.
5. Baron-Cohen S, Wheelwright S, Hill J, Raste Y, Plumb I. The «Reading the mind in the eyes» test revised version: a study with normal adults, and adults with Asperger syndrome or high-functioning autism. *Child Psychology and Psychiatry*. 2001;42(2):241–251.

6. Perner J, Frith U, Leslie AM, Leekam SR. Exploration of the autistic child's theory of mind: knowledge, belief, and communication. *Child Development*. 1989;60(3):688–700.
7. Евстропов МН. Социальная онтология Густава Шпета и проблема эмпатии в феноменологии. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2015;4:26–35.
8. Луцюк ЛЮ. Социальная дезадаптация подростков, склонных к девиантному поведению, в условиях общеобразовательной школы. В: Ситов ИС, редактор. *Гуманитарные и социальные проблемы развития регионов Сибири. XXVII Межвузовская научная конференция; 19 апреля 2018 г.; Братск, Россия*. Братск: БрГУ; 2018. с. 63–66.
9. Иванова ТВ. Социальная и педагогическая запущенность подростка как проблема современного общества. *Вопрос современной науки и практики. Университет имени В. И. Вернадского*. 2011;4:142–148.
10. Мелёхин АИ. Программа развития модели психического (theory of mind) в поздних возрастах. *Клиническая и специальная психология*. 2015;4(1):110–123.
11. Брудный АА. *Психологическая герменевтика*. Москва: Лабиринт; 1998. 336 с.
12. Люсин ДВ, Ушаков ДВ, редакторы. *Социальный интеллект: теория, измерение, исследования*. Москва: Институт психологии РАН; 2004. 176 с.
13. Сергиенко ЕА. Модель психического как новая исследовательская парадигма когнитивной психологии. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015;157(книга 4):265–279.
14. Сергиенко ЕА, Лебедева ЕИ, Прусакова ОА. *Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека*. Москва: Институт психологии РАН; 2009. 415 с.
15. Туревская РА, Пленковская АА. Развитие модели психического у детей школьного возраста с расстройствами аутистического спектра. *Консультативная психология и психотерапия*. 2021;29(1):112–131.
16. Румянцева ЕЕ, Ломакина ВА, Зверева НВ, Телешова ЕС. Модель психического (theory of mind) и ее особенности у женщин с депрессиями. *Психиатрия*. 2014;2:53–59.
17. Румянцева ЕЕ, Зверева НВ, Каледа ВГ, Бархатова АН. Некоторые особенности модели психического у больных шизофренией юношеского возраста. В: Барабанщиков ВА, Носуленко ВН, Самойленко ЕС, редакторы. *Познание в деятельности и общении: от теории и практики к эксперименту. Всероссийская научная конференция; 13–14 октября 2011 г.; Москва, Россия*. Москва: Институт психологии РАН; 2011. с. 304–311.
18. Смирнова ЯК. Особенности развития модели психического у дошкольников с нарушением слуха. *Клиническая и специальная психология*. 2021;10(2):124–144. DOI: 10.17759/cpse.2021100208.
19. Шипкова КМ, Малюкова НГ. Нарушение «модели психического» у больных с локальными поражениями. *Обзорные психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева*. 2017;2:64–70.
20. Гартвик ЕВ. Дефицит модели психического как фактор делинквентного поведения подростков в условиях дисфункциональной семьи. *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. 2021;6:415–419. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2021.6.p415-419.
21. Бабушкин ГД, Караваев АФ. Психология правонарушающего поведения. *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 1996;1(3):97–100.
22. Бэкхёрст Д. О понятии опосредствования. *Культурно-историческая психология*. 2007;3(3):61–66.
23. Выготский ЛС. *Психология искусства*. Москва: Искусство; 1968. 576 с.
24. Филатов ВП. Социальное понимание и проблема «другого сознания». *Эпистемология и философия науки*. 2020;57(4):6–22. DOI: 10.5840/eps202057453.
25. Дешарне Б, Нефонтен Л. *Символ*. Нагле ИЛ, переводчик. Москва: Астрель; 2007. 190 с.

References

1. Mamardashvili MK, Pyatigorskii AM. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii* [Symbol and consciousness. Metaphysical reasoning about consciousness]. Senokosov YuP, editor. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1997. 288 p. Russian.
2. Sergienko EA, Ulanova AY, Lebedeva EI. *Model' psikhicheskogo: struktura i dinamika* [Model of the mental: structure and dynamics]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2020. 503 p. Russian.
3. Appe F. *Introduction to the psychological theory of autism* [Internet]. Ermolaev DV, translator. Moscow: Terevinf; 2016 [cited 2023 March 2]. Available from: https://www.osoboopravo.ru/files/book/file/vvedenie_v_psih_teoriyu_autizma.pdf. Russian.
4. Husserl E. *Kartezianskie meditatsii* [Cartesian meditations]. Molchanov VI, translator. Moscow: Akademicheskii proekt; 2010. 229 p. Russian.
5. Baron-Cohen S, Wheelwright S, Hill J, Raste Y, Plumb I. The «Reading the mind in the eyes» test revised version: a study with normal adults, and adults with Asperger syndrome or high-functioning autism. *Child Psychology and Psychiatry*. 2001;42(2):241–251.
6. Perner J, Frith U, Leslie AM, Leekam SR. Exploration of the autistic child's theory of mind: knowledge, belief, and communication. *Child Development*. 1989;60(3):688–700.
7. Evstropov MN. Social ontology of Gustav Shpet and the problem of empathy in phenomenology. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2015;4:26–35. Russian.
8. Lutsyuk LY. [Social maladaptation of adolescents prone to deviant behaviour in the conditions of a secondary school]. In: Sotov IS, editor. *Gumanitarnye i sotsial'nye problemy razvitiya regionov Sibiri. XXVII Mezhvuzovskaya nauchnaya konferentsiya; 19 aprelya 2018 g.; Bratsk, Rossiya* [Humanitarian and social problems of development of Siberian regions. 27th Inter-university scientific conference; 2018 April 19; Bratsk, Russia]. Bratsk: Bratsk State University; 2018. p. 63–66. Russian.
9. Ivanova TV. Social and educational neglect of teenagers as the problem of modern society. *Problems of Contemporary Science and Practice. Vernadsky University*. 2011;4:142–148. Russian.
10. Melekhin AI. Training theory of mind in old age. *Clinical Psychology and Special Education*. 2015;4(1):110–123.
11. Brudnyi AA. *Psikhologicheskaya hermenevtika* [Psychological hermeneutics]. Moscow: Labirint; 1998. 336 p. Russian.
12. Lyusin DV, Ushakov DV, editors. *Sotsial'nyi intellekt: teoriya, izmerenie, issledovaniya* [Social intelligence: theory, measurement, research]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2004. 176 p. Russian.

13. Sergienko EA. [Model of the mental as a new research paradigm of cognitive psychology]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2015;157(book 4):265–279. Russian.
14. Filatenko EA, Lebedeva EI, Prusakova OA. *Model' psikhicheskogo kak osnova stanovleniya ponimaniya sebya i drugogo v ontogeneze cheloveka* [The model of the mental as the basis for the formation of understanding of oneself and the other in human ontogenesis]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2009. 415 p. Russian.
15. Turevskaya RA, Plenskovskaya AA. Theory of mind development in school children with autism spectrum disorders. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2021;29(1):112–131. Russian.
16. Rumyantseva EE, Lomakina VA, Zvereva NV, Teleshova ES. Theory of mind and its features in women with depressive disorders. *Psikhiatriya*. 2014;2:53–59. Russian.
17. Rumyantseva EE, Zvereva NV, Kaleda VG, Barkhatova AN. [Some features of the mental model in adolescent patients with schizophrenia]. In: Barabanshchikov VA, Nosulenko VN, Samoilenko ES, editors. *Poznanie v deyatelnosti i obshchenii: ot teorii i praktiki k eksperimentu. Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya; 13–14 oktyabrya 2011 g.; Moskva, Rossiya* [Cognition in activity and communication: from theory and practice to experiment. All-Russian scientific conference; 2011 October 13–14; Moscow, Russia]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2011. p. 304–311. Russian.
18. Smirnova YaK. Theory of mind development in preschoolers with hearing impairment. *Clinical Psychology and Special Education*. 2021;10(2):124–144. Russian. DOI: 10.17759/cpse.2021100208.
19. Shipkova KM, Malyukova NG. Violation of «theory of mind» in patients with local brain lesions. *V. M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*. 2017;2:64–70. Russian.
20. Gartvik EV. Deficit of the mental model as a factor of delinquent behavior of adolescents in the dysfunctional family. *Uchenye zapiski Universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2021;6:415–419. Russian. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2021.6.p415-419.
21. Babushkin GD, Karavaev AF. [Psychology of delinquent behaviour]. *Psikhopedagogika v pravoohranitel'nykh organakh*. 1996;1(3):97–100. Russian.
22. Beckhurst D. On the concept of mediation. *Cultural-Historical Psychology*. 2007;3(3):61–66. Russian.
23. Vygotskii LS. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of art]. Moscow: Iskusstvo; 1968. 576 p. Russian.
24. Filatov VP. Social understanding and the problem of «other mind». *Epistemology & Philosophy of Science*. 2020;57(4):6–22. Russian. DOI: 10.5840/eps202057453.
25. Desharnais B, Nefontin L. *Simvol* [Symbol]. Nagle IL, translator. Moscow: Astrel'; 2007. 190 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 29.03.2023.
Received by editorial board 29.03.2023.

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНО-СРАВНИТЕЛЬНОЙ РЕВНОСТИ

К. В. ЛЕПЕШКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализирована проблема личностной детерминации социально-сравнительной ревности. Выявлены поведенческие стратегии совладания с ситуацией социально-сравнительной ревности, а также индивидуально-личностные и когнитивно-мотивационные характеристики-предикторы, определяющие уровни значимости ситуации социально-сравнительной ревности и таких ее видов, как когнитивная и эмоциональная социально-сравнительная ревность.

Ключевые слова: социально-сравнительная ревность; индивидуально-личностные и когнитивно-мотивационные характеристики-предикторы.

PERSONAL DETERMINANTS OF SOCIO-COMPARATIVE JEALOUSY

K. V. LEPESHKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The problem of personal determination of socio-comparative jealousy is analysed. The individual-personal and cognitive-motivational characteristics-predictors determining the levels of significance of the situation of socio-comparative jealousy, cognitive and emotional socio-comparative jealousy, behavioural strategies of coping with the situation of socio-comparative jealousy are determined.

Keywords: socio-comparative jealousy; individual-personal and cognitive-motivational predictor characteristics.

Введение

Анализ литературы показывает, что ревность, как психологический феномен, изучается главным образом в контексте романтических и супружеских отношений и определяется в качестве страха потери значимых отношений с другим человеком (или результата реальной потери) из-за наличия существующего или воображаемого соперника. Однако реакция ревности присутствует не только в романтических отношениях, но и в ситуациях конкурен-

ции за атрибут, качество или навык. Такой тип ревности, в основе которой лежит процесс социального сравнения, получил название «социально-сравнительная ревность» [1; 2].

Под рассматриваемым феноменом чаще всего понимаются чувства, мысли и действия, возникающие у одного индивида, когда другой пользуется большим успехом и, следовательно, материальными и нематериальными преимуществами, а также

Образец цитирования:

Лепешко КВ. Личностные детерминанты социально-сравнительной ревности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023; 2:99–107.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-99-107>

For citation:

Lepeshko KV. Personal determinants of socio-comparative jealousy. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;2:99–107. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-99-107>

Автор:

Ксения Витальевна Лепешко – аспирантка кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

Author:

Kseniya V. Lepeshko, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
ksenia.lepeshko@gmail.com

достижениями. Однако следует отметить, что такое определение является плохо операционализированным, особенно в отношении психологических индикаторов переживания и поведения в этой ситуации [3]. В результате проведенного исследования [4] было установлено, что социально-сравнительная ревность возникает при высокой значимости ситуации социального сравнения и характеризуется совокупностью переживания негативных эмоций (прежде всего волнения, печали, гнева, отвращения, презрения), связанных между собой мыслей о незаслуженности, несправедливости, неправильности и необъективности существующих преимуществ другого индивида и комплексом действий, направленных на совладание со сложившейся ситуацией с помощью стратегий самосовершенствования, уравнивания или уклонения.

Результаты исследований детерминации социально-сравнительной ревности позволили констатировать, что, помимо социально-демографических, социально-психологических и ситуационных факторов, существует целый ряд личностных характеристик, которые так или иначе воздействуют на ее эскалацию или ингибицию. Так Б. Р. Бунк и Ф. Х. Гиббсонс [5], изучая процесс социального сравнения, предположили, что некоторые индивиды из-за своих личностных особенностей могут быть более склонны к социальному сравнению, чем другие. Многие авторы отмечают, что с проявлением социально-сравнительной ревности связаны определенные индивидуально-личностные факторы (низкий уровень самооценки, тревожность и депрессивность, склонность к сильным эмоциональным переживаниям и резкой смене настроения). Обнаружена отрицательная взаимосвязь между социально-сравнительной ревностью и уровнем самооценки [6; 7; 8], а также значимая положительная связь между людьми, склонными к ревности, и тревожностью, депрессивностью [5; 9; 10]. В работе [9] утверждается, что индивиды с высоким уровнем психотизма в большей степени демонстрируют потребность в социальном сравнении, и это обуславливает появление сильных эмоций гнева и ревности [9].

В других статьях [1; 11; 12] обнаружена положительная взаимосвязь между людьми, склонными к ревности, и такой чертой личности, как чувствительность.

Авторы исследований [13; 14] отмечают некоторые когнитивные и мотивационные факторы социально-сравнительной ревности (использование внутренней каузальной атрибуции, наличие самооэффективности, локуса контроля, а также мотивации достижения успеха и избегания неудач).

Было установлено, что объяснение неудачи через внутреннюю атрибуцию, а также через устойчивые причины вызывало у индивидов большую

ревность, чем объяснение неудачи через внешние причины [13].

А. Бандура [14] указывал на то, что самооэффективность согласуется с чертами личности, которые относятся к психологическим структурам, делающим поведенческие тенденции людей стабильными, устойчивыми и последовательными. Самооэффективность в значительной степени влияет не только на эффективность в решении проблем, но и на то, как человек относится к данным ситуациям и выбору, который он делает. Индивиды, обладающие высоким уровнем самооэффективности, с большей вероятностью будут рассматривать трудности как то, что необходимо преодолеть. Препятствия часто побуждают их к большим усилиям. Люди с низким уровнем самооэффективности думают, что данная задача сложнее, чем она есть на самом деле. В свою очередь, это усиливает стресс и в итоге приводит к разочарованию.

Результаты исследования Ли Ю [15] показывают, что самооэффективность влияет на то, как индивиды обрабатывают информацию о восходящих социальных сравнениях. Так, человек с высоким уровнем самооэффективности, сталкиваясь с восходящим сравнением в социальных сетях, верит в то, что благодаря его усилиям однажды он сможет стать лучше, чем другие люди. Однако, когда индивид с низким уровнем самооэффективности сравнивает себя с объектом, имеющим некоторые преимущества, он чувствует, что его возможности слишком ограничены для достижения такого же уровня жизни. Это доказывает, что личность с низким уровнем самооэффективности больше склонна к эмоциям зависти и депрессии в процессе восходящего социального сравнения.

Исследования К. Кармоны и ее коллег [16] показали, что индивиды, которые активно вовлекаются в восходящие социальные сравнения и идентифицируют себя с объектом сравнения, будут предполагать, что они могут достичь уровня и положения данного объекта, и это связано с высокой самооэффективностью и лучшей производительностью. Личности, которые склонны к нисходящим сравнениям, имеют низкий уровень самооэффективности и худшие показатели продуктивности, поскольку они думают, что ситуация неуспешных *Других* представляет собой возможное *Я* для них самих.

В работе [13] установлена взаимосвязь социально-сравнительной ревности и локуса контроля. Люди с внутренним локусом контроля, которые связывали неудачу с негативными чертами своей личности, а успех другого – с позитивными чертами субъекта, отмечали негативное влияние на самооценку, что способствовало развитию большей ревности, чем у индивидов с внешним локусом контроля. Внутренняя стабильная атрибуция по сравнению с не-

стабильной усиливает угрозу для самооценки, поскольку указывает на то, что ситуация не является случайной, а отражает устойчивую самооценку. Таким образом, внутренняя устойчивая атрибуция может усугубить социально-сравнительную ревность.

Так, К. Кармона и ее коллеги [16], изучая личностей с разной мотивацией социального сравнения, обнаружили, что индивиды с мотивацией избегания неудач были больше ориентированы на нисходящее социальное сравнение. Чем сильнее они пытались предотвратить неудачи, тем больше были обеспокоены тем, что могут оказаться такими же, как объект нисходящего сравнения. Эти результаты свидетельствуют о том, что индивиды с мотивацией избегания неудач более уязвимы к социальному сравнению. Также было замечено, что мотивация достижения успеха взаимосвязана только с восходящим социальным сравнением, т. е. чем больше индивиды сосредоточивались на достижении, тем больше они были уверены в достижении такого же уровня, как у объекта сравнения.

В работе [17] продемонстрировано, что мотивация достижения положительно взаимосвязана с результативностью и достижением цели. Кроме того, мотивация избегания неудач снижает результативность и вероятность достижения цели. Авторы исследования [18] показали, что мотивация достижения имеет положительную корреляцию с восходящим сравнением и что эта связь опосредована мотивацией к самосовершенствованию. Также было выявлено, что опыт неудач побуждает индивидов с мотивацией достижения успеха улучшить себя и в большей степени участвовать в восходящем сравнении.

Материалы и методы исследования

В качестве диагностических материалов в исследовании были использованы методика оценки ситуации провокации ревности социального сравнения И. А. Фурманова и К. В. Лепешко [21], методика «Большая пятерка» в адаптации А. Б. Хромова¹, методика «Когнитивная ориентация (локус контроля)» Дж. Роттера² для оценки экстернальности и интернальности, методика, предложенная М. Шеером и его коллегами [22], в модификации Л. Бояринцевой [23] для оценки самооффективности в предметной деятельности и межличностном общении, опросник «Мотивация успеха и боязнь неудачи»³ для оценки мотивации успеха (надежда на успех) и неудачи (боязнь неудачи), а также методика «Мотивация аффилиации» А. Мехрабиана в модифика-

Если индивид не уверен в своем мнении и объективные критерии для проверки этого мнения отсутствуют, он испытывает потребность в социальном сравнении [19]. Таким образом, личность начнет искать тех, с кем можно себя сравнить, и стремление к аффилиации будет самым сильным по отношению к тем индивидам, чье мнение считается правильным.

Б. Ф. Гордон [20] обнаружил, что сильное стремление к аффилиации возникало в тот момент, когда человек был не уверен в правильности своего мнения, а мнение других считалось близким и действительным или когда он был уверен в правильности своего мнения, а мнения других были далеки и считались недействительными.

На основании анализа результатов вышеперечисленных исследований можно сделать заключение лишь о фрагментарности данных, которые оценивают и подтверждают влияние личностных факторов на переживание социально-сравнительной ревности. В свою очередь, работ, посвященных определению индивидуально-личностных и когнитивно-мотивационных характеристик как предикторов переживания социально-сравнительной ревности, в литературе не обнаружено. Исходя из этого, стремление к преодолению указанной фрагментарности исследований и к более основательному эмпирическому обоснованию личностной детерминации социально-сравнительной ревности стало базой для изучения профиля личности с различными индивидуально-личностными и когнитивно-мотивационными характеристиками, склонной к переживанию социально-сравнительной ревности.

ции М. Ш. Магомед-Эминова (см., например, [24]) для оценки стремления к принятию и страха отвержения.

В исследовании приняли участие 247 респондентов (137 мужчин и 110 женщин).

Использовался метод дискриминантного анализа, направленный на прогнозирование значения зависимой переменной и определение независимых переменных, обеспечивающих точность прогноза.

В настоящей работе для каждой зависимой переменной были сгенерированы дискриминантные функции (d), описывающие уровни индексов социально-сравнительной ревности, а также выделены дискриминантные личностные характеристики-предикторы.

¹Хромов А. Б. Пятифакторный опросник личности : учеб.-метод. пособие. Курган : Курган. гос. ун-т, 2000. 23 с.

²См.: Реан А. А. Психология и психодиагностика личности. Теория, методы исследования, практикум : учеб. пособие. СПб. : Прайм-Еврознак, 2006. 255 с.

³См.: Он же. Практическая психодиагностика личности : учеб. пособие. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 224 с.

Результаты и их обсуждение

По результатам статистической процедуры дискриминантного анализа определялась дискриминантная функция для каждой индивидуально-личностной и когнитивно-мотивационной характеристики, прогнозирующей уровни индексов различных компонентов социально-сравнительной ревности.

Дискриминантная функция, которая определяет уровень индекса значимости ситуации социально-сравнительной ревности, вычислялась по формулам:

$$d = (-1,728) + 0,291 (\text{напряженность}) + 0,177 (\text{любопытство}) - 0,285 (\text{понимание}),$$

$$d = 0,565 - 0,093 (\text{стремление к принятию}) + 0,03 (\text{самоэффективность в предметной деятельности}).$$

Дискриминантная функция, рассчитывающая уровень индекса когнитивной социально-сравнительной ревности, определялась по формулам:

$$d = (-1,712) + 0,235 (\text{самокритика}) + 0,225 (\text{поиск впечатлений}) + 0,192 (\text{эмоциональная лабильность}) - 0,234 (\text{сотрудничество}) - 0,229 (\text{депрессивность}) - 0,036 (\text{привлечение внимания}),$$

$$d = (-2,743) + 0,136 (\text{экстернальный локус контроля}) + 0,120 (\text{стремление к принятию}) - 0,023 (\text{самоэффективность в предметной деятельности}).$$

Дискриминантная функция, вычисляющая уровень индекса эмоциональной социально-сравнительной ревности, рассчитывалась по формулам:

$$d = (-0,335) + 0,253 (\text{тревожность}) + 0,148 (\text{настойчивость}) + 0,129 (\text{доминирование}) - 0,241 (\text{аккуратность}) - 0,240 (\text{ответственность}),$$

$$d = (-1,968) + 0,057 (\text{стремление к принятию}) + 0,119 (\text{страх отвержения}) - 0,021 (\text{самоэффективность в предметной деятельности}).$$

Дискриминантная функция, определяющая уровень индекса поведенческой стратегии самореализации социально-сравнительной ревности, вычислялась по формулам:

$$d = (-1,426) + 0,277 (\text{настойчивость}) + 0,190 (\text{пластичность}) - 0,269 (\text{сотрудничество}),$$

$$d = (-2,569) + 0,183 (\text{стремление к принятию}).$$

Дискриминантная функция, рассчитывающая уровень индекса реализации поведенческой стратегии уравнивания социально-сравнительной ревности, определялась по формуле:

$$d = (-2,127) + 0,241 (\text{артистичность}) + 0,192 (\text{настойчивость}) + 0,162 (\text{сензитивность}) - 0,283 (\text{сотрудничество}).$$

Дискриминантная функция, вычисляющая уровень индекса реализации поведенческой стратегии уклонения от ситуации социально-сравнительной ревности, рассчитывалась по формулам:

$$d = (-2,841) + 0,331 (\text{привлечение внимания}) + 0,247 (\text{самокритика}) - 0,291 (\text{мечтательность}),$$

$$d = (-1,614) + 0,108 (\text{стремление к принятию}) + 0,050 (\text{самоэффективность в межличностных отношениях}).$$

Полученные данные об индивидуально-личностных и когнитивно-мотивационных детерминантах, прогнозирующих высокие уровни индексов различных компонентов социально-сравнительной ревности, представлены в таблице.

Личностные характеристики-предикторы

Personality characteristics-predictors

Уровень	Высокие прогностические показатели	Низкие прогностические показатели
Уровень значимости ситуации социально-сравнительной ревности	Напряженность, любопытство, самоэффективность в предметной деятельности	Понимание, стремление к принятию
Уровень индекса когнитивной социально-сравнительной ревности	Самокритика, поиск впечатлений, эмоциональная лабильность, экстернальный локус контроля, стремление к принятию	Сотрудничество, депрессивность, привлечение внимания, самоэффективность в предметной деятельности
Уровень индекса эмоциональной социально-сравнительной ревности	Тревожность, настойчивость, доминирование, стремление к принятию, страх отвержения	Аккуратность, ответственности, самоэффективность в предметной деятельности
Уровень поведенческой стратегии самореализации социально-сравнительной ревности	Настойчивость, пластичность, стремление к принятию	Сотрудничество
Уровень реализации поведенческой стратегии уравнивания социально-сравнительной ревности	Артистичность, настойчивость, сензитивность	Сотрудничество
Уровень реализации поведенческой стратегии уклонения от ситуации социально-сравнительной ревности	Привлечение внимания, самокритика, стремление к принятию, самоэффективность в межличностном общении	Мечтательность

На основании выявленных прогностических показателей можно определить ключевые личностные особенности индивидов, склонных к проявлению ревности в ситуациях социального сравнения.

Личность с высоким уровнем оценки значимости ситуации социально-сравнительной ревности отличается высокой самоофективностью в предметной деятельности, уверенностью относительно наличия у нее потенциальных способностей организовать и осуществить собственную деятельность, необходимую для достижения определенной цели. Однако наряду с любопытством и интересом ко всему новому трудные и необычные ситуации вызывают у нее напряженность и нервозность. Вероятно, это можно объяснить тем, что такой человек, сталкиваясь с ситуациями социального сравнения (особенно в сфере межличностных отношений), обладает низкими эмоциональным интеллектом и мотивацией аффилиации, т. е. он не понимает интересы и чувства других людей, активно избегает контактов с людьми и боится быть отвергнутым (проявляется в неловкости и скованности при общении).

Полученные результаты согласуются с данными зарубежных исследований, свидетельствующих о том, что такие личностные характеристики, как тревожность, напряженность и высокая степень непонимания, являются предпосылками возникновения социально-сравнительной ревности [5; 10; 13; 25–28].

Личность с высоким уровнем индекса когнитивной ревности характеризуется высокой самокритикой, что помогает ей правильно оценивать свои сильные и слабые стороны, а также вполне реалистичным отношением к собственным слабостям и недостаткам. Такой индивид склонен к соперничеству, у него доминирует стремление к принятию, которое приводит к стилю общения, характеризующемуся уверенностью, непринужденностью, открытостью и социальной смелостью, а также стремление к одобрению со стороны окружающих и самоутверждению. Он предрасположен к поиску впечатлений и ситуаций, которые рассматриваются как внешнее стимулирование для достижения успеха и характеризуются как возможность для демонстрации способностей. Однако при этом личность убеждена, что ее неудачи являются результатом невезения, случайностей и отрицательного влияния других людей.

Вместе с тем данному индивиду, несмотря на стремление к соперничеству, присуще конформное и уступчивое поведение из-за низкой самоофективности в предметной деятельности, слабой убежденности в возможности использовать свои умения в определенном виде деятельности, применять опыт, навыки и знания, сформированные в ней, что и помогает человеку добиться успеха в этой деятельности.

Таким образом, отличительной особенностью личности с высоким уровнем индекса когнитивной ревности является некоторый конфликт амбивалентности. Он, с одной стороны, склонен к соперничеству, ориентируется на успех, с другой – не уверен в своих способностях и в том, что его усилия и действия имеют успех, а также испытывает страх перед ситуациями социального сравнения. Именно поэтому, вероятно, у индивидов с указанными личностными характеристиками, когда они попадают в ситуации восходящего социального сравнения, вырабатывается высокий уровень когнитивной социально-сравнительной ревности, поскольку они воспринимают ситуацию восходящего сравнения как угрозу для своего Я, чрезмерно сомневаются в собственных качествах и способностях из-за самокритичности и неуверенности в себе, а также воспринимают другую личность (объект сравнения) как конкурента из-за склонности к соперничеству.

Эти данные согласуются с некоторыми исследованиями когнитивной ревности. Дж. Б. Брайсон [29] указывал на то, что индивиды, которые испытывали страх близости, имели недостаток уверенности в себе и были чрезмерно самокритичны, сообщали о большей когнитивной ревности.

Личность с высоким уровнем индекса эмоциональной ревности отличается настойчивостью, старательностью, серьезностью и прилежностью в отношении к работе, склонностью к доминированию, инициативностью и иными лидерскими качествами, однако эти качества присутствуют в комбинации с повышенной тревожностью, уязвимостью и ранимостью. Вероятно, этим объясняется наличие у такого индивида высокого уровня развития мотива «стремление к принятию» и мотива «боязнь быть отвергнутым». Сочетание обоих мотивов характеризуется сильно выраженным внутренним конфликтом между стремлением к людям и их избеганием, который возникает каждый раз, когда этой личности приходится встречаться с незнакомыми людьми или ситуациями.

Низкий уровень самоофективности в предметной деятельности может свидетельствовать о низкой самооценке, пессимистических мыслях по поводу собственной компетентности и возможных достижениях, что вызывает чувство беспомощности и страх, побуждающие избегать тех социальных ситуаций, в успешности разрешения которых возникают сомнения и опасения.

По мнению автора настоящей статьи, индивиды с указанными личностными чертами с тревогой ожидают неприятностей. Они в случае неудачи (например, когда конкурент обладает преимуществами) легко впадают в отчаяние и депрессию. Поэтому провокационные ситуации социально-срав-

нительной ревности воспринимаются личностью как стрессовые и угрожающие я-концепции и, как следствие, усиливают тревогу и напряжение, вызывая переживание эмоциональной социально-сравнительной ревности. Безответственность и неаккуратность данных индивидов может усиливать у них сензитивность к восприятию ситуаций социально-сравнительной ревности, поскольку переживание эмоциональной ревности может выступать своеобразным механизмом психологической защиты от необходимости брать ответственность за желаемые, но недостигнутые результаты.

Выявленные данные согласуются с результатами исследований [10; 30]. М. Джаремко [10] обнаружил значимую положительную связь между людьми, склонными к ревности, и их личностными характеристиками: тревожностью, эмоциональностью и низкой самооценкой. А. В. Сергеева [30] выявила значимую статическую отрицательную корреляцию между эмоциональной ревностью и такими факторами личности, как эмоциональная устойчивость и напряженность.

В работе Б. Р. Бунка и Ф. Х. Гиббсона [5] утверждается, что показатели ориентации на социальное сравнение положительно связаны с некоторыми шкалами опросника «Большая пятерка» (нейротизм, согласие (привязанность), сознательность (контролирование)), а также со шкалой депрессии и тревожности.

Личность с высоким уровнем поведенческой стратегии самореализации характеризуется настойчивостью в преодолении трудностей, старательностью, серьезностью, пластичностью и склонностью к соперничеству. Такие индивиды уверены, непринужденны, открыты. Они обладают социальной смелостью при взаимодействии с другими людьми.

Стратегия самосовершенствования предполагает направленность действий на то, чтобы стать лучше и опередить другого в чем-либо [6; 7; 31; 32]. В работе [12] указано, что личность, используя такую стратегию, показывает сдержанность во внешнем проявлении эмоций и опирается только на свои силы для реализации активности и решения соответствующих задач. Таким образом, указанные личностные характеристики обуславливают стремление индивидов быть лучше, чем объект сравнения, в определенных качествах, атрибутах или способностях.

Личность с высоким уровнем поведенческой стратегии уравнивания также отличается настойчивостью и склонностью к соперничеству, конкуренции. Она добивается поставленной цели, преодолевая при этом внешние и внутренние трудности. Вместе с тем особенностью этой личности является повышенная чувствительность к происходящим событиям, что может сопровождаться повышенной

тревожностью, боязнью новых ситуаций, людей и всякого рода испытаний, а также склонностью к самобичеванию. Сензитивные индивиды обычно робкие и застенчивые. Они очень впечатлительны и склонны к продолжительным переживаниям произошедших или предстоящих событий. Им присущ заниженный уровень притязаний.

Стратегия уравнивания предполагает направленность действий на то, чтобы стать таким, как объект сравнения, или же достигнуть уровня исполнения, как у него [11; 31; 33]. Таким образом, указанные личностные характеристики обуславливают направленность индивида на взаимодействие с другими людьми и его стремление быть похожим на объект сравнения по определенным качествам или способностям.

Личность с высоким уровнем поведенческой стратегии ухода реалистично и рассудительно смотрит на вещи, трезво оценивает ситуацию, обладает благоразумием и здравомыслием, умеет просто справляться с проблемами и имеет склонность к самокритике, что позволяет ей признавать собственные ошибки и неудачи, мотивирует ее стремление к совершенствованию и работе над своими недостатками и ограничениями. Однако индивиды, склонные к самокритике, могут подвергать себя и свои действия постоянному самоанализу и оценке из-за опасений быть отвергнутыми и утратить одобрение окружающих. Именно поэтому для них характерны стремление к принятию, желание постоянно быть с людьми, устанавливать и сохранять положительные взаимоотношения с ними. Кроме того, такой человек имеет высокую самооценку, эффективность в общении, а также уверенность в способности конструктивно решать различные задачи коммуникативного характера. Вероятно, этому способствует и нарциссическая составляющая их личности, проявляющаяся в стремлении к привлечению внимания.

Стратегия уклонения связана с действиями индивида, когда он использует возможность ухода от сравнения [6; 31; 34]. В частности, в исследовании [12] продемонстрировано, что при использовании данной стратегии индивиды могут переоценивать важность атрибута, определенные характеристики или цели. По мнению автора данной статьи, указанные личностные характеристики связаны с неуверенностью в себе и низкой самооценкой, таким образом обуславливая реализацию стратегии ухода из ситуации социально-сравнительной ревности как единственной возможности подтвердить собственную идентичность и значимость. Можно предположить, что индивиды с данными характеристиками имеют негативные схемы Я и, как указано в работе [35], чаще выбирают избегающую стратегию поведения.

Заключение

В настоящем исследовании установлены статистически значимые детерминанты следующих показателей:

- высокого уровня оценки значимости ситуации социально-сравнительной ревности: уровень напряженности, любопытство, высокая самооэффективность в предметной деятельности, непонимание, боязнь быть отвергнутым;
- высокого уровня индекса когнитивной ревности: самокритика, поиск впечатлений, эмоциональная лабильность, экстернальный локус контроля, стремление к принятию, склонность к соперничеству, эмоциональная комфортность, избегание внимания, низкая самооэффективность в предметной деятельности;

- высокого уровня индекса эмоциональной ревности: тревожность, настойчивость, склонность к доминированию, неаккуратность и безответственность, низкая самооэффективность в предметной деятельности, амбивалентная мотивация аффилиации;
- высокого уровня поведенческой стратегии самореализации: настойчивость, пластичность и склонность к соперничеству;
- высокого уровня стратегии уравнивания: настойчивость, артистичность, сензитивность и склонность к соперничеству;
- высокого уровня поведенческой стратегии ухода из ситуации: стремления к вниманию и к принятию, самокритика, реалистичность и высокая самооэффективность в межличностном общении.

Библиографические ссылки

1. Bers SA, Rodin J. Social-comparison jealousy: a developmental and motivational study. *Journal of Personal and Social Psychology*. 1984;47(4):766–779. DOI: 10.1037/0022-3514.47.4.766.
2. Лепешко КВ. Феномен социально-сравнительной ревности: новый взгляд. В: Богомаз СЛ, Каратез ВА, Пашкович СФ, редакторы. *Психологический Vademesum. Психологическая феноменология в образовательной среде: мультидисциплинарный подход. Сборник научных статей*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова; 2019. с. 173–179.
3. Фурманов ИА, Лепешко КВ. Операционализация понятия ревность социального сравнения. В: Ракицкая АВ, Митрофанова ОГ, редакторы. *Актуальные проблемы психологии развития личности. Сборник научных статей*. Гродно: ГрГУ имени Я. Купалы; 2017. с. 325–328.
4. Лепешко КВ. Индикаторы социально-сравнительной ревности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;2:91–100.
5. Buunk BP, Gibbons FX. Individual differences in social comparison: development of a scale of social comparison orientation. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999;76(1):129–142. DOI: 10.1037/0022-3514.76.1.129.
6. Taylor SE, Buunk BP, Aspinwall LG. Social comparison, stress, and coping. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1990;16(1):74–89. DOI: 10.1177/0146167290161006.
7. Martin MC, Kennedy PF. Advertising and social comparison: consequences for female preadolescents and adolescents. *Psychology & Marketing*. 1993;10(6):513–530. DOI: 10.1002/mar.4220100605.
8. Aspinwall LG, Taylor SE. Effects of social comparison direction, threat, and self-esteem on affect, self-evaluation, and expected success. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993;64(5):708–722. DOI: 10.1037/022-3514.64.5.708.
9. Самойленко ЕС. *Проблемы сравнения в психологическом исследовании*. Москва: Институт психологии РАН; 2010. 416 с.
10. Jaremko ME, Lindsey R. Stress-coping abilities of individuals high and low in jealousy. *Psychological Reports*. 1979;44(2):547–553. DOI: 10.2466/pr0.1979.44.2.547.
11. Salovey P, Rodin J. Some antecedents and consequences of social-comparison jealousy. *Journal of Personal and Social Psychology*. 1984;47(4):780–792. DOI: 10.1037/022-3514.47.4.780.
12. Salovey P, Rodin J. Coping with envy and jealousy. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1988;7(1):15–33. DOI: 10.1521/jscp.1988.7.1.15.
13. Mikulincer M, Bizman A, Aizenberg R. An attributional analysis of social-comparison jealousy. *Motivation and Emotion*. 1989;13(4):320–345. DOI: 10.1007/BF00995537.
14. Бандура А. *Теория социального научения*. Санкт-Петербург: Евразия; 2000. 320 с.
15. Li Y. Upward social comparison and depression in social network settings: the roles of envy and self-efficacy. *Internet Research*. 2018;29(6):1–15. DOI: 10.1108/IntR-09-2017-0358.
16. Carmona C, Buunk AP, Dijkstra A, Peiró JM. The relationship between goal orientation, social comparison responses, self-efficacy, and performance. *European Psychologist*. 2008;13(3):188–196. DOI: 10.1027/1016-9040.13.3.188.
17. Cecalupo A, Marini M, Scarci F, Livi S. Individual strivings in social comparison processes: achievement motivation goals in the big-fish-little-pond effect. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2022 [cited 2022 December 1];13. Available from: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2022.677997/full>. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.677997.
18. Park Yoo Bin, Park Sun. Goal orientations and social comparison: the role of different motivations in affiliation preferences. *Motivation and Emotion*. 2017;41(5):617–627. DOI: 10.1007/s11031-017-9634-6.
19. Festinger L. A theory of social comparison processes. *Human Relations*. 1954;7:117–140. DOI: 10.1177/001872675400700202.
20. Gordon BF. Influence and social comparison as motives for affiliation. *Journal of Experimental Social Psychology*. 1966;1(supplement 1):55–65. DOI: 10.1016/0022-1031(66)90066-7.
21. Фурманов ИА, Лепешко КВ. Методика оценки ситуации провокации социально-сравнительной ревности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;1:91–103.
22. Sheier MF, Maddux JE, Prentice-Dunn BJ, Rogers RW. The self-efficacy scale: construction and validation. *Psychological Report*. 1982;51:663–671. DOI: 10.2466/pr0.1982.51.2.663.

23. Бояринцева АВ. *Мотивационно-когнитивные характеристики личности молодого предпринимателя* [диссертация]. Москва: Психологический институт Российской академии образования; 1995. 249 с.
24. Ильин ЕП. *Психология общения и межличностных отношений*. Санкт-Петербург: Питер; 2009. 930 с.
25. Salovey P, Rodin J. The differentiation of social-comparison jealousy and romantic jealousy. *Journal of Personal and Social Psychology*. 1986;50(6):1100–1112. DOI: 10.1037/0022-3514.50.6.1100.
26. Фурманов ИА. Взаимосвязь стиля привязанности и коммуникационных реакций на ревность: половые сходства и различия. *Социальная психология и общество*. 2019;10(1):115–133. DOI: 10.17759/sps.2019100107.
27. Shaver P, Schwartz J, Kirson D, O'Connor C. Emotion knowledge: further exploration of a prototype approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987;52:1061–1086. DOI: 10.1037/0022-3514.52.6.1061.
28. Радюк ОМ, Басинская ИВ, Воронкова ЯЮ. «Большая пятерка» личностных особенностей. В: Ковпак ДВ, Ковпак АИ, составители. *II Международный съезд Ассоциации когнитивно-поведенческой психотерапии. Сборник научных статей*. Санкт-Петербург: СИНЭЛ; 2016. с. 92–104.
29. Bryson JB. *Situational determinants of the expression of jealousy*. San Francisco: Lawrence Erlbaum; 1977. 376 p.
30. Сергеева АВ. Психология ревности: зарубежный и отечественный опыт научного исследования. *Ученые записки Санкт-Петербургского государственного Института психологии и социальной работы*. 2017;28(2):22–29.
31. Wood JV. Theory and research concerning social comparisons of personal attributes. *Psychological Bulletin*. 1989;106(2):231–248. DOI: 10.1037/0033-2909.106.2.231.
32. Taylor SE, Lobel M. Social comparison activity under threat: downward evaluation and upward contacts. *Journal of Psychological Review*. 1989;96(4):569–575. DOI: 10.1037/0033-295x.96.4.569.
33. Silver M, Sabini J. The perception of envy. *Social Psychology*. 1978;41:105–117. DOI: 10.2307/3033570.
34. Wood JV, Giordano-Beech M. Strategies of social comparison among people with low self-esteem: self-protection and self-enhancement. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994;67(4):713–731. DOI: 10.1037/0022-3514.67.4.713.
35. Collins NL, Read SJ. Adult attachment, working models, and relationship quality in dating couples. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990;58:644–663. DOI: 10.1037//0022-3514.58.4.644.

References

1. Bers SA, Rodin J. Social-comparison jealousy: a developmental and motivational study. *Journal of Personal and Social Psychology*. 1984;47(4):766–779. DOI: 10.1037/0022-3514.47.4.766.
2. Lepeshko KV. [The phenomenon of socio-comparative antiquity: a new look]. In: Bogomaz SL, Karatez VA, Pashkovich SF, editors. *Psikhologicheskii Vademecum. Psikhologicheskaya fenomenologiya v obrazovatel'noi srede: mul'tidistsiplinarnyi podkhod. Sbornik nauchnykh statei* [Psychological Vademecum. Psychological phenomenology in the educational environment: a multidisciplinary approach. A collection of scientific articles]. Viciebsk: Vitebsk State University named after P. M. Mashe-rov; 2019. p. 173–179. Russian.
3. Fourmanov IA, Lepeshko KV. [Operationalisation of the concept of jealousy of social comparison]. In: Rakitskaya AV, Mitrofanova OG, editors. *Aktual'nye problemy psikhologii razvitiya lichnosti. Sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of psychology of personality development. Collection of scientific articles]. Hrodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2017. p. 325–328. Russian.
4. Lepeshko KV. Indicators of social-comparison jealousy. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;2:91–100. Russian.
5. Buunk BP, Gibbons FX. Individual differences in social comparison: development of a scale of social comparison orientation. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999;76(1):129–142. DOI: 10.1037/0022-3514.76.1.129.
6. Taylor SE, Buunk BP, Aspinwall LG. Social comparison, stress, and coping. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1990;16(1):74–89. DOI: 10.1177/0146167290161006.
7. Martin MC, Kennedy PF. Advertising and social comparison: consequences for female preadolescents and adolescents. *Psychology & Marketing*. 1993;10(6):513–530. DOI: 10.1002/mar.4220100605.
8. Aspinwall LG, Taylor SE. Effects of social comparison direction, threat, and self-esteem on affect, self-evaluation, and expected success. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993;64(5):708–722. DOI: 10.1037/022-3514.64.5.708.
9. Samoilenco ES. *Problemy sravneniya v psikhologicheskoy issledovanii* [Problems of comparison in psychological research]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2010. 416 p. Russian.
10. Jaremko ME, Lindsey R. Stress-coping abilities of individuals high and low in jealousy. *Psychological Reports*. 1979;44(2):547–553. DOI: 10.2466/pr0.1979.44.2.547.
11. Salovey P, Rodin J. Some antecedents and consequences of social-comparison jealousy. *Journal of Personal and Social Psychology*. 1984;47(4):780–792. DOI: 10.1037/022-3514.47.4.780.
12. Salovey P, Rodin J. Coping with envy and jealousy. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1988;7(1):15–33. DOI: 10.1521/jscp.1988.7.1.15.
13. Mikulincer M, Bizman A, Aizenberg R. An attributional analysis of social-comparison jealousy. *Motivation and Emotion*. 1989;13(4):320–345. DOI: 10.1007/BF00995537.
14. Bandura A. *Teoriya sotsial'nogo naucheniya* [Theory of social learning]. Saint Petersburg: Evraziya; 2000. 320 p. Russian.
15. Li Y. Upward social comparison and depression in social network settings: the roles of envy and self-efficacy. *Internet Research*. 2018;29(6):1–15. DOI: 10.1108/IntR-09-2017-0358.
16. Carmona C, Buunk AP, Dijkstra A, Peiró JM. The relationship between goal orientation, social comparison responses, self-efficacy, and performance. *European Psychologist*. 2008;13(3):188–196. DOI: 10.1027/1016-9040.13.3.188.
17. Cecalupo A, Marini M, Scarci F, Livi S. Individual strivings in social comparison processes: achievement motivation goals in the big-fish-little-pond effect. *Frontiers in Psychology* [Internet]. 2022 [cited 2022 December 1];13. Available from: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2022.677997/full>. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.677997.
18. Park Yoo Bin, Park Sun. Goal orientations and social comparison: the role of different motivations in affiliation preferences. *Motivation and Emotion*. 2017;41(5):617–627. DOI: 10.1007/s11031-017-9634-6.
19. Festinger L. A theory of social comparison processes. *Human Relations*. 1954;7:117–140. DOI: 10.1177/001872675400700202.

20. Gordon BF. Influence and social comparison as motives for affiliation. *Journal of Experimental Social Psychology*. 1966;1(supplement 1):55–65. DOI: 10.1016/0022-1031(66)90066-7.
21. Fourmanov IA, Lepeshko KV. The questionnaire assessments provoking situation of social-comparison jealousy. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;1:91–103. Russian.
22. Sheier MF, Maddux JE, Prentice-Dunn BJ, Rogers RW. The self-efficacy scale: construction and validation. *Psychological Report*. 1982;51:663–671. DOI: 10.2466/pr0.1982.51.2.663.
23. Boyarintseva AV. *Motivatsionno-kognitivnye kharakteristiki lichnosti molodogo predprinimatel'ya* [Motivational and cognitive characteristics of the personality of a young entrepreneur] [dissertation]. Moscow: Psikhologicheskii institut Rossiiskoi akademii obrazovaniya; 1995. 249 p. Russian.
24. Il'in EP. *Psikhologiya obshcheniya i mezhlchnostnykh otnoshenii* [Psychology of communication and interpersonal relations]. Saint Petersburg: Piter; 2009. 930 p. Russian.
25. Salovey P, Rodin J. The differentiation of social-comparison jealousy and romantic jealousy. *Journal of Personal and Social Psychology*. 1986;50(6):1100–1112. DOI: 10.1037/0022-3514.50.6.1100.
26. Fourmanov IA. Interrelation of attachment style and communication reactions to jealousy: sexual similarities and differences. *Social Psychology and Society*. 2019;10(1):115–133. DOI: 10.17759/sps.2019100107. Russian.
27. Shaver P, Schwartz J, Kirson D, O'Connor C. Emotion knowledge: further exploration of a prototype approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987;52:1061–1086. DOI: 10.1037/0022-3514.52.6.1061.
28. Radyuk OM, Basinskaya IV, Voronkova YaYu. [«Big five» personality traits]. In: Kovpak DV, Kovpak AI, compilers. *II Mezhdunarodnyi s'ezd. Assotsiatsii kognitivno-povedencheskoi psikhoterapii. Sbornik nauchnykh statei* [2nd International congress of the Association of Cognitive Behavioural Psychotherapy. Collection of scientific articles]. Saint Petersburg: SINEL; 2016. p. 92–104. Russian.
29. Bryson JB. *Situational determinants of the expression of jealousy*. San Francisco: Lawrence Erlbaum; 1977. 376 p.
30. Sergeeva AV. Psychology of jealousy: foreign and domestic experience of scientific research. *Scientific Notes Journal of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*. 2017;28(2):22–29. Russian.
31. Wood JV. Theory and research concerning social comparisons of personal attributes. *Psychological Bulletin*. 1989;106(2):231–248. DOI: 10.1037/0033-2909.106.2.231.
32. Taylor SE, Lobel M. Social comparison activity under threat: downward evaluation and upward contacts. *Journal of Psychological Review*. 1989;96(4):569–575. DOI: 10.1037/0033-295x.96.4.569.
33. Silver M, Sabini J. The perception of envy. *Social psychology*. 1978;41:105–117. DOI: 10.2307/3033570.
34. Wood JV, Giordano-Beech M. Strategies of social comparison among people with low self-esteem: self-protection and self-enhancement. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994;67(4):713–731. DOI: 10.1037/0022-3514.67.4.713.
35. Collins NL, Read SJ. Adult attachment, working models, and relationship quality in dating couples. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990;58:644–663. DOI: 10.1037//0022-3514.58.4.644.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023.
Received by editorial board 10.03.2023.

УДК 159.9.072.43

ВЛИЯНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ, СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ И СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ НА СОСТОЯНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

СУ ТАО¹⁾, И. А. ФУРМАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Установлено, что оценка психического здоровья китайских студентов имеет значимую обратную связь с показателями социокультурной адаптации, активного копинга и социальной поддержки, а также прямую связь с показателем пассивного копинга. Выявлено, что на психическое здоровье социокультурная адаптация и социальная поддержка непосредственно не влияют, однако активный копинг воздействует негативно (снижает риск нарушений), а пассивный копинг, наоборот, катализирует проблемы с психическим здоровьем. Социальная поддержка оказывает значимый модулирующий эффект на медиацию активного и пассивного копинга в регуляции психического здоровья. Сделан вывод о том, что проблемы психического состояния и здоровья китайских студентов могут быть преодолены за счет научения их способам активного преодоления стрессовых ситуаций в процессе социокультурной адаптации, а также за счет расширения качества и количества социальной поддержки.

Ключевые слова: социокультурная адаптация; активный и пассивный копинг; социальная поддержка; психическое здоровье.

THE INFLUENCE OF INDICATORS OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION, SOCIAL SUPPORT AND COPING STRATEGIES ON THE MENTAL HEALTH OF CHINESE STUDENTS

SU TAO^a, I. A. FOURMANOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: I. A. Fourmanov (fourmigor@gmail.com)

It was found that the mental health scores of Chinese students have a significant inverse relationship with the level of socio-cultural adaptation, indicators of active coping and social support, as well as a direct link with passive coping. Socio-cultural adaptation and social support do not directly affect mental health indicators. Active coping negatively affects mental

Образец цитирования:

Су Тао, Фурманов ИА. Влияние показателей социокультурной адаптации, социальной поддержки и стратегий совладающего поведения на состояние психического здоровья китайских студентов. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;2:108–118.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-108-118>

For citation:

Su Tao, Fourmanov IA. The influence of indicators of socio-cultural adaptation, social support and coping strategies on the mental health of Chinese students. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;2:108–118. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-108-118>

Авторы:

Су Тао – аспирант кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – И. А. Фурманов.
Игорь Александрович Фурманов – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Su Tao, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social science.
cytao1975@gmail.com
Igor A. Fourmanov, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social science.
fourmigor@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1931-9751>

health indicators (reduces the risk of disorders), and passive coping, on the contrary, catalyses mental health problems. Social support has a significant moderating effect on the mediation of active and passive coping in the regulation of mental health. The conducted research allowed us to draw an important scientific and practical conclusion that the problems of the mental state and health of Chinese students can be overcome by teaching them how to actively overcome stressful situations in the process of socio-cultural adaptation, as well as expanding the quality and quantity of social support.

Keywords: socio-cultural adaptation; active and passive coping; social support; mental health.

Введение

Межкультурная адаптация является сложным процессом. Многие ученые провели обширные исследования и выдвинули различные теории и модели межкультурной адаптации. Наиболее основательной теорией является процессуальная модель культурной адаптации (К. Уорд), которая представляет собой относительно всеобъемлющую и систематическую интеграцию существующих культурных адаптационных исследований. С одной стороны, эта модель сочетает в себе исследования аккультурации и адаптации [1; 2], с другой стороны, она систематически включает в себя факторы влияния на индивидуальном и социальном уровнях [3]. В процессуальной модели культурной адаптации процесс социокультурной адаптации начинается с культурного контакта и изменения жизни, которые могут оказывать давление на кросс-культурных субъектов, что приводит к когнитивным, эмоциональным и поведенческим реакциям и в итоге – к адаптации на психологическом и социокультурном уровнях. Социокультурная адаптация зависит от следующих факторов: продолжительности проживания, языковых способностей, способов реагирования, социальной поддержки, культуральной дистанции и частоты контактов с членами других культурных обществ [4].

Когда индивид находится в чужой культуре, новая среда вызывает стресс, который, в свою очередь, может привести к физической дисфункции, что принято считать нормальной реакцией. Негативное психологическое состояние человека влияет на его физическое состояние, возможно, усиливая тревогу, депрессию и беспокойство. Культурные потрясения тоже воздействуют на физическое состояние человека, например, у него могут появиться различные физические симптомы (болезненные ощущения и телесный дискомфорт), а также может снизиться функция иммунной системы организма. Помимо этого, у индивида возникают некоторые физические и психологические заболевания [5]. В частности, Чжун Цзябао и его коллеги [6] обнаружили, что социокультурная адаптация иностранных студентов имеет значимую корреляцию с их психическим здоровьем. В исследовании социокультурная адаптация объясняет 49,1 % дисперсии в общем объеме психического здоровья.

Р. С. Лазарус и С. Фолькман [7] первые начали рассматривать проблему адаптации к окружающей среде. Они считали, что для уменьшения психоло-

гического напряжения, вызванного воздействием внешней среды, необходим определенный ответ (копинг-стратегия), т. е. когнитивные и поведенческие усилия, при которых человек понимает, что его взаимодействие с окружающей средой представляет собой какую-то нагрузку на него. Копинг часто изучается как промежуточный фактор между стрессором и психическим здоровьем. Он может определять интенсивность и тип реакции людей на стрессовые события, а также регулировать индивидуальную приспособляемость, включая процесс адаптации и конечный результат, влияющий на ситуацию.

Копинг-стратегия используется для удовлетворения потребностей внутренней и внешней среды и решения эмоциональных проблем, возникающих под воздействием окружающей среды [8]. Копинг-стратегии в качестве промежуточных переменных для психического здоровья и источников реагирования на чрезвычайные ситуации оказывают важное влияние на психическое здоровье [9]. Результаты исследования Л. Е. Бойтлера и его коллег [10] показывают, что позитивные и зрелые ответные меры совладания способствуют повышению уровня психического здоровья. Копинг является важным фактором как психосоциальной адаптации [11], так и физического и психического здоровья человека, столкнувшегося со стрессовыми событиями [12]. В работе Р. Уокера и Р. С. Стефенса [13] выявлено, что 43,3 % людей в состоянии сильного стресса подвергаются риску нарушений психического здоровья, если у них отсутствуют надлежащее реагирование и эффективная социальная поддержка, и это более чем в два раза превышает долю тех индивидов, которые склонны к общепопуляционным рискам. В исследовании Н. Ноорбахш и его коллег [14] отмечено, что личности, часто использующие активный копинг в стрессовых ситуациях, демонстрируют более высокую приспособляемость, хорошие межличностные отношения, получают больше понимания и поддержки от своего окружения. В то же время люди, которые чаще используют пассивный копинг (уклонение), склонны к негативным эмоциональным переживаниям и физическим симптомам (депрессия, тревога, раздражительность и т. д.), сопровождающимся межличностными проблемами. По результатам исследования Чэнь Вэйчжэня [15], позитивные стратегии реагирования оказывают положительное прогнозируемое воздействие на психическое здоровье, а пассивный

копинг не способствует развитию психического здоровья. Таким образом, хотя методы и объекты в проведенных исследованиях различаются, в результатах изучения взаимосвязи между способом реагирования и психическим здоровьем исследователи пришли примерно к одинаковой точке зрения: существует тесная связь психического здоровья и паттернов реагирования, т. е. позитивный ответ, как правило, положительно влияет на психическое здоровье, в то время как пассивный копинг может негативно воздействовать на психическое здоровье.

Среди многих факторов, влияющих на межкультурную адаптацию, социальная поддержка является наиболее значимой. В современной культуре самой большой проблемой, стоящей перед индивидом, является сокращение или отсутствие социальной поддержки. Жизнь в иной (по сравнению с собственной) культуре влечет за собой потерю системы привычной социальной поддержки, которая напрямую связана с улучшением психического здоровья человека и снижением вероятности физической и психической болезней [16]. Социальная поддержка является относительно стабильным способом отношений среди людей и очень важным фактором общественной среды, влияющим на адаптацию иностранных студентов. Кроме того, она оказывает общее воздействие на индивидуальную адаптацию. Например, исследования В. И. Чиркова и его коллег [17] доказывают, что социальная поддержка положительно коррелирует с социокультурной адаптацией иностранных студентов: чем больше социальной поддержки они получали, тем лучше была их социокультурная адаптация. В то же время М. Б. Адельман [18] писал о том, что слишком много социальной поддержки в среде иностранных студентов приводит к концентрации их на контактах со своими соотечественниками в ущерб контактам с местными студентами и окружающими, препятствует изучению иностранных языков и приобретению межкультурных навыков, и это, в свою очередь, приводит к снижению удовлетворенности жизнью.

Китайские студенты в Беларуси в основном могут использовать ресурсы социальной поддержки как соотечественников, так и местных студентов

и окружающих. М. Б. Адельман [18] считал, что помощь со стороны соотечественников полезна с точки зрения информационной и эмоциональной поддержки. Например, те студенты, которые уже имеют опыт обучения за рубежом, предоставляют информацию другим иностранным студентам, чтобы помочь им справиться с новыми условиями. Соотечественники могут также оказывать эмоциональную поддержку индивиду, стимулируя катарсис негативных эмоций, которые возникают в новых условиях. Этим обеспечивается некий защитный эффект, способствующий усилению ощущения психологической безопасности, повышению самоуважения и чувства принадлежности, снижению уровня стресса, тревоги, чувства беспомощности и отчуждения. Однако такая социальная поддержка может также препятствовать изучению иностранцами новой автохтонной культуры. Исследование иностранных студентов, обучающихся в США, показало, что те, кто близко общался со своими соотечественниками и проводил много времени с ними, были менее адаптивными. Результаты исследования выборки британских иммигрантов в Австралии также показали, что иммигранты с большим количеством друзей-соотечественников и меньшим числом местных друзей менее удовлетворены собственной жизнью. Таким образом, социальная поддержка сограждан может быть как полезной, так и вредной.

На основании теории межкультурной адаптации, предложенной К. Уорд, в настоящем исследовании изучались взаимосвязи и влияние показателей социокультурной адаптации, социальной поддержки, активного и пассивного копинга на психическое здоровье китайских студентов.

В данной статье представлены две гипотезы исследования.

Гипотеза 1. Социокультурная адаптация китайских студентов значимо коррелирует со стратегиями копинга, уровнем социальной поддержки и психического здоровья.

Гипотеза 2. Социокультурная адаптация китайских студентов опосредованно, через стратегии копинга и уровень социальной поддержки, влияет на уровень психического здоровья.

Материалы и методы исследования

В исследовании использовались китайские варианты методик. Шкала социокультурной адаптации (*revised socio-cultural adaptation scale*) [19; 20] состоит из 21 утверждения, оценивающих 5 показателей по 5-балльной шкале Ликерта (1–5 баллов): межличностное общение, личные интересы, общественную деятельность, адаптацию к окружающей среде и знание языка. Шкала способов реагирования (*ways of coping questionnaire*) [21] состоит из 20 утверждений, оценивающих 2 показателя по 5-балльной шкале Ликерта (0–4 балла): активный

и пассивный копинг. Многомерная шкала социальной поддержки (*multidimensional scale of perceived social support*) [22] состоит из 12 утверждений, оценивающих 3 показателя по 7-балльной шкале (1–7 баллов): поддержку семьи, поддержку друзей и поддержку значимых других. Шкала самооценки симптомов (*symptom checklist – 54*) [23] состоит из 54 утверждений, оценивающих 10 показателей по 5-балльной шкале Ликерта (0–4 балла): соматизацию, обсессивно-компульсивные расстройства, межличностную сензитивность, депрессию, тревожность, враждебность, фо-

бическую тревожность, паранойяльные симптомы, психотизм и дополнительные вопросы. Высокие показатели по указанным шкалам свидетельствовали о наличии нарушений психического здоровья.

В исследовании приняли участие 198 китайских студентов (107 мужчин и 91 женщина), обучающихся в различных учреждениях высшего образования Беларуси.

Поскольку метод модерируемой медиации является каузальным, представляется важным охарактеризовать и обосновать роли эмпирических критериев (показателей) относительно друг друга для предотвращения эффектов *post hoc* (от лат. *post hoc* – после этого, значит, по причине этого). Речь идет о логической ошибке, когда последовательность случайных событий неверно трактуется как причинно-следственная связь.

Независимой переменной выступал суммарный показатель социокультурной адаптации (X). Как уже отмечалось ранее, социокультурная адаптация личности направлена на формирование психического здоровья, поэтому в качестве зависимой переменной, наиболее важного результата процесса социо-

культурной адаптации, был определен суммарный показатель по шкале самооценки симптомов – показатель психического здоровья (Y). Копинг часто рассматривается как промежуточный фактор между стрессором и психическим здоровьем, поэтому в качестве переменных-медиаторов, отражающих механизм влияния независимой переменной на зависимую переменную, были использованы показатели активного (A) и пассивного (P) копинга. В качестве переменной-условия (модератора) выступил суммарный показатель по методике, определяющей уровень социальной поддержки (W).

На рис. 1 представлена гипотетическая концептуальная схема модели. Стрелками отображены регрессионные зависимости, или пути. Прямой путь c' пролегает от независимой переменной X к зависимой переменной Y . Непрямой путь имеет два направления: пути a_1 и a_2 проходят от независимой переменной X к переменным-медиаторам A и P (левая сторона модели), пути b_1 и b_2 – от переменных-медиаторов A и P к зависимой переменной Y (правая сторона модели). Пути b_1 , b_2 и c' управляются переменной-модератором W .

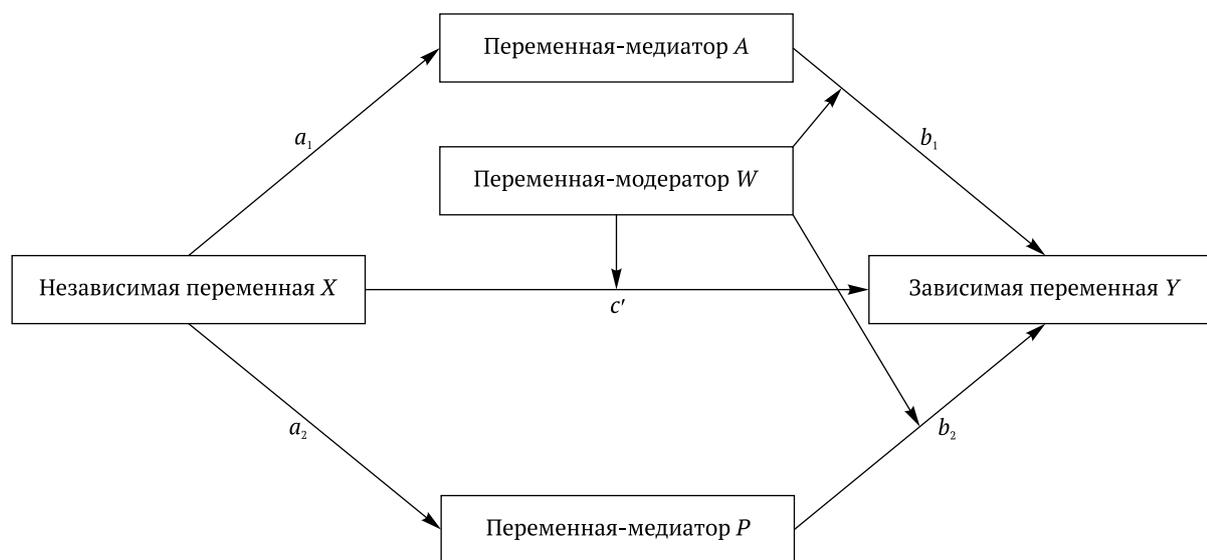


Рис. 1. Гипотетическая концептуальная схема модели модерирующей медиации психического здоровья

Fig. 1. Hypothetical conceptual scheme of the mental health moderated mediation model

Для установления взаимосвязей применялся корреляционный анализ Пирсона, а также использовалась модель модерирующей медиации, которая была построена с помощью программного обеспечения *IBM SPSS Statistics 26.0* и *Process 3.4*. В данной работе в пределах 95 % доверительного интервала рассчитывались значения верхнего (95%LLCI) и нижнего (95%ULCI) косвенного эффекта, средние значения (M), стандартное отклонение (SD), стандартная ошибка (SE), уровень значимости (p), коэффициенты регрессии (β), значения t -критерия Стьюдента, доля дисперсии независимых переменных (R^2), а также

отношение среднего квадрата для регрессии к среднему квадрату для остатка (F). Использование этого метода позволило выявить максимально точные выборочные оценки и распространить полученные данные на всю популяцию. Для интерпретации результатов модели модерируемой медиации А. Ф. Хейс [24] рекомендовал опираться не на ее разбор по отдельным путям, а на анализ индекса модерированной медиации, индексов непрямого условного влияния на различных уровнях модератора и другие индикаторы, которые с высокой точностью позволяют охарактеризовать модель в целом.

Результаты и их обсуждение

По результатам корреляционного анализа показатель психического здоровья китайских студентов имеет значимую обратную связь с уровнем социокультурной адаптации, показателями активного копинга и социальной поддержки, а также прямую связь с пассивным копингом (табл. 1). Полученные данные могут свидетельствовать о том, что адаптивные китайские студенты, которые активно реагируют на стрессовые ситуации, чаще используют поведенческие или психологические ответы, направленные на непосредственное изменение природы стрессора или его переосмысление, в большей мере ориентируются

на успешные, но стандартные способы адаптации к изменяющимся условиям среды на основе хорошо развитых личностных ресурсов и опираются на широкую сеть социальной поддержки, а также меньше подвергаются риску возникновения нарушений психического здоровья. В свою очередь, китайские студенты, которые в процессе социокультурной адаптации прибегают к стратегии пассивного копинга, предполагающей избегание или бездействие из-за неуверенности в себе и восприятие ситуации как непреодолимой, вероятно, сталкиваются с достаточно выраженными нарушениями психического здоровья.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции показателей социокультурной адаптации, активного и пассивного копинга, социальной поддержки и психического здоровья

Table 1

Correlation coefficients of social adaptation, active and passive coping styles, social support and mental health

Показатели	M	SD	Показатели				
			Социокультурная адаптация	Активный копинг	Пассивный копинг	Социальная поддержка	Психическое здоровье
Социокультурная адаптация	3,36	0,71	–				
Активный копинг	23,27	5,63	0,38*	–			
Пассивный копинг	9,16	4,38	–0,06	–0,27*	–		
Социальная поддержка	5,23	0,99	0,50*	0,39*	–0,03	–	
Психическое здоровье	0,57	0,50	–0,31*	–0,39*	0,22*	–0,29*	–

Примечание. Знаком * отмечен показатель, который статистически значим при $-p < 0,01$.

Отрицательная взаимосвязь активного и пассивного копинга, вероятно, свидетельствует о том, что китайские студенты используют два различных способа совладания с проблемами адаптации, причем первый из них является более эффективным.

Позитивную роль также играет социальная поддержка, возможно, как фактор улучшения социокультурной адаптации и усиления стремления к использованию именно активной стратегии копинга.

В ходе исследования были выявлены показатели стандартизированных коэффициентов a_1 , a_2 , b_1 , b_2 и c' (табл. 2). Результаты свидетельствуют о том, что активный копинг является фактором медиации между социокультурной адаптацией и психическим здоровьем, а социокультурная адаптация сначала влияет на активный копинг, а затем – на психическое здоровье. Пассивный копинг не является медиатором взаимосвязи социокультурной адаптации и психического здоровья.

Для расчета доли активного и пассивного копинга в медиаторном эффекте были проанализированы значения процентилей бутстрепа (табл. 3).

Установлено, что активный копинг вносит значительный вклад в медиацию связи между социокультурной адаптацией и психическим здоровьем (51,85 % от общего косвенного эффекта) по сравнению с вкладом пассивного копинга (5,84 % от общего косвенного эффекта). Полученные данные о том, что активный копинг выступает в роли медиатора связи социокультурной адаптации и психического здоровья, согласуются с результатами исследования Ченг Куна [25].

Для проверки регулирующей роли социальной поддержки в соответствии с рекомендациями Вэнь Чжунлин и Е Баоцзюан [26] были рассчитаны и оценены три уравнения регрессии. Согласно первому уравнению, оценивающему прогностический эффект социокультурной адаптации для стратегии активного копинга, социокультурная адаптация является значимым катализирующим прогностическим показателем активного копинга ($\beta = 0,38$, $SE = 0,66$, $t = 5,78$ при $p < 0,001$, $R^2 = 0,15$, $F = 33,42$ при $p < 0,001$). На основании второго уравнения, которое оценивает прогностический эффект социокультурной адаптации

для стратегии пассивного копинга, социокультурная адаптация является значимым ингибирующим прогностическим показателем пассивного копинга ($\beta = -0,05$, $SE = 0,04$, $t = -12,84$ при $p < 0,001$, $R^2 = 0,003$, $F = 0,62$). Согласно третьему уравнению (табл. 4), оценивающему прогностический эффект социокультурной адаптации, стратегий копинга, социальной поддержки и их взаимодействия для показателей психического здоровья, были сделаны следующие выводы:

- социокультурная адаптация и социальная поддержка как в отдельности, так и в совокупности непосредственно не оказывают влияния на психическое здоровье;
- активный копинг негативно влияет на психическое здоровье (снижает риск нарушений), а пассивный копинг, наоборот, катализирует проблемы с психическим здоровьем;

- социальная поддержка оказывает значимый модулирующий эффект на медиацию активного и пассивного копинга в регуляции психического здоровья.

Полученные данные согласуются с процессуальной моделью культурной адаптации К. Уорд [3], в рамках которой процесс социокультурной адаптации, начинаясь с изменений жизненного уклада и вынужденной необходимости межкультурных контактов, приводит к стрессу или дефекту социальных способностей, требует определенных адаптивных когнитивных, эмоциональных и поведенческих реакций и при неблагоприятном исходе этого процесса обуславливает нарушения психического здоровья.

Схематически модель модулируемой медиации психического здоровья показателями социокультурной адаптации, стратегий копинга и социальной поддержки представлена на рис. 2.

Таблица 2

Значения стандартизированных коэффициентов для модели медиации (со стандартными ошибками)

Table 2

Values standardised coefficients for the mediation model (with standard errors)

Независимые переменные	Зависимые переменные		
	A	P	Y
X	$a_1 = 0,379$ $SE = 0,065$ $p < 0,001$	$a_2 = -0,055$ $SE = 0,070$ $p > 0,05$	$c' = -0,010$ $SE = 0,066$ $p = 0,05$
A			$b_1 = -0,421$ $SE = 0,069$ $p < 0,001$
P			$b_2 = 0,328$ $SE = 0,065$ $p < 0,001$

Таблица 3

Бутстреп-тестирование эффектов медиации между социокультурной адаптацией и психическим здоровьем

Table 3

Bootstrap test for mediation effects between socio-cultural adaptation and mental health

Тип эффекта	Значение эффекта	Бутстреп			Доля относительных эффектов медиации, %
		SE	95%LLCI	95%ULCI	
Общий косвенный эффект	-0,178	0,044	-0,271	-0,099	57,69
Эффект активного копинга	-0,160	0,039	-0,241	-0,089	51,85
Эффект пассивного копинга	-0,018	0,024	-0,069	0,026	5,84
Эффект от разности активного копинга и пассивного копинга	-0,142	0,048	-0,241	-0,054	46,01

Таблица 4

Прогностические эффекты социокультурной адаптации, стратегий копинга, социальной поддержки и их взаимодействия для значений показателя психического здоровья

Table 4

Prognostic effects of socio-cultural adaptation, coping strategies, social support and their interaction for values of mental health indicators

Независимые переменные	Значения зависимой переменной Y		
	β	SE	t
X	-0,10	0,07	-1,45
W	-0,08	0,07	-1,16
A	-0,41	0,07	-5,70**
P	0,34	0,07	5,22**
X и W	-0,05	0,06	-0,74
A и W	0,14	0,07	2,01***
P и W	-0,13	0,06	-1,98***

Примечания. 1. Знаком ** отмечен показатель, который статистически значим при $-p < 0,001$, знаком *** – показатель, который статистически значим при $-p < 0,05$. 2. $R^2 = 0,30$, $F = 11,81$ при $-p < 0,001$.

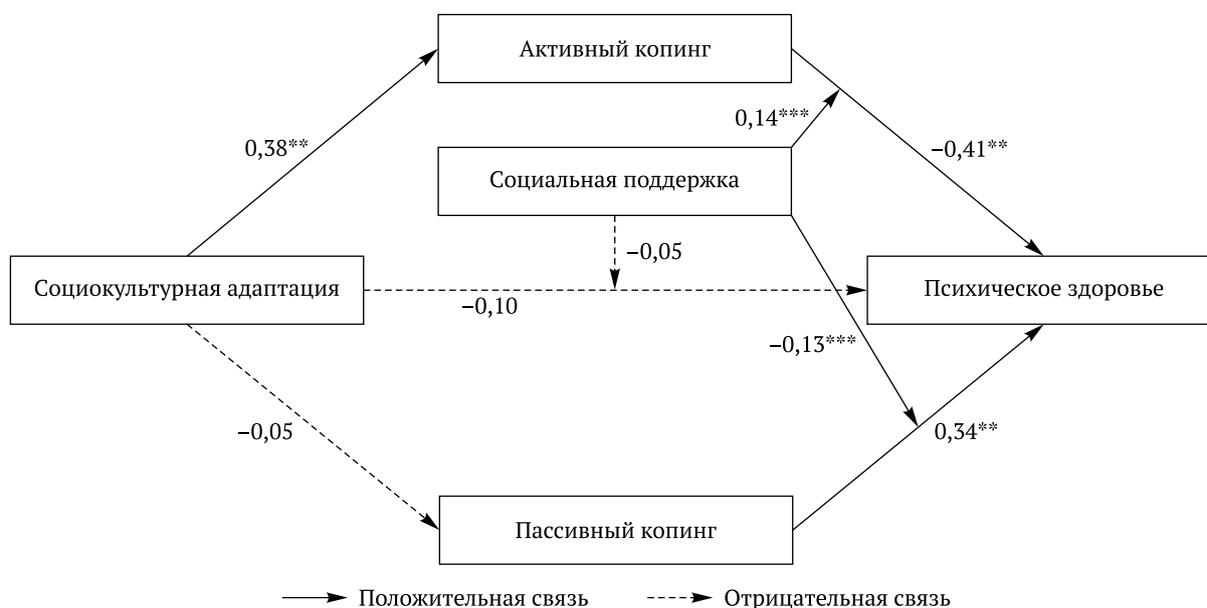


Рис. 2. Эмпирическая концептуальная схема модели модулируемой медиации психического здоровья (знаком ** отмечен показатель, который статистически значим при $-p < 0,001$, знаком *** – показатель, который статистически значим при $-p < 0,05$)

Fig. 2. Empirical conceptual scheme of the mental health moderated mediation model (the ** sign indicates an indicator that is statistically significant at $-p < 0.001$, the *** sign indicates an indicator that is statistically significant at $-p < 0.05$)

Сравнительный анализ трех уровней социальной поддержки позволил выявить различия в доверительных интервалах и эффектах медиации активного копинга во взаимосвязи между социокультурной адаптацией и психическим здоровьем (табл. 5).

Результаты свидетельствуют о том, что по мере увеличения социальной поддержки от низкого до высокого уровня значения эффектов медиации активного копинга постепенно усиливаются с $-0,207$ до $-0,100$. Отсутствие значения 0 между указанными

уровнями по показателям доверительных интервалов LLCI и ULCI доказывает, что модель статистически значима и что существует механизм влияния социокультурной адаптации на психическое здоровье [27; 28]. Более детально и наглядно об обусловленном влиянии активного копинга при наличии социальной поддержки на психическое здоровье можно судить по информации, проиллюстрированной на рис. 3.

Результат визуализации обусловленного эффекта активного копинга путем разделения социальной поддержки на высокую и низкую представлены на рис. 4. При обоих условиях социальной поддержки ($M \pm SD$) показатели психического здоровья прямо

пропорционально снижаются. Тренд данных показателей у китайских студентов, которые использовали активный копинг и получали большое количество социальной поддержки, имеет более крутой наклон. В то же время у тех, кто испытывал дефицит социальной поддержки, наклон тренда был пологим. Другими словами, влияние активного копинга на психическое здоровье зависит от объема социальной поддержки, т. е. даже в том случае, когда используется активный копинг, китайские студенты, имеющие большое количество социальной поддержки, будут испытывать меньше проблем с психическим здоровьем, чем те, у кого объем социальной поддержки минимален.

Таблица 5

Значения эффектов медиации активного копинга при различных уровнях социальной поддержки

Table 5

The values of the mediating effect of active coping at different levels of social support

Уровень социальной поддержки	Значение эффекта медиации	Бутстреп		
		SE	95%LLCI	95%ULCI
Низкий уровень ($M - SD$)	-0,207	0,058	-0,332	-0,107
Средний уровень (M)	-0,154	0,039	-0,234	-0,086
Высокий уровень ($M + SD$)	-0,100	0,039	-0,180	-0,030

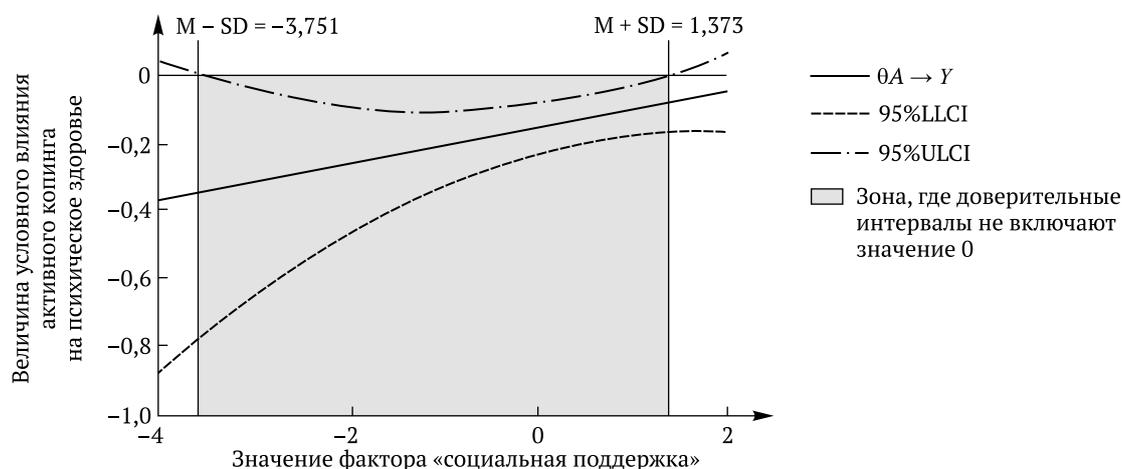


Рис. 3. Обусловленное влияние показателя активного копинга на показатель психического здоровья как функция модератора социальной поддержки

Fig. 3. Conditional influence of active coping indicator on mental health indicator as a function of social support moderator

Таким образом, социальная поддержка выступает защитным фактором психического здоровья, причем как при позитивном, так и при негативном эффекте активного копинга. На рис. 4 отчетливо видно,

что социальная поддержка может значительно снизить оценку психического здоровья независимо от степени активного копинга. В исследованиях [29; 30] получены схожие данные.

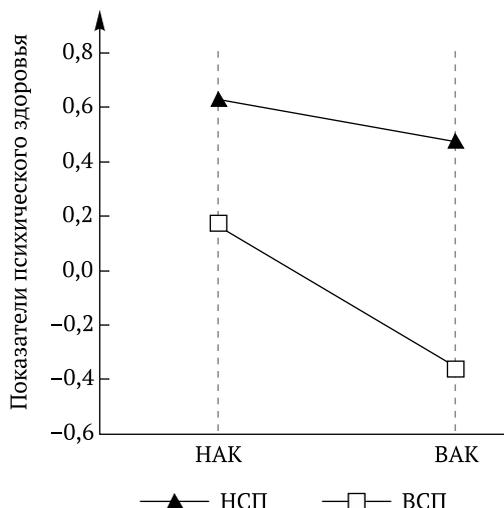


Рис. 4. Модерирующий эффект социальной поддержки:

НСП – низкие значения социальной поддержки,
ВСП – высокие значения социальной поддержки,
НАК – низкие значения активного копинга,
ВАК – высокие значения активного копинга

Fig. 4. Moderating effect of social support:
НСП – low values of social support, ВСП – high values of social support,
НАК – low values of active coping, ВАК – high values of active coping

Результаты настоящей работы в полной мере свидетельствуют о том, что, столкнувшись с проблемами социокультурной адаптации, китайские студенты должны активно обращаться за социальной

поддержкой независимо от стратегий совладания, поскольку эффективная социальная поддержка может значительно повысить уровень их психического здоровья.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать важный научный и практический вывод о том, что проблемы психического состояния и здоровья китайских студентов могут быть преодолены за счет

научения их способам активного преодоления стрессовых ситуаций в процессе социокультурной адаптации, а также за счет расширения качества и количества социальной поддержки.

Библиографические ссылки

1. Berry JW. Immigration, acculturation and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*. 1997;46(1):5–34. DOI: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x.
2. Argyle M. The nature of social skill. In: Argyle M, editor. *Social skills and health*. London: Routledge; 1981. p. 7–37. DOI: 10.4324/9780203796108.
3. Ward C, Bochner S, Furnham A. *The psychology of culture shock*. 2nd edition. London: Routledge; 2001. 384 p. DOI: 10.4324/9781003070696.
4. 邱珊, 颜晓敏. 对Colleen Ward双维度模型中影响因素的研究. *学理论*. 2016;11:171–173 = Цю Шань, Ян Сяомин. Исследование факторов влияния в двухмерной модели Colleen Ward. *Теория науки*. 2016;11:171–173.
5. Berry JW, Phinney JS, Sam DL, Vedder P. Immigrant youth: acculturation, identity and adaptation. *Applied Psychology*. 2006;55(3):303–332. DOI: 10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x.
6. 钟家宝, 高静, 谢钢. 留学生文化适应与心理健康相关性分析. *中国学校卫生*. 2013;34(12):1519–1521 = Чжун Цзябао, Гао Цзин, Се Ган. Анализ корреляции между культурной адаптацией и психическим здоровьем иностранных студентов. *Китайская школьная гигиена*. 2013;34(12):1519–1521.
7. Lazarus RS, Folkman S. *Stress, appraisal, and coping*. New York: Springer; 1984. 460 p.
8. Lazarus RS. Coping theory and research: past, present, and future. *Psychosomatic Medicine*. 1993;55(3):234–247. DOI: 10.1097/00006842-199305000-00002.
9. 王卫平, 薛朝霞, 牛利. 应对方式在工作压力与心理健康之间的中介作用机制. *中国卫生统计*. 2012;29(3):330–332 = Ван Вэйпин, Сюэ Чаося, Ниу Ли. Механизм медиации между стрессом на работе и психическим здоровьем. *Статистика здравоохранения Китая*. 2012;29(3):330–332.
10. Beutler LE, Harwood TM, Kimpura Satoko, Verdirame D, Blau K. Coping style. *Journal of Clinical Psychology*. 2011; 67(2):176–183. DOI: 10.1002/jclp.20752.
11. Desmond DM, MacLachlan M. Coping strategies as predictors of psychosocial adaptation in a sample of elderly veterans with acquired lower limb amputations. *Social Science & Medicine*. 2006;62(1):208–216. DOI: 10.1016/j.socscimed.2005.05.011.

12. Endler NS, Parker JD. Multidimensional assessment of coping: a critical evaluation. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990;58(5):844–854. DOI: 10.1037/0022-3514.58.5.844.
13. Walker R, Stephens RS. Protective behavioral strategies mediate problem-focused coping and alcohol use in college students. *Addictive Behaviors*. 2014;39(6):1033–1037. DOI: 10.1016/j.addbeh.2014.02.006.
14. Noorbakhsh Najmeh, Besharat Mohammad Ali, Zarei Jamileh. Emotional intelligence and coping styles with stress. *Procedia-Social and Behavioral*. 2010;5:818–822. DOI: 10.1016/j.sbspro.2010.07.191.
15. 陈伟珍. 高中艺术生心理健康状况及应对方式的相关研究 [硕士学位论文]. 苏州: 苏州大学. 2010. 87 頁 = Чэнь Вэйчжэнь. *Исследование психического здоровья и способов реагирования студентов искусства средней школы* [диссертация]. Сучжоу: Университет Сучжоу; 2010. 87 с.
16. Kim Young Yun, Gudykunst WB. *Cross-cultural adaptation: current approaches*. New York: Newbury Park; 1988. 320 p.
17. Chirkov VI, Safdar S, de Guzman J, Playford K. Further examining the role motivation to study abroad plays in the adaptation of international students in Canada. *International Journal of Intercultural Relations*. 2008;32(5):427–440. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2007.12.001.
18. Adelman MB. Cross-cultural adjustment: a theoretical perspective on social support. *International Journal of Intercultural Relation*. 1988;12(3):183–204. DOI: 10.1016/0147-1767(88)90015-6.
19. Yue H. *Research on the Chinese sojourners' cross-cultural adaptation in Confucius institutes* [dissertation]. Zhengzhou: Henan University of Technology; 2016. 65 p.
20. Ward C, Kennedy A. The measurement of socio-cultural adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*. 1999;23(4):659–677. DOI: 10.1016/S0147-1767(99)00014-0.
21. 解亚宁. 简易应对方式量表信度和效度的初步研究. *中国临床心理学杂志*. 1998;6(2):114–115 = Се Яньнин. Предварительное исследование достоверности и эффективности простых методов реагирования. *Китайский журнал клинической психологии*. 1998;6(2):114–115.
22. Zimet GD, Powell SS, Farley GK, Werkman S, Berkoff KA. Psychometric characteristics of the multidimensional scale of perceived social support. *Journal of Personality Assessment*. 1990;55(3–4):610–617. DOI: 10.1080/00223891.1990.9674095.
23. 王姿欢, 俞文兰等. 症状自评量表简化版 (SCL-54) 在女生医疗卫生人员心理测评中的信度效度评价. *中国工业医学杂志*. 2018;32(5):351–355 = Ван Цзихуан, Юй Вэньлан. Упрощенная версия шкалы самооценки симптомов (SCL-54) оценивает достоверность в психологической оценке женского медицинского персонала. *Китайский журнал промышленной медицины*. 2018;32(5):351–355.
24. Hayes AF. Partial, conditional, and moderated moderated mediation: quantification, inference, and interpretation. *Communication Monographs*. 2018;85(1):4–40. DOI: 10.1080/03637751.2017.1352100.
25. 程琨. 高中生应对方式、心理弹性与适应取向心理健康的关系 [硕士学位论文]. 山东: 山东师范大学; 2014. 52 頁 = Ченг Кун. *Взаимосвязь между стилем преодоления трудностей старшеклассников, психологической устойчивостью и психическим здоровьем, ориентированным на адаптацию* [диссертация]. Шаньдун: Шаньдунский педагогический университет; 2014. 52 с.
26. Wen Zhonglin, Ye Baojuan. Different methods for testing moderated mediation models: competitors or backups? *Acta Psychologica Sinica*. 2014;46(5):714–726. DOI: 10.3724/SP.J.1041.2014.00714.
27. Hayes AF, Rockwood NJ. Conditional process analysis: concepts, computation, and advances in modeling the contingencies of mechanisms. *American Behavioral Scientist*. 2019;64(1):19–54. DOI: 10.1177/0002764219859633.
28. Hayes AF. *Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: a regression-based approach*. New York: Guilford Press; 2013. 732 p.
29. Rosenthal DA, Russell J, Thomson G. Social connectedness among international students at an Australian university. *Social Indicators Research*. 2007;84(1):71–82. DOI: 10.1007/s11205-006-9075-1.
30. Alsaad Khaled Saeed Mohammad. *Psychosocial and mental health challenges of international students compared to British students in UK universities* [dissertation]. Luton: University of Bedfordshire; 2017. 356 p.

References

1. Berry JW. Immigration, acculturation and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*. 1997;46(1):5–34. DOI: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x.
2. Argyle M. The nature of social skill. In: Argyle M, editor. *Social skills and health*. London: Routledge; 1981. p. 7–37. DOI: 10.4324/9780203796108.
3. Ward C, Bochner S, Furnham A. *The psychology of culture shock*. 2nd edition. London: Routledge; 2001. 384 p. DOI: 10.4324/9781003070696.
4. Qiu Shan, Yan Xiaomin. [Research on the influencing factors in Colleen Ward's two-dimensional model]. *Learn Theory*. 2016;11:171–173. Chinese.
5. Berry JW, Phinney JS, Sam DL, Vedder P. Immigrant youth: acculturation, identity and adaptation. *Applied Psychology*. 2006;55(3):303–332. DOI: 10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x.
6. Zhong Jiabao, Gao Jing, Xie Gang. [Correlation analysis of international students' cultural adaptation and mental health]. *Chinese School Health*. 2013;34(12):1519–1521. Chinese.
7. Lazarus RS, Folkman S. *Stress, appraisal, and coping*. New York: Springer; 1984. 460 p.
8. Lazarus RS. Coping theory and research: past, present, and future. *Psychosomatic Medicine*. 1993;55(3):234–247. DOI: 10.1097/00006842-199305000-00002.
9. Wang Weiping, Xue Zhaoxia, Niu Li. [The mediating mechanism of coping style between work stress and mental health]. *China Health Statistics*. 2012;29(3):330–332. Chinese.
10. Beutler LE, Harwood TM, Kimpara Satoko, Verdirame D, Blau K. Coping style. *Journal of Clinical Psychology*. 2011; 67(2):176–183. DOI: 10.1002/jclp.20752.
11. Desmond DM, MacLachlan M. Coping strategies as predictors of psychosocial adaptation in a sample of elderly veterans with acquired lower limb amputations. *Social Science & Medicine*. 2006;62(1):208–216. DOI: 10.1016/j.socscimed.2005.05.011.

12. Endler NS, Parker JD. Multidimensional assessment of coping: a critical evaluation. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990;58(5):844–854. DOI: 10.1037/0022-3514.58.5.844.
13. Walker R, Stephens RS. Protective behavioral strategies mediate problem-focused coping and alcohol use in college students. *Addictive Behaviors*. 2014;39(6):1033–1037. DOI: 10.1016/j.addbeh.2014.02.006.
14. Noorbakhsh Najmeh, Besharat Mohammad Ali, Zarei Jamileh. Emotional intelligence and coping styles with stress. *Procedia-Social and Behavioral*. 2010;5:818–822. DOI: 10.1016/j.sbspro.2010.07.191.
15. Chen Weizhen. [Research on the mental health status and coping styles of high school art students] [dissertation]. Suzhou: Suzhou University; 2010. 87 p. Chinese.
16. Kim Young Yun, Gudykunst WB. *Cross-cultural adaptation: current approaches*. New York: Newbury Park; 1988. 320 p.
17. Chirkov VI, Safdar S, de Guzman J, Playford K. Further examining the role motivation to study abroad plays in the adaptation of international students in Canada. *International Journal of Intercultural Relations*. 2008;32(5):427–440. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2007.12.001.
18. Adelman MB. Cross-cultural adjustment: a theoretical perspective on social support. *International Journal of Intercultural Relation*. 1988;12(3):183–204. DOI: 10.1016/0147-1767(88)90015-6.
19. Yue H. *Research on the Chinese sojourners' cross-cultural adaptation in Confucius institutes* [dissertation]. Zhengzhou: Henan University of Technology; 2016. 65 p.
20. Ward C, Kennedy A. The measurement of socio-cultural adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*. 1999;23(4):659–677. DOI: 10.1016/S0147-1767(99)00014-0.
21. Xie Yaning. [A preliminary study on the reliability and validity of the simple coping style scale]. *Chinese Journal of Clinical Psychology*. 1998;6(2):114–115. Chinese.
22. Zimet GD, Powell SS, Farley GK, Werkman S, Berkoff KA. Psychometric characteristics of the multidimensional scale of perceived social support. *Journal of Personality Assessment*. 1990;55(3–4):610–617. DOI: 10.1080/00223891.1990.9674095.
23. Wang Zihuan, Yu Wenlan. [Evaluation of the reliability and validity of the simplified version of the symptom self-rating scale (SCL-54) in the psychological evaluation of female medical staff]. *Chinese Journal of Industrial Medicine*. 2018;32(5):351–355. Chinese.
24. Hayes AF. Partial, conditional, and moderated moderated mediation: quantification, inference, and interpretation. *Communication Monographs*. 2018;85(1):4–40. DOI: 10.1080/03637751.2017.1352100.
25. Cheng Kun. [The relationship between high school students' coping style, mental flexibility and adaptive mental health] [dissertation]. Jinan: Shandong Normal University; 2014. 52 p. Chinese.
26. Wen Zhonglin, Ye Baojuan. Different methods for testing moderated mediation models: competitors or backups? *Acta Psychologica Sinica*. 2014;46(5):714–726. DOI: 10.3724/SP.J.1041.2014.00714.
27. Hayes AF, Rockwood NJ. Conditional process analysis: concepts, computation, and advances in modeling the contingencies of mechanisms. *American Behavioral Scientist*. 2019;64(1):19–54. DOI: 10.1177/0002764219859633.
28. Hayes AF. *Introduction to mediation, moderation, and conditional process analysis: a regression-based approach*. New York: Guilford Press; 2013. 732 p.
29. Rosenthal DA, Russell J, Thomson G. Social connectedness among international students at an Australian university. *Social Indicators Research*. 2007;84(1):71–82. DOI: 10.1007/s11205-006-9075-1.
30. Alsaad Khaled Saeed Mohammad. *Psychosocial and mental health challenges of international students compared to British students in UK universities* [dissertation]. Luton: University of Bedfordshire; 2017. 356 p.

Статья поступила в редколлегию 09.01.2023.
Received by editorial board 09.01.2023.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 1/3(072)(06)

Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] : сб. материалов XX науч.-метод. конф. фак. филос. и соц. наук Белорус. гос. ун-та, посвящ. памяти проф. И. Л. Зеленковой (Минск, 31 марта 2023 г.) / БГУ ; [редкол. : Н. В. Курилович (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 270 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/296397>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.04.2023, № 003817042023.

Сборник содержит материалы участников XX научно-методической конференции факультета философии и социальных работ БГУ и представляет собой результат коллективной работы ведущих специалистов, аспирантов, магистрантов и студентов факультета философии и социальных наук БГУ, а также других структурных подразделений БГУ и учреждений высшего образования Республики Беларусь. Сборник адресуется научным и педагогическим работникам, аспирантам и магистрантам, студентам и всем тем, кто интересуется проблемами и перспективами преподавания социально-гуманитарных дисциплин в высшей школе.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Рубанов А. В.</i> Стоическая мудрость Сенеки.....	4
<i>Сидоренко И. Н.</i> Социально-критическая теория франкфуртской школы: между марксизмом и психоанализом	15
<i>Никонов А. Н.</i> Основные направления изучения биографии и творчества М. М. Бахтина: к проблеме научного наследия.....	23
<i>Дисько-Шуман М. Р.</i> Аналитика обыденного языка в философии П. Ф. Стросона	33
<i>Лукьянович Н. М.</i> От концепта «событие» Ж. Делёза к событийной перформативности в теории театра.....	40

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

<i>Сайганова В. С.</i> Экспериментальная методология социально-гуманитарного познания: эпистемологический аспект.....	46
---	----

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Титаренко Л. Г.</i> Инновационное развитие общества в восприятии студентов: сравнительный анализ эмпирических данных.....	52
<i>Курбачёва О. В.</i> Статус и специфика этнической мифологии на современном этапе социокультурного развития: социально-философский анализ	60
<i>Колядко И. Н.</i> Социокультурная динамика техногенной цивилизации: концептуальная модель В. С. Стёпина	67

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Синьчунь Не, Фурманов И. А.</i> Гендерные различия во взаимосвязях личностных черт «Большой пятерки» и «Темной триады» у китайских студентов.....	74
<i>Певнева А. Н.</i> Конструкт ригидности в концепции когнитивно-личностного развития.....	84
<i>Абакумова П. А.</i> Проблема символического опосредствования социального понимания у лиц, совершивших правонарушения	93
<i>Лепешко К. В.</i> Личностные детерминанты социально-сравнительной ревности	99
<i>Су Тао, Фурманов И. А.</i> Влияние показателей социокультурной адаптации, социальной поддержки и стратегий совладающего поведения на состояние психического здоровья китайских студентов.....	108
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	119

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Rubanau A. V.</i> The stoic wisdom of Seneca	4
<i>Sidorenko I. N.</i> Critical social theory of the Frankfurt school: between Marxism and psychoanalysis...	15
<i>Nikonov A. N.</i> The main directions of studying biography and creativity of M. M. Bakhtin: on the problem of scientific heritage.....	23
<i>Dzisko-Schumann M. R.</i> Analytics of ordinary language in P. F. Strawson's philosophy	33
<i>Lukyanovich N. M.</i> From concept «event» of G. Deleuze to event performativity in the theory of theatre ...	40

EPISTEMOLOGY

<i>Saiganova V. S.</i> Experimental methodology of socio-humanitarian knowledge: epistemological aspect ...	46
---	----

SOCIAL RESEARCHES

<i>Titarenko L. G.</i> Students' perception of innovative development of a society: comparative analysis of empirical data.....	52
<i>Kurbacheva O. V.</i> Status and specificity of ethnic mythology at the present stage of socio-cultural development: social and philosophical analysis.....	60
<i>Kolyadko I. N.</i> Socio-cultural dynamics of technogenic civilisation: conceptual model by V. S. Stepin...	67

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

<i>Xinchun Nie, Fourmanov I. A.</i> Gender differences in the interrelationships of Chinese student's personality traits of the «Big five» and the «Dark triad»	74
<i>Pevneva A. N.</i> The construct of rigidity in the concept of cognitive-personal development	84
<i>Abakumova P. A.</i> The problem of symbolic mediation of social understanding in persons who have committed offenses	93
<i>Lepeshko K. V.</i> Personal determinants of socio-comparative jealousy	99
<i>Su Tao, Fourmanov I. A.</i> The influence of indicators of socio-cultural adaptation, social support and coping strategies on the mental health of Chinese students.....	108
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	119

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 2. 2023**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редакторы *М. А. Журо, М. И. Дикун,*
А. С. Люкевич, О. А. Семенец
Технический редактор *Д. Ф. Когут*
Корректор *А. С. Горгун*

Подписано в печать 31.05.2023.
Тираж 90 экз. Заказ 159.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, г. Минск.

© БГУ, 2023

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 2. 2023**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editors *M. A. Zhuro, M. I. Dikun,*
A. S. Lyukevich, O. A. Semenets
Technical editor *D. F. Kogut*
Proofreader *A. S. Gorgun*

Signed print 31.05.2023.
Edition 90 copies. Order number 159.

Republic Unitary Enterprise
«Publishing Center of the Belarusian State University».
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
6 Ćyrvonaarmiejskaja Str., Minsk 220030.

© BSU, 2023